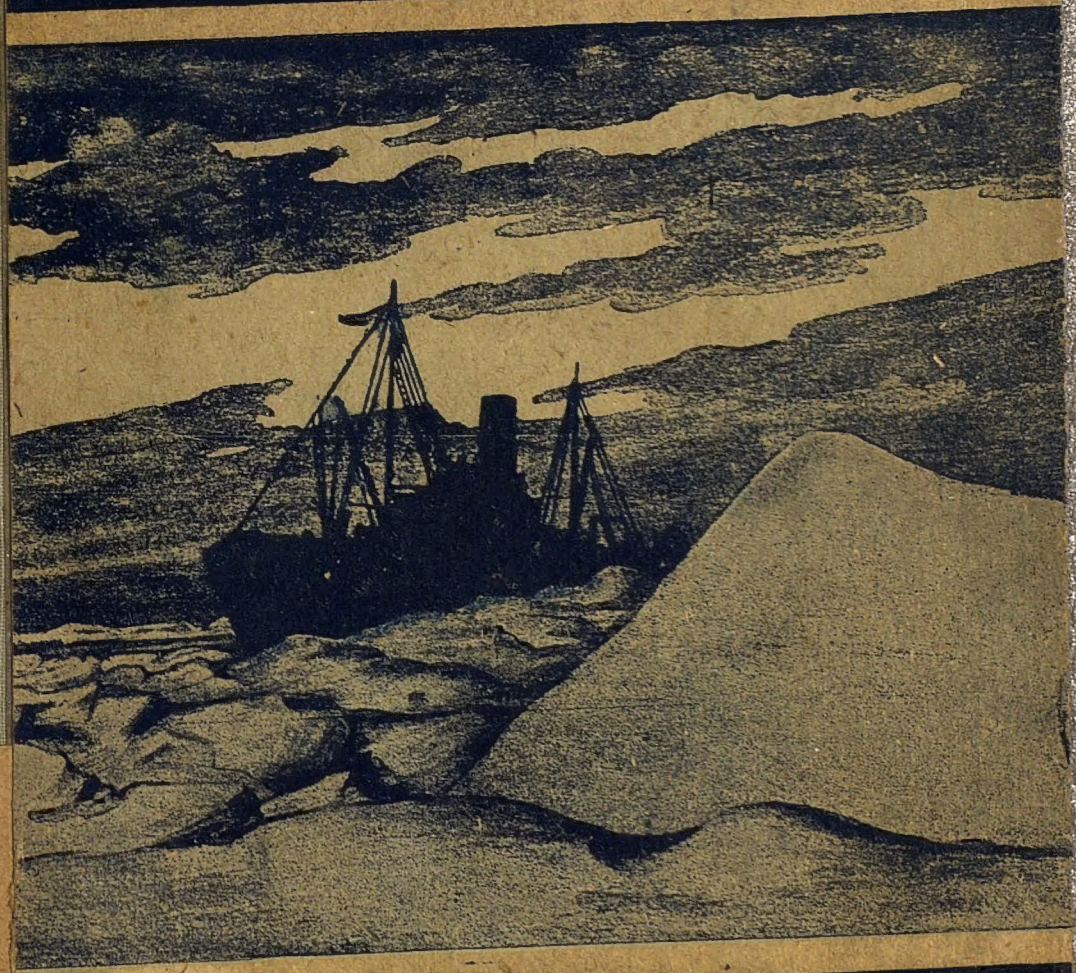
Е 9.1(98)
М92.

Леонид Муханов

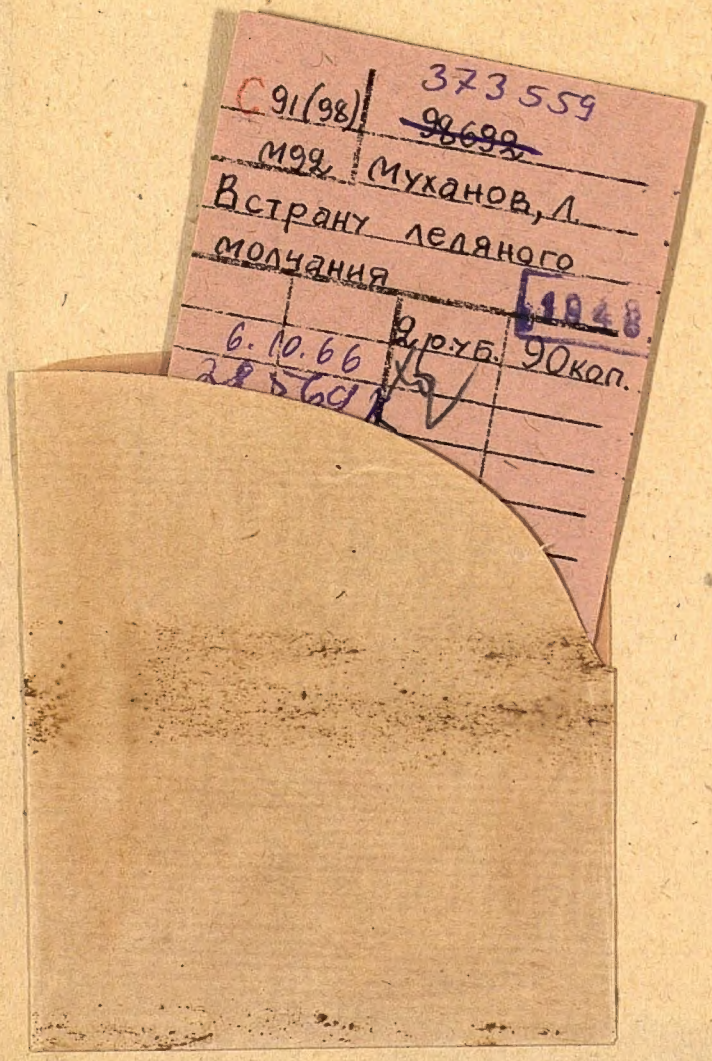
В страну ледяного молчания



373559

Госиздат-Севкрайгиз · 1934

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ



С91(98)
М 92

В СТРАНУ
ЛЕДЯНОГО МОЛЧАНИЯ

ПОХОД
ЛЕДОКОЛА „ГЕОРГИЙ СЕДОВ"

НА
ЗЕМЛЮ ФРАНЦА-ИОСИФА
И
ЗЕМЛЮ СЕВЕРНУЮ
15/VI — 14/IX
1930

☆

ЛЕОНИД МУХАНОВ

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова
1948

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

СЕВЕРНОЕ КРАЕВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК 1934

1966 г.

ЛЕОНИД МУХАНОВ

«В СТРАНУ ЛЕДЯНОГО МОЛЧАНИЯ»

Обложка по рис. худ. В. С. Перова

91(98)

«В страну ледяного молчания» — книга о походе ледокола «Георгий Седов» на Землю Франца-Иосифа и Землю Северную 15/VI—14/IX 1930 года, под командой ледового капитана В. И. Воронина; экспедицию на «Седове» возглавлял О. Ю. Шмидт. Будни экспедиции, быт зимовщиков полярных станций, научные открытия (остров Визе и др.) — нашли в книге Муханова отображение в форме художественных очерков. Автор — журналист, секретарь экспедиции

РЕДАКЦИОННОЕ РУКОВОДСТВО

Т. П. Синицын — ответств. редакция

С. Д. Заскальный — оформление, полиграфическая редакция, корректура

ЦЕХОВОЕ РУКОВОДСТВО

А. Д. Высоковский — набор

Н. И. Широгоров — печать

А. И. Пронин — брошировка

Сд. в произв. 14/X. Подп. к печ. 29/XI

Тираж 5000

Бум. фаб. „Сокол" форм. 62×88 1/16

Печ. л. 12,75. Бум. л. 6,38. Уч.-авт. л. 11,6

В бум. л. 76 800 зн.

Инд. III X 16 Заказ № 2609

Уполн. Крайлита 1793 29/IX-34

Типография «Северный Печатник»

Вологда

Цена 2 руб. 90 коп.

1995

2010

2002

Нейтрализация

20 10 г.

П Р Е Д И С Л О В И Е

Я вряд ли ошибусь, если скажу, что экспедиции в арктические страны пользуются особой популярностью среди трудящихся Советского Союза.

Чем можно объяснить это обстоятельство?

Мне кажется, что каждому человеку свойственно восхищаться чем-то таким, что по его мнению связано с мужеством, с преодолением препятствий, упорством и риском для жизни. И нужно сказать, что почти всякая экспедиция, снаряженная в Арктику, действительно требует этих качеств от ее участников, хотя с другой стороны за последнее время техника полярных путешествий достигла значительных результатов: мы идем в Арктику не на маломощных кораблях, которые дрейфом морского льда могут быть отнесены совсем не в том направлении, какое необходимо. Мы отправляемся туда на ледоколах и ледокольных пароходах, снабженных прекрасным продовольствием и инструментарием, сконструированным по последнему слову техники. Наличие радио на корабле и постоянная связь с полярными радиостанциями дают возможность предвидеть не только ледовые условия, но и погоду во время похода.

Однако, несмотря на это, в Арктике и до сих пор остались бы белые пятна в гораздо большей степени, чем теперь, если бы в Советском Союзе не находилось людей, готовых итти на всяческие жертвы ради достижения высокой цели — охватить научным исследованием места, которые до сего времени никогда не посещались человеком.

Поход ледокола „Седов" в 1930 году вписал прекрасные страницы в историю завоевания Арктики. Были открыты новые острова, один из которых — остров Визе — явился прекрасным доказательством возможности научного предвидения.

В этой экспедиции принимали участие не только люди, много раз побывавшие в Арктике, но и молодежь, к числу которой

принадлежит автор этой книги — Леонид Муханов. Вышедший из рабочей среды и сам рабочий-прядильщик Орехово-Зуевских фабрик, член ВКП(б), тов. Л. Муханов начал свою литературную деятельность, как и многие пролетарские писатели, с помещения заметок в рабочих газетах; затем, увлеченный изучением арктических областей, он добился участия в экспедиции на ледоколе „Г. Седов". Работая во время похода в качестве секретаря экспедиции, он принимал вместе с тем деятельное участие в научно-исследовательских работах ее, являясь живым звеном между командой и научным штабом.

Попав впервые в Арктику, он с непосредственной искренностью передал свои впечатления о ней в настоящей книге.

Нужно надеяться, что его труд привлечет еще не мало молодых энтузиастов к работе в полярных областях.

Р. Л. САМОЙЛОВИЧ

Ленинград
Всесоюзный арктический институт

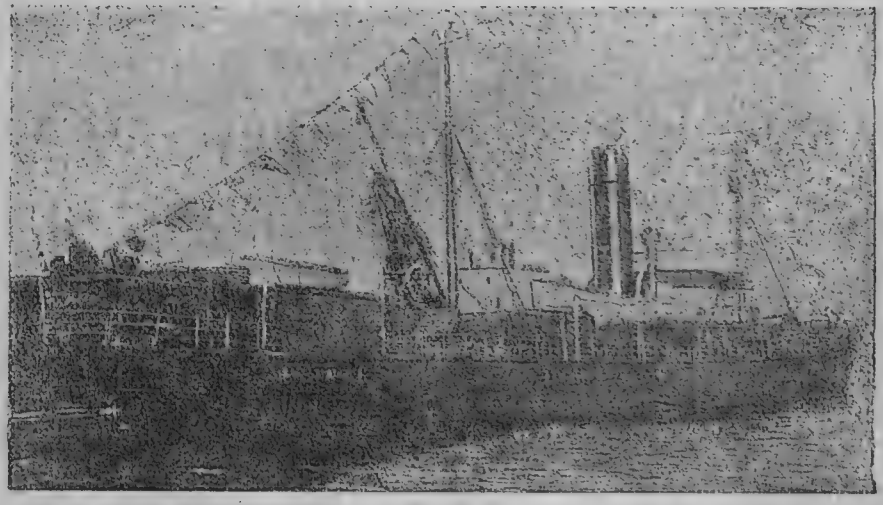
В СТРАНУ ЛЕДЯНОГО МОЛЧАНИЯ

Правительственному комиссару
Северных земель
начальнику II правительственной
арктической экспедиции на ледоколе
«Георгий Седов»
коммунисту, товарищу, другу
профессору
ОТТО ЮЛЬЕВИЧУ ШМИДТУ
посвящает
свой скромный труд

автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В АРКТИКУ



„Георгий Седов", расцвеченный флагами, покидал Архангельск

П О Г Р У З К А

Полночь.

Тяжелые тучи над городом. Тишина.

На Белом море шторм. Шторм несет в белую ночь над Архангельском свежесть. Улицы пусты и безлюдны. Лишь одна Красная пристань кипит необычайно поздней для города жизнью. Крики людей смешиваются с шумом паровых лебедок.

— Май-на...

— Вира по малу...

— Эй, Плоско-но-сов!..— доносится из портового склада голос Иванова, „начальника Земли Франца-Иосифа".

— Идд-у...— откликается тяжелый бас.

Высокий, широкоплечий тов. Плосконосов, шофер тов. Ворошилова, медвежьей походкой направляется в склад.

— Ст-о-о-й!...— закричало сразу несколько голосов.

Над моей головой, разводя ногами, точно циркулями, проплыла испуганная корова. Ее глаза готовы выпрыгнуть из орбит. Лебедку не поспели остановить.

— По-о-

-лун-д-ра...

Корова очутилась над зеленой рябью Северной Двины.

— Несчастье: корова красит ноги,— захлебывается смехом кочегар Московский.

Смех, шутки, быстрая работа: грузится „Георгий Седов" — ледокол, испытанный в арктических походах.

Разорвав тучи, вынырнуло теплое солнышко. Палуба — точно базар: бочки с бензином и маслом, мешки с мукой, крупой, сахаром, картофелем, кули с луком, с капустой, всевозможные ящики. На каждом предмете ярлыки с наименованием номера. Завхоз экспедиции озабочен: его долг — ничего не забыть.

— Самое главное для успеха полярной экспедиции — тщательная подготовка,— говорит профессор Визе, хлопая по плечу раскрасневшегося завхоза.

Визе — старый полярник, ходивший вместе с лейтенантом, сыном рыбака, Г. Я. Седовым на северный полюс в 1912—14 гг.

— Владимир Юльевич, бегу на телеграф: черкните пару слов в „Комсомольскую Правду“,— обращаюсь я к профессору.

Он вынимает самопишущую ручку, пишет:

▫ Выходя в Ледовитое море — искать неведомые берега еще неоткрытых полярных земель, шлю „Комсомольской Правде“ горячий привет. ▫

Подошел профессор Самойлович, посмотрел через роговые очки и приписал:

▫ Перед выходом в далекое полярное плавание шлю горячий привет „Комсомольской Правде“. Твердо надеемся преодолеть предстоящие препятствия. ▫

Солнце начинает уже припекать. Холодный ветер переменился на южный. Небо расчистилось.

Просыпается город.

С моря полуденного —
Жара не подступи,
Конница Буденного
Раскинулась в степи...

Отчеканивая шаг по булыжникам мостовой, к „Седову“ с песней идут краснофлотцы с чемоданами в руках.

— Это кто?.. Зачем? — послышались возгласы.

— Это кадровики — комсомольцы-краснофлотцы. Они примут участие в нашем походе, — твердо сказал Самойлович.

Я вспомнил телеграмму тов. Шмидта:

▫ Архангельск. Совторгфлот.
Богачеву.

Наркомвоенмор Ворошилов предложил включить в команду „Седова“ на время экспедиции военную часть, в количестве от 8 до 10 человек на разные должности; прошу учесть при комплектовании. ▫

Песня близится. Бодрая шеренга уже перед нами: загорелые лица, матросские тельники.

— Нам товарища Шмидта. Назначение к нему,— отделяясь от группы, по-военному четко говорит самый плотный краснофлотец.

— Скоро будет. А как ваша фамилия?

— Лукьянов — с крейсера „Октябрьская революция“.

Перед выходом...
На снимке справа налево: проф. Р. Л. Самойлович, Муханов, Иванов, Журавлев, Урванцев

И, словно давно знакомый со всеми, он крепко жмет руку каждому из нас.

Спешу скорее на почту — отсылать последнюю телеграмму с материка:

▫ Ледокол „Седов" заканчивает погрузку, котлы испытаны, компасы проверены, состав экспедиции на месте, принимаем неприкосновенный запас продовольствия и специальной одежды. Возможна зимовка во льдах. Ледокол снабжен всем необходимым благодаря прекрасному отношению местных партийных и профессиональных организаций. ▫

На перекрестке сталкиваюсь с начальником экспедиции:

— Товарищ Шмидт, краснофлотцы прибыли.

Пушистая борода зажата в пухлых, красных губах, а серые глаза заблестели под широким лбом.

— Вот это славно!

Подставляю спину, протягиваю химический карандаш и лист бумаги.

Начальник экспедиции размашистым почерком пишет:

«Москва. „Комправда".

Рад, что имею на борту нескольких комсомольцев.

Ура Ленинскому Комсомолу.»

— Что случилось?

Визг, топот, хор собачьих завываний. По неровной мостовой главного проспекта мчится во всю прыть запряженная собаками нарта. Скрипят полозья по камням; как из-под кремня, сыплются искры.

Распахиваются окна. Заспанные горожане с изумлением провожают глазами запряжку. Но ее уже не видно. Только вихри пыли остались от промчавшихся двенадцати колымских собак.

Это ездовые собаки-лайки для Северной Земли. Они уже у борта ледокола. На минуту остановлена погрузка. Вокруг собак сгрудились не спавшие всю ночь матросы, кочегары и члены экспедиции.

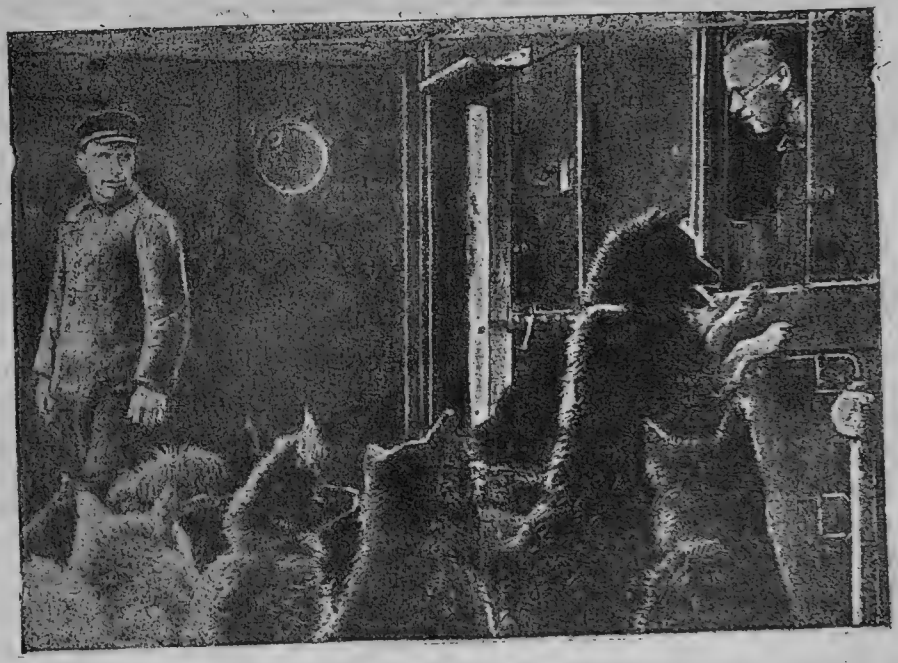
Колымские собаки, с их белыми, словно слепыми, глазами, любопытны всем. Смуглый, подвижной, слегка напоминающий японца, — будущий начальник Северной Земли и бывший первый начальник советской колонии на острове Врангеля, — краснознаменец Георгий Алексеевич Ушаков рассказывает про собак:

— Они у меня кругосветные путешественники: из устья Колымы прошли морем Беринга, мимо Чукотского полуострова к Камчатке, Японии, ехали по железной дороге от Владивостока на Хабаровск, Вологду и Архангельск. Осталось совсем немного, чтобы замкнуть круг. Зайдем с ними на Землю Франца-Иосифа, затем — к себе, на западные берега Северной Земли.

Мужественный человек Ушаков: заброшенный на далекий остров Врангеля, три года отрезанный от мира, лишенный даже радиосвязи, проведший нечеловеческую борьбу с морозами, вьюгами и зверями, — он сейчас совершенно уверен в себе. Уверен, что выполнит задание правительства: пробыть еще три года на неизученной северной Земле с тремя такими же закаленными спутниками.

Псы заглядывают ему в глаза, ластятся.

— Миша, — обращается Ушаков к самой сильной лайке с лохматой черной шерстью: — Миша, а ну, повой.



Колымские собаки на ледоколе

Миша кладет ему лапы на грудь, невысоко поднимает голову и протяжно воет.

Собаки — основной способ передвижения в суровой Арктике. С их помощью исследователь побывает в самых отдаленных участках Северной Земли.

Матросы разместили собак по специально устроенным деревянным клетушкам. С лошадьми было больше возни. Серая с черными пятнами кобыла брыкалась, никак не хотела подниматься в воздух. Наконец, и лошади на борту. Осталась самая трудная часть погрузки: разобранные дома, сараи, стройматериалы. На каждом бревне и доске есть свой номер, своя отметка. Молодой строитель-инженер Е. Е. Илляшевич следит за погрузкой. На землях Франца-Иосифа и Северной у него хватит времени на сборку их только при условии самой напряженной работы. После строительных материалов стали опускать в трюм бочки, мешки, кули, ящики.

Наконец, старший штурман Юрий Константинович Хлебников обсыпанный с ног до головы мукой, подошел к каюте капитана:

— Владимир Иванович, погрузка закончена. Все проверено и записано.

— Прекрасно. Значит,— сегодня в море,— негромко ответил широкоплечий поморский детина.

Это был капитан. Беседуем. Он рассказал о себе очень немного:

— Начал морскую службу еще мальчуганом. Помню, отец привел меня к рыжему, пропитанному тюленьим жиром, сухому, как вобла, владельцу небольшого бота и сказал: „Вот здесь, Володька, учись, как надо работать, и привыкай к морю". Меня сразу назначили зуйком. Обязанность зуйка заключается в нанизывании на крючки маленьких рыбешек. Рыбешки — приманка трески. С десяти лет начал я плавать в качестве „кока" на парусных судах. Через три года на салотопенном заводе научился приготовлять из тресковой печени медицинский жир, а в 15 лет сделался младшим матросом... Опасности?.. Кто в море не бывал, тот и страху не видал,— усмехается капитан.— Семнадцати лет поступил в мореходную школу в Сумском посаде. В 1912 году окончил морское образование помощником капитана дальнего плавания. Плавал на пароходе „Федор Чижов", с которого, при потоплении его немецкой подводной лодкой, спасся в числе немногих. В 1926 году был назначен капитаном ледокола „Георгий Седов". С ним я сжился. Родной он мне.

По сводкам моего собеседника впервые нанесены на карты глубины южной оконечности Новой Земли, поставлены опознавательные знаки; он же помог составить атлас беломорских течений.

Все помнят гибель дирижабля „Италия". На поиски группы Алессандрини и Амундсена были направлены ледоколы „Красин", „Малыгин" и „Седов". Капитан Воронин пробрался к земле Франца-Иосифа, обогнув ее с запада на восток. В 1920 году лишь благодаря его опыту удалось, преодолев тяжелые льды и густые туманы, пробиться не только к Земле Франца-Иосифа, но и выйти за пределы областей, нанесенных на карте. Им был поставлен рекорд свободного плавания во льдах.

Шутка ли — пробраться до 82° 14′ северной широты!

Гляжу на обветренное лицо испытанного северного моряка и растет уверенность: задания правительства и в этом году будут выполнены в срок.

ПОКИДАЕМ АРХАНГЕЛЬСК

Утро 15 июля 1930 года.

Солнце заливает город. Над Северной Двиной — легкое марево. Ледокол дрожит в струях теплого воздуха. Шныряют лодчонки. Мчатся куда-то, вспенивая воду, вечноторопливые катера. На рейде ожидают погрузки иностранные суда.

Красная пристань оживляется задолго до отвала ледокола. Пришли школьники — разглядывают ледокол, примостившись на ящиках и бочках, зарисовывают в тетради отдельные части судна. Подходят рабочие, грузчики, матросы. Пристань заполнена пролетарской толпой. На палубе — весь экипаж и пассажиры. Даже кочегары повылезли.

Крики, лай собак, гудки пароходов.

Вдруг все смолкает: оркестр заиграл Интернационал. Начальник экспедиции О. Ю. Шмидт, всегда такой спокойный, уравновешенный, хочет говорить, но не может начать,— овации провожающих смущают его.

— Товарищи! Сегодня мы покидаем последний форпост материка. Мы уходим в далекий путь — завоевывать Арктику и подчинять ее капризы воле могучего рабочего класса, направленной к развитию Советского Союза.

Слова правительственного комиссара жадно ловятся толпой. На пристани тишина. Из последних рядов, пробиваясь локтями, бесцеремонно проталкиваются стремящиеся слышать.

— Отправляясь в далекий путь, в полярный бассейн,— продолжает тов. Шмидт,— мы не будем одиноки, не будем чувствовать отчужденности от происходящей великой стройки. Нас посылает советское правительство. За работой экспедиции будет следить пролетариат всего мира... Раньше Арктика вырывала одну жертву за другой. Это было только потому, что путешественники были одиноки. Мы же едем как северный отряд великой армии труда, неся частицу энергии рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии. Мы победим!..

Последние слова тонут в приветствиях.

Радостно видеть энтузиазм северян. Север любит море, живет им.

— Ура! — несется и с мостика.

Жизнерадостный и молодой крепыш, штурман Ушаков, рванул шнур. Ледокол с хрипением выдавил первый протяжный гудок. 19 часов 30 минут.

Говорит профессор Самойлович:

— Вы — жители края, из которого устремлялись все наши научные исследования. Сотни лет назад поморы отправлялись на север завоевывать ледяные пустыни. Одна из задач нашей экспедиции — ряд научных исследований для развития Северного края и выяснения его экономических возможностей. Мы сейчас еще точно не знаем, какое значение может иметь то или иное научное открытие нашего похода. Арктика негостеприимна, коварна. Сколько отважных людей погибло в необъятных просторах далекого севера. И до сего времени в Арктике скрыто много тайн. Социалистическое строительство нашей страны требует от людей науки ответа, что представляют собой эти северные уголки, что может быть использовано для быстрейшего развития нашего хозяйства? Север все еще мало изучен, мы совершенно не знаем, что кроется в недрах его земли. И мы идем за ответом. Правительственная арктическая экспедиция, уходящая сегодня на Землю Франца-Иосифа и на Северную Землю, поставила перед собой цель — взять на учет все острова этой земли и нанести на карту тот большой, незнакомый еще кусок загадочной земли, который в 1913 году был случайно открыт Вилькицким,— к северу от Сибири, за Таймырским полуостровом. На пути к землям Франца-Иосифа и Северной научные сотрудники экспедиции исследуют морских животных, выяснят — какая рыба водится в северных морях. Тот интерес, который сейчас проявляется к изучению Арктики, делает нашу страну руководящей в области полярных исследований. Наши молодые, готовые к любым лишениям исследователи добьются выполнения пятилетки изучения Севера в два-три года.

Профессор Визе скромно сказал, что, как и прошлогодний поход, экспедиция этого года не выходит за границы возможного.

— Это — наша советская будничная, основная работа, которую мы проводим для быстрейшего развития нашей страны. Советское правительство давно уже обратило внимание на вопросы освоения нашего Севера и закрепления северных границ. В этом году на пути к Северной Земле мы предполагаем открыть новые земли, острова, о которых человечество не знало. Над ними водрузится

99699. 343559

Портовые краны унизаны гирляндами живых людей

советский флаг, и они будут включены в территорию Советского Союза. Правительство и коммунистическая партия, благодаря которым так успешно идут полярные исследования, дают нам, ученым, прекрасное орудие в борьбе со льдом — знаменитые на весь мир советские ледоколы. Мы уезжаем на тысячу миль в ледяную пустыню, но мы будем надеяться, что ни на минуту не оторвемся от Советского Союза.

Второй свисток. Пристань загудела. Замелькали белые платки и кепки.

В ответной речи, под несмолкаемые аплодисменты и крики „ура", представитель крайкома партии объявляет:

— Работая здесь по-ударному, мы и вашу экспедицию причисляем к ударникам науки.

20 часов 30 минут. Продолжительный третий гудок сотряс воздух.

— Отдать швартовы!

— Есть швартовы.

Обл библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Провожающие спешат по штормтрапу на берег. Неожиданно из толпы в первый ряд проталкивается рабочий в черной рубашке, с развевающимися седыми волосами; торопливо обшарив свои карманы, он широко улыбается и кидает через головы какой-то предмет. На верхнюю палубу падает маленький, в красной оправе перочинный нож.

— От Тронина — столяра. Чем богаты, тем и рады,— пригодится.

Ледокол медленно отваливает. Спущены флаги. Боцман (старший матрос) с вахтенным занялись уборкой палубы.

Оркестр заиграл „Буденного"...—

...Голов не вешать
И смотреть вперед...

У нас, на капитанском мостике, „смотрит вперед" лучший капитан северных морей.

— Капитану Воронину счастливого плавания,— отчеканивая каждое слово, выкрикивают студенты и рабочие.

Но капитан не оборачивается: ледокол уже в пути.

Кинооператор, браня мешающих, вертит ручку своего аппарата.

Ледокол уже на средине реки. Начинает смеркаться. Последняя остановка — в Чижовке.

Шум, топот. Что случилось?

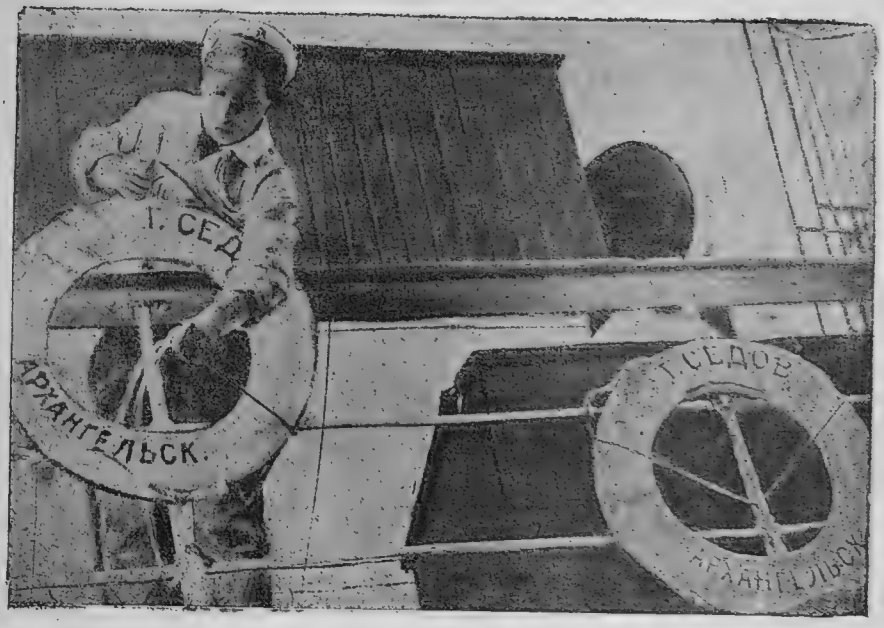
Оказалось — поймали „зайца". Обнаружили его среди нагроможденных тюков и бочек. Ему хотелось участвовать в полярном плавании. Молодой, среднего роста, с большой головой и бегающими маленькими глазками, покрытый сплошь веснушками, втянув голову в сутулые плечи, он виновато прошел в сопровождении штурмана Ушакова к трапу, оглянулся и тоскливо сказал:

— Желаю счастливого плавания...

В 11 часов вечера прошли канал Северной Двины. Вступаем в Белое море (по створам Белой и Черной мудьюжских башен). В море — зыбь. На волнах белые гребешки. Пена за кормой ледокола стала гуще и зеленей. Левый берег начал скрываться за горизонтом: оранжевый закат превратился в бледнолиловый. Впереди, разливая неугасающий желтый свет, показался пловучий маяк. В последний раз взглянули на темные контуры хвойных лесов, на электрические отблески Архангельска.

— Прощай, земля!— звонко кричали матросы и уходили на вахту.

БЕЛОЕ МОРЕ. В ГОСТЯХ У НОВОЗЕМЕЛЬЦЕВ



Краснофлотец Петров за уборкой палубы

Краснофлотец Петров отрывисто отбивает первые склянки. Сменяются вахты.

— Закрыть трюмы, задраить иллюминаторы!

— Закрепить провизионные ящики на спардеке!..

Ледокол начинает немного покачиваться. Волны яростно бьются о борт.

Терский берег, вдоль которого мы идем, закрыт мглой. Ориентируемся на мигающий свет Зимнегорского маяка. У острова Сосновца — недлинная остановка. Спущенная шлюпка доставляет на борт большой моторный катер. На серых боках — надпись:

ГРУМАНТ

Грумант — древнее, связанное с арктическими легендами, название острова Шпицбергена.

Матрос Юркевич в такт качке запел:

Грумант остров — страшен,
Кругом льдами обнесен,
И горами обвешан.
— Эх-э-э-э-э-э-э-э-х.

Ветер крепчает. Волны уже перекидываются за борт, обдают холодными брызгами оставшихся на палубе собак. Собаки, поджав хвосты, с пронзительным визгом убегают с кормы на нос и забиваются под „ледянки" („ледянки" — специальные лодки-сани, снабженные под килем парой полозьев для передвижения по снегу и льду).

Продолжаем знакомиться с судном. „Георгий Седов", ранее носивший имя „Беотик", построен в городе Глазго в 1909 году из самых лучших материалов и имеет наивысший класс — 100 AI. Во время мировой войны он был приобретен для зимней навигации в Белом море. Сейчас „Седов" используется в ледовых разведках для Карской экспедиции, а весной — для промысла морского зверя (тюленя) во льдах Белого моря. Ледокол снабжен радиостанцией и радиотелефоном. Команда ледокола — 36 человек.

Хочется спать, но соблазн увидеть новые места — велик. В дымке тумана показались неясные коричневые очертания берегов Новой Земли.

Ветер еще усилился. Стлавшийся у гор туман разошелся.

В гости к ледоколу спешат птицы. С криком носятся над мачтой моевки (вид полярных чаек). Планируя большими крыльями, срезая прямые углы, пронесся серенький глупыш (полярный буревестник).

Осторожно подходим к становищу в Белушьей губе.

Не успели отдать якоря, как от берега, подпрыгивая на волнах, к борту „Седова" отплыла небольшая лодочка.

Две спущенные шлюпки быстро доставили нас на берег. Члены экспедиции разбрелись по острову.

Руководимые Самойловичем, Шмидтом и Визе, мы обошли все становище.

— Идемте к председателю совета — тов. Тыко-Вылке...

Парасковья, жена Вылки, рассматривает ввалившуюся толпу. Ее привлекают большие роговые очки и запорожские усы Самойловича. Она толкает сидящую напротив старую, обрюзгшую самоедку.

— Самоловиц, Самоловиц...

Самойловича она знает давно. Он не раз проходил эти места.

— Самоловиц, Самоловиц — опять к нам?..

Коротко излагаем цель захода: нужен охотник. От дверей отделился крепкий, узкоглазый ненец — охотник-промышленник.

— Я поеду с вами.

От Тыко-Вылки идем на склад — через распахнутую дверь на нас глянула ослепительная гора шерсти шкурок белых песцов. Здесь лежали тысячи рублей.

— Вот оно — золото, которое так необходимо нашей стране на тракторы, комбайны и машины, рождающие машины, — говорит представитель Госторга тов. Сазонов.

Он рассказал, как втечение суровой зимы объехал на собаках весь берег Баренцова моря. Был в становищах Русанова, в Крестовой губе. Первым прошел по Карской стороне до залива Литке, наметил места для постройки новых становищ. В этом году, благодаря его разведке, будет новое становище на шесть промышленников. Из плавника (леса, выброшенного морем) будут построены домики.

Сазонов показывает красный уголок с висящей на стене стенгазетой „Эрм-Ханеня“ („Полярный промышленник“). За „большую ночь“ выпущено три номера. В газете участвуют и женщины из ненцев. В отделе „Бесхозяйственность“ нахожу следующую заметку:

> Картошка была получена плохая. Если бы нам дали ее в хорошем виде, то мы берегли бы этот дорогой на далеком севере продукт. Беречь мы тоже не умеем. За этим надо следить зав. базой. И лук был частью порченый.
>
> Мария Вылка.

В газете есть „Наш раек“ и отдел „Наше творчество“. Местный поэт Иона в стихотворении „Свет“ пишет:

Теперь дети не те, —
Грамоте научились,
В пионеры записались,
Дальше дорогу узнают.
Для них школа большая стоит.
Как весна начнется,
Моторы застучат.

Эко диво! Откуда моторы взялись?
Это Госторг привез промышлять.
Если по домам пройдешь,
Рисунков о боге не найдешь.
А о человеке найдешь...
Да здравствует советская власть!

Да здравствуют малые народности!

Заходим в прекрасно обставленное помещение школы-интерната,— оно надолго осталось в памяти...

— Северные дети любят науку. Они любопытны ко всему новому,— рассказывает нам педагог.

На стенах школы висят портреты Ленина, Сталина, Калинина и др., а кругом них сделанные руками школьников различные поделки из моржовой кости. Больше всего внимания привлекает даровитая передача малышами северных пейзажей. Полчаса я перелистывал альбомы, впитывая в себя свежесть северной природы, переданной при помощи только карандаша десятилетним ненцем.

Двое одетых в малицы ненцев доставляют меня к ледоколу. Из купоросносиней воды со скрипом подняли тяжелые якоря. Отплываем в Малые Кармакулы. Ненецкая лодка скрылась из виду. Мелкий дождик закрыл становище Белушью губу. Провожавшие ненцы машут руками.

— Спасибо. Прощайте, товарищи!..

Туман, мелкий дождик...

Крепкий „полуночник“ поднимает волну. Небо сплошь задернуто свинцовыми тучами.

Идем вдоль берегов Новой Земли, разделенной проливом Маточкин Шар на два больших острова.

Погода изменилась. Яркое румяное солнце согревает „Седова“. На палубе — оживление. Под руководством проф. Визе развернулись работы по метеорологии и гидрологии. Качает. Горбунов Лактионов, Ремизов (научные сотрудники) — невозмутимы; даже килевая качка на них не действует. Научная работа не останавливается ни на минуту. Заболевшего морской болезнью сотрудника заменяет другой. Производятся регулярные наблюдения над погодой, температурой и соленостью моря.

Заходим в Малые Кармакулы, где берем еще двух промышленников. В 1 час ночи 20 июля „Седов“ поднял якоря, простился с Кармакулами и взял курс на Землю Франца-Иосифа.

— Полный вперед! В Арктику...

КУРС НА ЗЕМЛЮ ФРАНЦА-ИОСИФА

В море Баренца можно исчезнуть...

Над морем Баренца небо нависло тяжелыми тучами. Ветер завывал в вентиляторных трубах, налетал на стойла коров, едва не срывая брезенты; встающие перед носом „Седова“ огромные водяные горы пенились и рассыпались. Капитан в желтом непромокаемом плаще, подставив открытое лицо непогоде, бессменно стоял на капитанском мостике.

Старший штурман записывал иззябшими за вахту руками в судовом журнале:

▫ Ветер крепчает, порывы доходят до 7 баллов. Волна усиливается. Вызванный боцман и запасной матрос закрыли брезентами коров и продрогших лошадей. Закрепили провизионные ящики. Ледокол кренится на левый бок. Волны падают через бок на палубу... ▫

Кают-компания, всегда набитая членами экспедиции, пустеет. Морская болезнь наступает внезапно. Голова кружится. Становишься беспомощным. Ноги, налитые свинцом, прирастают к палубе. Шатаясь, как пьяные, один за другим уходили к себе в каюты с единственным желанием: спать.

Как можно дольше спать!

Разъяренные волны тяжкими ударами бьют по бортам „Седова“. В каюты просачивается вода. Сон не освежает. Тысячи мучительных сновидений. Вода каплет на лицо. Мокнет постель. Слышится собачий визг. Бедные псы — они совсем беззащитны. Просыпаюсь от грохота катающихся по палубе железных бочек.

На моем одеяле, свернувшись калачиком, дремлет измокший колымский Мишка. Так вот откуда сырость. Ласковые сонные глаза Мишки смотрят на меня.

— Спи, спи...

Шатаются полки. Карабин Громова отделяется от стены. Выглядываю за двери и изумляюсь: Нина Петровна Демме в больших охотничьих сапогах осторожно перетаскивает с палубы в трюм горшки и ящики с гвоздикой, маргариткой, земляникой, настурцией, петрушкой, луком и альпийскими растениями.

— Боюсь,— на спардеке расшибет, унесет в море. Сорвется постройка первой оранжереи в полярном бассейне.

Выхожу наверх. Капитан попрежнему на мостике.

— Сбавить число оборотов в машине!

Морской ветер и брызги свирепого океана освежают тело. Крестьянские лошадки, заброшенные прямо от сохи в Ледовитое море, перестали есть сено, коровы позабыли о жвачке. Круглые как яблоко глаза их бессмысленно вращаются.

Двое суток бушевал океан. Застигнутые непогодой чайки с криком кружились над палубой. Двое суток пустовала кают-компания. Завхоз, не признавая шторма, распевал:

Чайки плачут, а матрос не плачет никогда.

Неожиданно ветер стал утихать, успокаивались волны, небо прояснилось. Вынырнуло солнце, озарило лазурью море. Сглаживалась зыбь. Из твиндека один за другим начали выползать страдавшие морской болезнью.

Матросы острили:

— Поехали на Землю Франца, а прихватили Ригу. Глядите,— сука ощенилась. Девять штук, и все живехоньки.

Известие облетело матросские и кочегарские кубрики. Собралась толпа. Каждому хотелось повозиться со щенками. Раздвигая всех, протискивался и промышленник Сергей Журавлев.

— Побаловались — довольно. Северных собак не следует таскать по рукам — испортишь.

Никто не возражал. Журавлев 25 лет прозимовал на островах Новой Земли, да и сейчас едет на три года на Северную Землю. Сотни собак прошли через его руки. Он лучше всех нас знает, как их воспитывать. Поджав хвост, заискивающими глазами смотрела на Журавлева мать этих девяти слепых пискунчиков. Ледокол качнуло. Журавлев со щенятами сделал резкое движение. Дамка бросилась к нему: долго ли до греха!

— На, дурашка, возьми.

— Московского избрать „собачьим шефом“,— решили все.

Возражений не последовало.

— Московский — твоя вахта,— неслось из кочегарки.

— Есть!

Торопливой походкой Московский спускался в трюм.

Ночь.

А солнце, не считаясь с циферблатом, слепит глаза.

Мы вступили в широту, где деления суток на ночь и день не существует. Солнце оживило корабль.

„В море Баренца можно исчезнуть"...

— Ку-ка-ре-ку!— понеслось из трюма. Залаяли собаки, замычали коровы, заржали лошади.

— Пловучий колхоз в Арктике,— заметил кто-то

Петух перепутал время и горланит целые сутки. Ожидая кромки льда, проходим 76 параллель северной широты. Льда не видно. На дверях кают-компании, привлекая всеобщее внимание, висит лист бумаги:

ТОВАРИЩИ ПАРТИЙЦЫ!

Завтра, 22 июля,

в красном уголке проработка тезисов,

XVI партсъезда.

Докладчик—ШМИДТ.

Явка незанятым обязательна.

Проф. Визе с группой ученых систематически ведет метеорологические наблюдения, сообщая по радио результаты в Бюро предсказаний погоды в Москву и Ленинград, а также на ледокол „Малыгин", который сопровождает караван судов Карской экспедиции.

Краснофлотец Петров подошел к проф. Визе спросить:

— Какую пользу принесут метеорология и ваши наблюдения нашему хозяйству?

— Погода делается на Севере. Чтоб получить возможность предсказаний погоды, необходимо изучение Арктики. Советское правительство обращает на этот вопрос большое внимание. Сейчас на побережье Ледовитого океана и островах построен ряд метеорологических станций. Чем их будет больше, тем больше шансов для правильных предсказаний погоды, тем богаче станет наша страна. Метеорология сохраняет социалистическому хозяйству сотни миллионов рублей. Вот почему мы так стремимся всесторонне узнать законы образования в Арктике холодных воздушных течений. Мы уже знаем, что эти течения, рождающиеся в ледяных просторах полярного бассейна, вызывают к жизни циклоны, а последние влияют на урожай. Но этого знания недостаточно. Нужно детальное изучение. Тогда научные работники смогут своевременно сигнализировать о погоде и предупреждать: лето будет засушливое, надо будет сеять рожь, пшеницу, овес, сорта, легко переносящие жару. Если лето дождливое, холодное, тогда — другие сорта.

С севера пошел густой, белесый, холодный туман. Он наваливался стеной на темнокоричневые воды, цепляясь за мачты, заливая палубу студеным молоком.

— Льды близко,— заговорили на корабле.

У „сороконожки",— так называли большой сорокакратный цейсовский бинокль,— выстраивалась длинная очередь. Всматривались в туман, выискивали первых ледяных гостей.

— Льда нет.

Пересекаем 76-ю, 77-ю паралель.

— Может быть нам удастся как Ли-Смиту в 1880 году на судне „Эйра", дойти до архипелага по чистой воде.

Но проф. Визе уверенно говорит:

— Льды должны быть скоро. Туман указывает на их близость.

Первый айсберг!..
Перед нами проплыла светлозеленая гора льда, изглоданная волнами

Кинооператор Новицкий, точно прирожденный моряк, мячиком поскакал по палубе, потащил свой тяжелый киноаппарат к фок-мачте.

По веревочной лестнице заполз в наблюдательную бочку и установил свою машину.

— Мой лед! Первый увижу.

У кормы сгрудились матросы.

Здесь, под руководством Визе, рабочие бросали в холодную воду тяжелые яйцеобразные буйки.

Кто знает...

Может быть где-нибудь у берегов Гренландии, Норвегии или островов Новой Земли, а может быть и у берегов Южной Африки или Америки их найдут люди, прочтут вложенную в середину записку:

БУЕК

№ 3

брошен Второй советской правительственной
арктической экспедицией
на 77° северной широты,
48° восточной долготы
с целью
изучения морских течений.
К нашедшему просьба сообщить
в
Ленинград, Фонтанка, 34,
Всесоюзному арктическому институту,
указав
место и время находки.

— До свидания! Когда и где вас прибьют волны? Встретимся ли? Узнаем ли вашу судьбу?..

Потянуло холодом.

Члены экспедиции, укутанные в кожаные меховые пальто, подняли белько́вые воротники, ждут.

— Первый айсберг...— закричал Новицкий.

Мы столпились на носу ледокола.

— Налево, налево!

Перед нами, покачиваясь, горделиво прошла предвестница кромки льдов, светлозеленая ледяная гора, изглоданная морскими волнами.

Море стало принимать сероватый оттенок. Молочная завеса разорвалась на клочья и, гонимая ветром, ушла к югу. Яркое солнце вновь залило палубу искрящимся светом. Подул норд-ост. На горизонте показалась узкая белая полоса ледяного неба.

Мы близки к кромке льда — порогу негостеприимной Арктики.

СКВОЗЬ ЛЕДЯНОЙ БАРЬЕР

Ледяное сало...

Нудная морская болезнь, мучившая нас двое суток, забыта. Впереди — лед, там нет и не будет качки.

Вечером 22 июля за первым айсбергом потянулись мелкие льды, принимавшие причудливые формы. Налево, где кромка льда сползала южней, они походили на лебедей, готовых каждую минуту вспорхнуть и улететь. Неудивительно, что триста с лишним лет тому назад первый полярник Вильям Баренц писал в своем дневнике: „На горизонте показались бесчисленные стаи плавающих лебедей".

Вслед за мелкими льдинами появились крупные. Лед становился толще, массивнее. Мелкие льдины-лебеди скрылись из виду. Вскоре пошли большие льдинищи, переходящие в сплошные ледяные поля, на которых стояли торосы,— словно горы вздыбленного снежного сахара. Часовые Арктики — ледяные поля тесной фалангой выстроились на пути ледокола.

Какая тишина! Какой покой! Рев океана забыт. Зачарованные всматриваемся. Льдины лучатся нежнейшими цветами: нежнозеленым, голубым, синим, цветом купороса, темнозеленым, фиолетовым.

„Седов" все дальше и дальше врезается в ледяную крепость. Штурманы, сменяясь, оставляли в судовом журнале записи: „Курс — Норд".

Ледокол, направляемый человеком, дробил лед, преграждавший курс на север. Тюлени, гревшиеся на солнце, испуганно шевелили усами и заплывшими от жира глазами всматривались в бесцеремонно напиравшего большого „безусого тюленя". Они скользили ластами по льду и прятались в воду. Кромка давно позади. Впереди необозримые ледяные поля. Торосы, ропаки и заблудившиеся айсберги — точно развалины сказочного белого города.

Полночь... Незаходящее солнце высоко стоит над ледяной пустыней. На востоке показался голубой просвет неба. Там чистая вода.

Слышна команда:

— Право на борт! Так держать!

— Есть, так держать.

„Седов" сменил курс. Впереди еще много борьбы, надо экономить силы. Разводья оказались небольшими. Снова врезаемся в лед. Ледоколу предстоит первое сражение. С каждой минутой льда становится все больше и больше. Ледокол со всех сторон окружен льдами. Кругом, куда ни взглянешь — сплошные ледяные поля.

Пробьемся ли?

Сумеем ли выполнить задания правительства: сменить зимовщиков на Земле Франца-Иосифа и отправиться в более ответственный рейс — к западным берегам Северной Земли?

Перед отправкой из Архангельска ледокол ремонтировался нижегородской ремонтно-строительной бригадой.

— Не подвели бы нижегородцы.

„Седов" наваливается грудью на первые гряды льда. Лед трещит, разламывается, открывая проход. Вскоре путь преградило десятиметровое поле. Матовые торосы грозно стояли перед судном.

Нам некогда ждать, пока ветры разведут льды. Там, среди неприветливых скал, за ледяными полями, торосами и айсбергами год тому назад оставлена горсть смелых людей, которых мы обязаны сменить.

Льдины лучились

Зазвонили, затрещали сигнальные звонки. „Седова" готовили к настоящей атаке.

В судовом журнале отмечали:

▫ *22 июля.* С полуночи начал встречаться крупный битый лед с большими торосистыми полями.

Пробиваемся 4 часа.

Временами отходим назад и бьем с удара. За вахту прошли на два корпуса вперед. ▫

Ледокол каждую пядь отвоевывал с боем: то и дело отходил назад, сразбегу выскакивая до половины корпуса на лед, давил его своей тяжестью.

Часто льдины, выворачиваемые ледоколом, перевертывались в воде, и мы видели, какой они были толщины.

— Смотрите: два-три метра!

— Вот так „Седов"— молодец!

Словно подбадриваемый криками, ледокол снова отходил назад и снова с остервенением бил, давил, мял и дробил льды.

Капитан Воронин, чья жизнь, казалось, сложена из нагромождений льда, понимал ледяную стихию. Когда он стоял на мостике, „Седов" был в надежных руках, не содрогался от ударов, а бил правильно в точку и сразу продвигался на несколько корпусов вперед. Владимир Иванович по цвету льда определял его „убойность". Он знал, где ледокол может пробить себе путь и где должен пойти в обход. Мягкий, но звонкий голос капитана раздавался то и дело.

— Юрий Константинович, крутани на перемычку с ропачком.

— Есть, на перемычку с ропачком.

— Лево руля!

— Есть, лево руля,— откликается штурвальный.

— Чуть вбок от перемычки,— и капитан, насупив брови, кричит звонче и строже:

— Поддерживай на перемычку!

— Есть, на перемычку.

— Полный, вперед!

Ледокол, точно пушечное ядро, выбрасывается на лед.

— Лед в куски. Здорово!

В красном уголке собрались члены партии: правительственный комиссар О. Ю. Шмидт сделал небольшую информацию о работе съезда.

— Товарищи, по докладу товарища Куйбышева принята резолюция:

> ...обеспечивание развития народного хозяйства выдвигает необходимость придать геолого-разведочному делу такие темпы, которые должны значительно опередить темпы развития промышленности, с целью заблаговременной подготовки минерального сырья...

Наша экспедиция свидетельствует о реализации этого пункта. В 1930 году мы забрасываем людей на Северную Землю для выявления в ее недрах полезных ископаемых.

Беседа затянулась.

Проф. Визе рассказал, как была открыта Земля Франца-Иосифа:

— В 1870 году знаменитый русский ученый геолог и революционер П. А. Кропоткин задумал большую экспедицию для исследования наших полярных морей. Особенно хотелось Кропоткину проверить свое предположение о существовании на севере Баренцова моря, между Свальбардом и Новой Землей, еще неизвестной земли.

Различные соображения, главным образом наблюдения надо льдами, привели Кропоткина к выводам, изложенным им в докладной записке, в которой он писал:

> Вряд ли одна только группа острова Шпицбергена была бы в состоянии удержать огромные массы льда, занимающие пространство в несколько тысяч квадратных миль, в постоянно одинаковом положении между Шпицбергеном и Новой Землей. Не представляет ли нам это обстоятельство, равно как и относительно легкое достижение северной части Шпицбергена права думать, что между этим островом и Новой Землей находится еще не открытая земля, которая простирается к северу дальше Шпицбергена и удерживает льды за собой?

На проектированную экспедицию, имевшую главной целью изучение морей, лежавших к северо-востоку от Новой Земли и крайне заинтересовавшую ученые круги заграницей, средств отпущено, однако, не было, вследствие чего она так и не состоялась.

Ровно через два года такая же программа была предложена двумя лейтенантами австрийского флота — Юлиусом Пайером и Карлом Вейпрехтом. На собранные деньги было построено деревянное паровое судно „Тегетгоф", специально предназначенное для борьбы с полярными льдами. 13 июля 1872 года экспедиция в составе 24 человек, снабженная на три года всем необходимым, покинула германский порт Бремер-Гафен и направилась в Баренцово море, в область, представлявшую собой белое пятно на карте. Тот год был в Баренцовом море ледовым. 25 июля „Тегетгоф" встретил кромку льдов уже на широте 74°15′ норд (и долготе 48°30′ ост),— Визе на секунду задумался и продолжал:— т.-е. на 400 километров южнее, чем в этом году встретили мы. „Тегетгофу" не удалось даже дойти до параллели северной оконечности Новой Земли, и в последнюю декаду августа он был затерт льдами у северо-западных берегов Новой Земли, на широте 76°22′ норд.

Отсюда начался ледовый дрейф „Тегетгофа".

Наступила полярная ночь с ее спутниками — штормами и метелями.

Льды со страшной силой напирали на деревянное судно, грозя раздавить его. Почти ежедневно, когда страшный грохот льда и треск судна возвещали о начавшемся сжатии, участники экспедиции бросались в каюту, наспех одевались, выбегали на палубу, каждую минуту готовые спрыгнуть на лед, покинуть корабль.

То были жуткие моменты,—писал в дневнике Пайер,—когда приходилось одеваться, чувствуя, как дрожат стенки судна. и как трещит и скрипит лед. Выбегаешь на палубу с котомкой в руке, готовый бросить судно и начать странствовать, куда — никто из нас не знал. А льдины кругом все продолжали громоздиться одна на другую, влезая на палубу; ничто не оставалось в покое.

— Неожиданно 30 августа 1873 г. произошло событие в жизни затертого во льдах корабля:

Около полудня, — снова писал Пайер, — мы стояли, облокотившись о борт корабля, бесцельно глядели в туман, который то тут, то там начинало разрывать. Внезапно на северо-западе туман рассеялся совсем, и мы увидели очертания скал, а через несколько минут перед нашими глазами во всем блеске развернулась панорама горной страны, сверкавшей ледниками. Первое время мы стояли, точно парализованные, и не верили в реальность открывшейся перед нами картины. Затем, осознав наше счастье, разразились бурными криками:— «Земля! Земля»!

— Вступить на нее австрийцам удалось лишь 1 ноября (остров был назван островом Вильчека). Здесь „Тегетгоф“ вмерз в береговой припай и остался неподвижным втечение нескольких месяцев. Наступившая вторая полярная ночь заставила отложить исследования до восхода солнца. На корабле с каждым днем усиливались заболевания цынгой. 16 марта, после возвращения с первой рекогносцировки, Пайер застал мертвым от цынги машиниста Криша, которого и похоронили на земле Вильчека. Весеннее солнце позволило в конце марта Пайеру с шестью спутниками и тремя собаками пойти в большую санную экспедицию по архипелагу. Пайеру удалось дойти до крайней северной оконечности мыса Флигелли Земли Франца-Иосифа (названной им так в честь австрийского императора). Пайер не знал, что мыс является самой северной точкой открытого им архипелага. Ему показалось, что дальше к Северу находится еще другая земля. Он даже дал этой земле название—Земля Петермана. Очевидно, Пайер принял за землю гряду торосов. Несуществующая Земля Петермана долго помещалась на географических картах, пока не сумели окончательно доказать ошибку первого человека, высказавшегося

за ее существование. По тому месту, где должна была находиться Земля Петермана, в 1900 году прошел итальянец Каньи. Прошел по такой же несуществующей Земле короля Оскара. Кругом до самого горизонта простиралось покрытое льдом море. Целый месяц странствовал Пайер по Земле Франца-Иосифа, собирая образцы горных пород, изучал строение островов, знакомясь с животной жизнью архипелага. Большая часть Земли Франца-Иосифа была заснята и положена им на карту. Пайер вернулся благополучно к судну, но оно попрежнему стояло неподвижно во льдах. Запасы подходили к концу. Было решено попытаться дойти на шлюпках до Новой Земли, где экспедиция надеялась встретить русские рыболовные суда, выходящие в это время на морской промысел. 20 мая 1874 года на четырех поставленных на сани лодках австро-венгерская экспедиция покинула судно. Лодку приходилось тащить по неровному льду. Это был изнурительный труд. Южные ветры относили лед назад с такой же скоростью, с какой шли австрийцы. За 30 дней они прошли только $1^1/_2$ мили. Продовольствие подходило к концу. Пришлось сократить выдачу. Шаг за шагом среди лабиринта торосов прокладывали смелые люди путь себе на юг, к солнцу, к культурным странам. За два месяца было пройдено 15 миль от судна, оставленного ими во льдах.

Отчетливо видели мы обрывы острова Вильчека. Что-то издевающееся было в этих скалах, залитых белым светом полярного дня. Казалось, что после всей долгой и несказанно-утомительной борьбы со льдом нам остался один исход — возвращение к судну и третья полярная ночь. Ну, а если не удастся найти судна, то ледяному морю суждено стать нам могилой. Для нас было счастьем тогда, что земля — шар, и что мы поэтому не могли видеть — какой большой путь по льду нам еще предстоит впереди, прежде чем мы дойдем до открытого моря. Если бы мы были в состоянии обозреть эту ледяную пустыню, мы впали бы в отчаяние.

Так вспоминает Пайер о тяжелом пути экспедиции. Наконец, стали появляться полыньи и большие разводья, а 15 августа началась небольшая зыбь. Кромка льда оставалась позади. Впереди было море.

При виде волнующегося моря нам казалось, что мы вышли из темной холодной гробницы для новой жизни, но несмотря на всю безумную радость, охватившую нас при мысли об освобождении, мы не могли без боли подумать о том, что нам теперь навсегда предстоит проститься с полярным царством, с царством льдов, сверкавших позади нас ослепительной красотой.

Этими последними строками Пайер прекратил свой дневник. Они характерны для всех побывавших в Арктике. Полярные страны, точно магнитом, притягивают к себе. 23 августа у мыса Бритвина, расположенного на южном острове Новой Земли, австро-венгерская экспедиция встретила в бухте Пуховой русскую шхуну „Николай" под начальством промышленника-зверобоя Федора Воронина. Он благополучно доставил всю экспедицию, в Варде — небольшой порт на севере Норвегии.

Сейчас, товарищи, „Седова" ведет потомок того Воронина, который больше полвека тому назад спас экспедицию.

Ледокол вошел в непроходимую полосу льда. Через иллюминаторы, переливаясь в лучах солнца всеми красками, видны были грозные розовые торосы. С капитанского мостика вахтенный матрос заметил на льду движущуюся гонку кремового цвета.

— Медведи на левом борту...

Волнение охватило стрелков. Оператор тащил к носу ледокола киноаппарат.

— Товарищи, пожалуйста не стреляйте до нашего сигнала.

Начальник экспедиции, чтобы внести плановость, вывесил приказ:

ПРИКАЗ № 1

Правила охоты на медведей и крупного зверя

1. Экспедиция имеет научную цель. Поэтому медведи, моржи и т. д. являются, прежде всего, объектом научных наблюдений и исследований и лишь во вторую очередь — объектом спортивной охоты.

2. При обнаружении медведя прежде всего извещаются киноработники, и им предоставляется полная возможность засъемки. До указания киноработников стрелять нельзя.

3. Для внесения в охоту организованности и избежания пустой пальбы все охотники разбиваются на семь бригад.

4. На каждого обнаруженного медведя или группу вместе находящихся медведей выходит одна бригада, соблюдая очередь. Остальные не вмешиваются. Бригада начинает стрелять по указанию киноработников или в случае их отказа от съемки. Порядок стрельбы внутри бригады устанавливается самой бригадой (залпом, по очереди или как угодно).

5. Шкура убитого медведя или моржа принадлежит бригаде и в первую очередь — убившему. Однако одному лицу дается не более одной шкуры каждого вида, до снабжения всех членов бригады.

6. Шкуры, представляющие почему-либо особый научный интерес, отбираются в пользу Арктического института, а бригаде дается право стрельбы вне очереди. Точно также Арктическому институту принадлежат все черепа.

7. Убитый зверь прежде всего исследуется с научной стороны. Снятие шкур производится специалистами и под руководством научных работников.

8. Мясо убитых зверей должно быть полностью использовано, частью и для питания людей, остальное — для собак. Строго воспрещается как членам экспедиции, так и команде выбрасывать мясо за борт.

9. Тюлени имеют значение как корм собакам и как объект для научных исследований. В них стреляют исключительно специалисты — охотники, промышленники, по указанию начальника экспедиции.

10. Настоящие правила относятся к стрельбе с ледокола. Охота на берегу и во время лодочных экскурсий свободна с соблюдением вышеуказанных пунктов об Арктическом институте и научной работе.

11. Лицо, нарушившее настоящие правила, лишается права стрельбы на время, определяемое начальником экспедиции. На это же время у него отбирается винтовка.

Ледяное поле слегка зашелестело под мягкой крадущейся поступью трех медведей. Не обращая внимания на ледокол, спокойно, важно поводя шеей, шла медведица, а за ней, скользя по льду, катились два совсем еще маленьких сосунка. Зеленовато-желтые, переходящие в кремовый цвет, три пятна с каждой минутой приближались к кораблю. Собаки, учуя зверя, залаяли; медведица остановилась, обнюхивая воздух. Медвежата старались подражать матери, это выходило у них очень смешно.

Ледокол шел наперерез. Два медвежонка, не чувствуя грозившей им опасности, бежали к бортам. Накручивалась ручка киноаппарата.

Стрелки волновались. Медведи, обнюхивая воздух, подошли на 30 метров. Ледокол рявкнул гудком. Испуганные медвежата присели на задние лапы. Медведица, предчувствуя опасность, засуетилась. Видно было, как ей хотелось вывести из оцепенения своих глупышей и убежать с ними по ледяному полю. Но медвежата, не спеша, толкая друг друга, подходили все ближе.

Почти у самого ледокола медвежонок встал на задние лапы и на минуту застыл. Мишень была превосходна.

Кинооператор горячился.

— Не стреляйте, помните о приказе. Винтовку отберут.

Съемка заканчивалась. Раздался первый выстрел, за ним целая канонада. Медведи, сбившись в кучу побежали.

Второпях никто не сумел попасть. Пуля старшего штурмана приостановила бег,— медведица упала. Алая кровь на талой поверхности льда расплылась в большое красное пятно.

Медвежата остановились, долго не двигались с места, потом один за другим робко стали приближаться к матери.

Пули зажужжали по ним пчелами. Один из медвежат упал возле матери, а самому маленькому удалось скрыться за ропаками. Медведей неуклюже притащили по льду, подняли на палубу лебедкой и сдали охотникам. Тов. Шмидт послал телеграмму:

▫ Легко проходимые разрозненные льды скоро сменились сплошными торосистыми полями. „Седов" форсирует льды, ударяясь о них с разбегу. Капитан Воронин с исключительным искусством нащупывает слабые места ледяного фронта и выбирает точку для удара. Так, маневрируя зигзагами, с боями продвигаемся вперед. До Земли осталось 150 километров самого тяжелого пути. Вместе со льдом появились его обитатели. Убили уже двух медведей. ▫

Дежурный радист Гершевич принес новость: удалось поймать радиостанцию Земли Франца-Иосифа.

— Тов. Шмидт, зимовщики просят поговорить с ними по телефону.

Небольшая радиорубка не вмещает желающих. Говорит Шмидт:

— Здравствуйте, дорогие товарищи! Ледокол „Седов" идет к вам. Скоро будем у вас. На этот раз дошли быстро, благополучно. Ждут минуты, когда сумеют подать вам руки.

С Земли Франца-Иосифа точками и тире передавали:

▫ Все слышали хорошо. Благодарим. На крыше дома выставлены дежурные. Следим за льдом. Сегодня сильным ветром в Британском канале образовало полосу чистой воды, идущую от моря вдоль Гукера и между островами Скотт-Кельти и Ньютоном, заходящую в бухту Тихую до Рубини-Рок и даже к Норду. Непрерывные туманы затрудняли определение размеров чистой воды. Сегодня в бухте Тихой торосистые поля в квадрате более километра. Крупно и мелко битый лед. Предполагаем большую подвижку льда. Вход свободен. ▫

Мы ликовали. Ледовая сводка! Еще землю не видали, а знаем, какие льды у бухты Тихой.

Но у нас снова льды. Тяжелой, непроходимой стеной они встали перед ледоколом. „Седов" медленно стал продвигаться узкими щелями между плотными торосами. Пробиваться становилось все труднее и труднее. Подувший норд-ост гнал на нас горы плотного льда. Впервые ледокол подчинился арктической природе и на несколько минут замер на месте.

— Задний ход!

— Есть, задний ход.

В кают-компании вывесили телеграмму:

▫ Из Ликина, Московской области. № 48. Мурманск. Ледокол „Седов". Шмидту, Муханову. Следим за вашей работой по газетам „Известия", „Комсомольская Правда". Желаем успеха в борьбе с трудностями. Привет экипажу от 5 тысяч рабочих Ликинской фабрики. Фабком. ▫

В ненасытную пасть топки полетел кардифский уголь.

— Полный, вперед!

За работой экспедиции следят рабочие Советского Союза.

— Есть, вперед!

Ледокол вздыбился. Залез на лед наполовину корпуса и раздавил его своей тяжестью.

— Земля, земля, земля!!!

Радость обуяла всех.

Всматриваемся через бинокли. На голубом фоне неба ясно вырисовывались белые контуры снежного острова Нортбрука и Земли принца Георга. Невольно вспоминаются слова Нансена:

Так вот какая она! Сколько раз представлялась она мне в мечтаниях, и все-таки, когда ее увидел, она оказалась совсем иной.

Я тоже ждал увидеть высокие обнаженные хребты гор, угрюмые, суровые скалы, а она открылась предо мной холмами снега и голубыми ледниками, сплошь закрывшими базальтовые обнажения.

Капитан, прищуря глаз, определил по секстанту: счислимое место, откуда заметили берег Земли Франца-Иосифа, было — 79° 31′ норд и 52° 44′ ост.

Шмидт торопился известить зимовщиков Франца:

— Мы ясно видим землю. Скоро будем у вас. Идем прямым курсом к вам.

Ледокол вырвался на чистую воду и полным ходом шел через пролив Де-Брюине, мимо открывавшихся островов.

— Этирид...

— Мей...

— Ньютон...

Зимовщики по радио передали:

▫ Ждем вас, ждем... Бреемся и утюжим брюки. ▫

З Е М Л Я Ф Р А Н Ц А - И О С И Ф А

Холодный край, тоскующее солнце,
Глазами нерп, медведей и людей...

22 июля 1930 года. 6 часов дня.

Безветрие. В Британском канале штиль. Льды замерли. Белые вершины Нортбрука слились с перистыми облаками. Синеватые айсберги, обдаваемые солеными брызгами, лучатся на солнце.

Медленно, как бы опасаясь нарушить покой далекого севера, „Седов" врезается в льды, форштевнем и бортами расчищает дорогу. Черная поверхность Британского канала подергивается рябью. Легкий ветерок начинает дуть из-за острова Скотт-Кельти. Берег плотно прикрыт ледяной шапкой, только небольшая полоса у моря чернеет базальтом.

Над ней сотни птиц.

— Гаги, гаги — по полету вижу,— ишь, голову прячут под брюхо,— говорит Г. П. Горбунов.

Капитан Воронин, покручивая ус, всматривается вдаль сквозь „цейсовскую пушку".

— Начинается отлив. Льды из бухты Тихой идут каналом,— сообщает штурман.

— Вперед, полный!

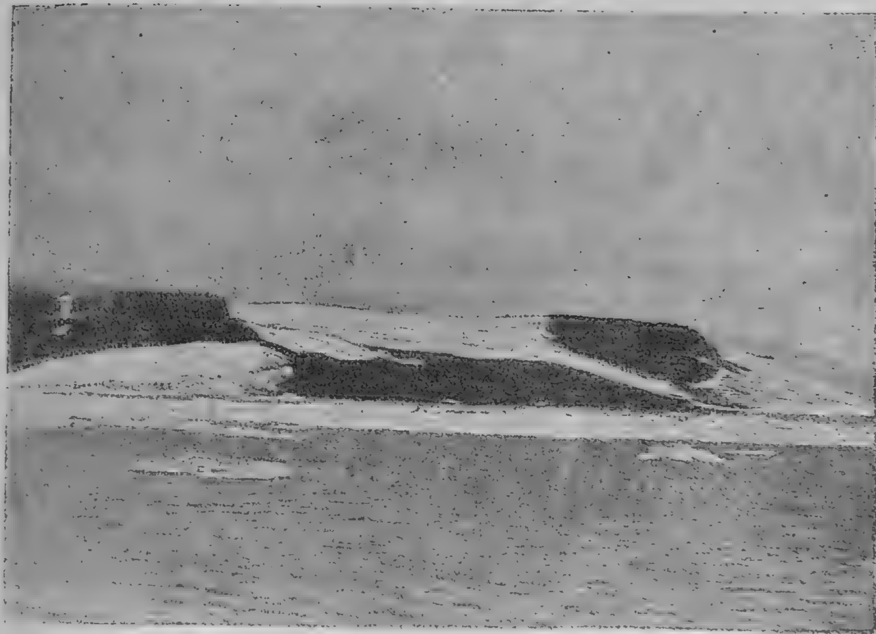
Винты усиленно забили лопастями. Ледокол, споря с безмолвием, ворвался в идущий навстречу лед, кроша его в ледяную кашу.

С запада неожиданно вынырнула красавица-скала Рубини-Рок.

На носу „Седова" под развевающимися флагами столпились матросы, кочегары, плотники, члены экспедиции.

Профессора В. Ю. Визе тесным кольцом окружили впервые принимавшие участие в далеком походе молодые кадровики, комсомольцы Балтийского флота.

— Здесь 15 лет тому назад разыгралась полярная драма, соучастником которой пришлось быть и мне,— с этого начинает Владимир Юльевич.— Лейтенант Георгий Седов был человеком исключительных качеств. Он сочетал качества неустрашимого мореплавателя и неутомимого исследователя. В 1912 году он выдвинул проект экспедиции к северному полюсу, мысль о которой уже давно таилась в его голове. По проекту Седова экспедиция



[illegible] Земли Франца-Иосифа

должна была дойти на судне до северной оконечности Земли Франца-Иосифа, оттуда предполагалось отправить небольшую партию к полюсу по плавучим льдам. Отважный моряк серьезно обосновал свой проект. Военно-морские чины, которые вообще считали Седова „выскочкой“ (он был сыном бедного азовского рыбака) и все время подчеркивали свое презрение к „черной кости“, отнеслись к проекту отрицательно. Правительство отказало Седову во всякой финансовой поддержке. Поддержала Седова общественность. На собранные 100 тыс. руб. он [illegible] старое, уже потрепанное зверобойное судно „Святой Фока“ с запасом продовольствия и угля на два года. И в августе 1912 года Георгий Яковлевич вышел на нем на Землю Франца-Иосифа, рассчитывая в этом же году достигнуть ее, перезимовать и весной 1913 года выйти на собачьих нартах к Северному полюсу. Седов просчитался: „Святой Фока“ был затерт льдами и вынужден зимовать у берегов Новой Земли. Вторую зимовку корабль провел в бухте Тихой на острове Гукера, куда мы сейчас идем.

Зимовка в бухте Тихой протекала в тяжелых условиях. Здоровье большинства участников экспедиции, в том числе и ее начальника, сильно пострадало. Седов заболел цынгой, явными признаками которой были общая слабость, размягчение десен и боль в ногах. Несмотря ни на что, 2 февраля, за десять дней до восхода солнца, Седов с двумя спутниками, матросами Линником и Пустошным, решил выйти к полюсу. В предрассветной мгле полярной ночи на льду бухты Тихой уже стояли в полной готовности две нарты. В каждую было запряжено по 12 собак. Внимательно осмотрев нарты, Седов созвал в кают-компанию весь состав экспедиции и стал прощаться. Он был бледен, губы его были крепко сжаты, но в глазах светилась непоколебимая воля. Долго он не мог начать говорить. Наконец овладел собой и сказал: „я говорю вам не „прощайте", а „до свидания". Но тут сил больше не хватило и больной разрыдался. В первый и последний раз я видел на глазах этого человека с железной волей слезы,— понижая голос до шопота, продолжает говорить В. Ю. Визе.— Через несколько часов нарты Седова и его спутников скрылись в полярных сумерках. Болезнь Седова сказалась с самого начала пути: он не мог итти. Матросы положили больного на нарты. Кругом ревела пурга, завывал ветер. Теряя сознание, Георгий Яковлевич коченеющими руками держал компас и дрожащими губами шептал: „Курс — Норд. Курс — Норд"...

Путь полюсной партии лежал по восточной стороне Британского канала к северу. 28 февраля путники дошли до какого-то пролива. Большая полынья остановила их. Седов постепенно терял сознание. Он уже перестал вести дневник и едва внятно шептал: „Все пропало, все пропало..." 1 марта матросы разбили палатку, до которой Седов едва добрался ползком. Ноги его были отморожены; матросы, растирая их спиртом, обнаружили темные синие цынготные пятна. На следующий день неистовствовала буря. Снег засыпал палатку. Седову стало совсем плохо. Жестокий шторм продолжался три мучительных дня. В палатке стоял ледяной холод. Матросы держали голову начальника попеременно на коленях, а около его груди стоял горящий примус...

5 марта, в 2 часа 40 мин. Седова не стало. Георгий Яковлевич скончался героем. Последние его слова были: „Линник, Линник, поддержи". На ледяном мысе Бророке Земли кронпринца Рудольфа его похоронили преданные друзья-матросы. 19 марта мы узнали о последнем акте этой трагедии. Утром штурман Н. М. Сахаров

отправился к полынье стрелять появившихся птиц и тотчас же прибежал в кают-компанию: „Наши идут! Георгий Яковлевич вернулся!“ Я выбежал на палубу, кто-то рядом со мной заметил: „Идут только двое“. Я понял, что случилось неизбежное: Георгия Яковлевича нет в живых. Матросы Линник и Пустошный подходили ближе. У них был сильно изнуренный вид, оба жаловались на тяжесть в груди, страдали одышкой. У одного из них, как только он остановился, хлынула из носа и горла густая кровь. Они с трудом передали нам подробности тяжелого похода и смерти любимого начальника. Наша экспедиция очутилась без руководителя, продовольствия, топлива. Надо было возвращаться назад, на юг, к солнцу. Сжигая мебель, перегородки кают, внутреннюю обшивку корабля, взятые с собой строения с мыса Флоры, мы с трудом добрались до Архангельска... Георгий Яковлевич перед последним походом назвал бухту, где стояло его судно, бухтой Тихой, но назад в нее он не вернулся...

Профессор Визе не договорил последнего слова, надвинул оленью шапку на голову и отошел в сторону...

Мы шли по бухте Тихой. Мимо мелькнули долина Молчания, ледник Маланья. С мостика капитан заметил очертания домика зимовщиков. Кочегар Московский, прозванный „дальнозорким“, первым увидел развевающийся алый флаг самой северной в мире радиостанции. Тишину прорезал крик: „У-рр-аа!..“

Нас ждали. Ветер, подувший с ледника Юрия, вздувал в воздухе красное полотнище.

Не верилось, что за пять дней мы покрыли 900 морских миль по свирепому океану и коварным льдам. Радист, тов. Гершевич, перехватил последнюю телеграмму зимовщика Шашковского:

▫ Москва. Тасс. 22 июля в 19 часов вечера восточные ветры выгнали ледяные поля из бухты Тихой, расчистив путь ледоколу „Седов“.

Ледокол находится в виду и входит в Британский канал. Все приготовлено к встрече долгожданных гостей. По собственной инициативе зимовщиков, за несколько дней возведен каменный фундамент здания для двигателя. Зимовку на Земле Франца-Иосифа следует считать законченной.

Едет новая смена. Мы возвращаемся на материк. ▫

Ледокол заревел. Черные точки на крыше пришли в движение. Послышались выстрелы. Мы отвечали. Безмолвие Арктики нарушилось.

Празднично входил ледокол в бухту Тихую.

Все ближе и явственнее выступали на фоне сверкающего льда дом и люди, машущие шапками. Нам была понятна их радость — увидеть людей с родины после изнурительной, полной одиночества полярной ночи.

— Все ли живы? Как провели зимовку? Чем обогатили науку?

Не успел ледокол отдать якоря, как от берегового припая на небольшой лодочке отшвартовались два человека.

К бортам „Седова" приближались незнакомцы. Пышные, окладистые бороды, выросшие за „большую ночь", изменили лица.

— Кто же это?

Даже участники прошлогоднего похода пожимали плечами. Лодка у борта. По штормтрапу карабкается рыжебородый человек. Слышу позади себя всхлип. Оборачиваюсь: буфетчик Иван Васильевич Якимов, жизнь которого связана с „Седовым" с первого года его покупки, плачет. Старик не выдержал.

— Да это же начальник станции Петр Илляшевич.

— Ну, как?

— Ничего, благополучно.

Нехватало слов для вопросов и ответов. Снова рассматривали друг друга и снова спрашивали.

— Ну, как?

— Ничего, благополучно.

Отто Юльевич разрядил смехом „торжественную" атмосферу.

— Петр Яковлевич, твоя-то борода гуще моей, а?

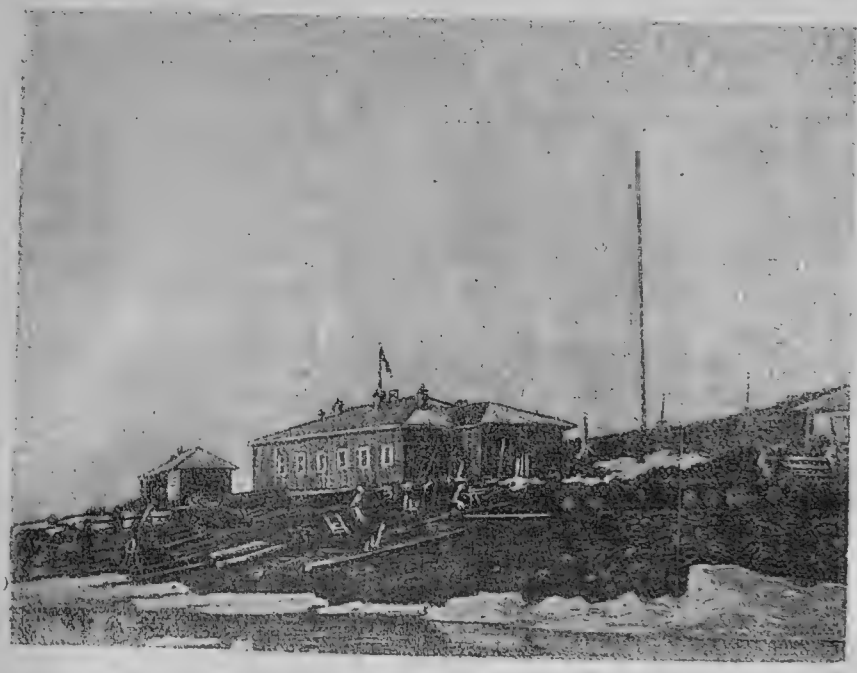
Все расхохотались. Сошлись бородачи.

Через несколько минут две больших шлюпки доставили нас на берег. Остававшиеся на берегу зимовщики помогают нам сойти на ледяной припай.

У этих лица уже побриты.

Брюки выглажены.

Знакомимся: вот высокий, со спиной широкой, как у волжского грузчика, радист Эрнест Кренкель; гигант метеоролог Шашковский; вечно улыбающийся доктор Георгиевский; сухой, как щепка, моторист Муров, редкозубый повар Знахарев; хороший товарищ, старик, — служитель Алексин.



Самая северная в мире радиостанция (остров Гукер Земли Франца-Иосифа)

Небольшая комната — столовая — убрана по-праздничному. На середине стола, выделяясь на белоснежной скатерти, стояла фаянсовая ваза с желтыми альпийскими маками и голубыми полярными подснежниками.

Заговорили все и говорили очень много.

Даже несловоохотливый радист Кренкель — и тот не мог удержаться.

— Товарищи, вы поймете, вы должны понять, как мы бесконечно рады рассказать вам первым о долгой полярной ночи, о наших достижениях.

— Не забудь, скажи, как жили?

— Какой был у вас коллектив!

— Я, было, забыл...

— Что забыл? Ведь ты только начал говорить.

— Погодите, не мешайте, дайте парню кончить!

— Да он еще и не начинал...

Кренкель смутился, покраснел.

— Не перебивайте, я — сначала. 12 января в 11 часов 40 минут ночи, после окончания служебных передач на Маточкин Шар, я решил дать радиовызов — сигнал „цеку“ „всем, всем“.

Четыре минуты я выбивал в эфир точками и тире...

„CQ — CQ — CQ“...

После выключения мотора для приема я услышал, что меня по этому сигналу вызывает какая-то станция. Представьте, как я был удивлен, когда услышал позывной американского правительства. Обычно же правительственные станции не отвечают на вызовы маломощных станций, к числу которых относилась и наша. Я был взволнован.

— Да ты не волнуйся, говори дальше.

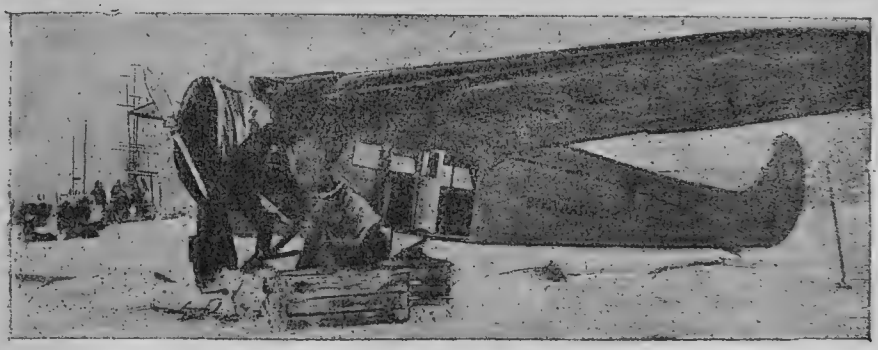
— Вступившая в разговор неизвестная станция,— продолжал Кренкель,— попросила сообщить местонахождение нашей и кому она принадлежит. Я сообщил, что наша станция находится в сердце Арктики — на Земле Франца-Иосифа, и принадлежит она первому в мире пролетарскому государству. Обратно получил восторженный привет. Оказалось, что вступил в связь с антарктической экспедицией адмирала Берда, находящейся на южном полярном материке (вблизи барьера Росса, в море Росса). Географические координаты этой станции — 78° 35′ 30″ южной широты и 163° 35′ западной долготы.

Заговорили два полюса.

Южный сообщил следующее:

▫ Сегодня летний день,— всего 2 градуса мороза. Стоит конец лета, под влиянием солнечных лучей лед оттаивает. Большая облачность препятствует подъему самолетов. Суда экспедиции „Сити оф Нью-Йорк“, пройдя берега Новой Зеландии, приближаются к кромке льда, имея целью сменить состав зимовщиков. Экспедиция наша имеет три самолета и другие машины, приспособленные для изучения полярных областей. Для добывания воды изо льда пользуемся мощным эвапоратором. Главная база находится на ледяном барьере Росса и состоит из 42 человек. Цель — достижение Южного полюса. Есть много ездовых собак. Недавно возвратилась береговая партия, прошедшая 400 миль по ледяной пустыне. Полгода назад прошла полоса 60° морозов.

А как у вас? ▫



Место, откуда говорил южный полюс с северным.
На снимке — самолет экспедиции Берда, находящейся на ледяном барьере Росса. На базе „Маленькая Америка".

Наша станция ответила:

▫ Сейчас непроглядная ночь, за окном завывает пурга, нас всего семь человек. Все живы-здоровы. Живем крепкой, дружной семьей. Держим связь с Советским Союзом. Ежедневно отсылаем метеорологические сводки в главную геофизическую обсерваторию. Ленинградская общественность два раза устраивала нам разговор через радиостанцию. Слушаем приветствия родных, близких и детей. ▫

С последним ответом всем нашим зимовщикам передали привет от летчика, который в 1928 г. летал над островами Земли Франца-Иосифа, разыскивая без вести пропавшего Роальда Амундсена. После этого прекратился разговор. Мощность радиостанции Берда — 800 ватт. Мощность нашей — $^1/_2$ киловатта. Было покрыто расстояние более 20 000 километров.

Нужно полагать, что установлен мировой рекорд дальности радиосвязи.

— Я поднимаю бокал (правда, с пивом) — заявил Шмидт, — за лучших граждан Советского Союза, блестяще выполнивших задание правительства, и за надежную смену, которой предстоит углубить и совершенствовать великое дело завоевания Арктики...

— Тов. Кренкель, вы сегодня передадите последнюю телеграмму с острова Гукера советскому правительству.

Все столпились в радиорубке. Синие огоньки светлячками вспыхивали и гасли в радиостанции.

„Мат-Шар... Мат-Шар... Мат-Шар...“

И полетела телеграмма председателю Правительственной арктической комиссии С. С. Каменеву:

▫ 22 июля, в 23 часа, „Седов“, украшенный флагами, вошел в бухту Тихую Земли Франца-Иосифа и бросил якорь у нашей радиостанции. Таким образом, первая часть задания выполнена рекордно быстро: ледокол прошел весь путь от Архангельска в семь дней, из которых два дня ушло на остановки, прием людей и груза.

Салютовав выстрелами, зимовщики поспешили в шлюпке к ледоколу. Яркое полуночное солнце освещало нашу встречу с друзьями. Трудами семерых человек, проведших зиму на самой северной в мире научной станции, Земля Франца-Иосифа окончательно закреплена за СССР, и всему миру дано доказательство высокого качества и широкого размаха научной работы в стране социализма. Они — это Илляшевич, Шашковский, Кренкель, Муров, Георгиевский, Знахарев и Алексин. Станция — в отличном состоянии. Работа выполнена под руководством начальника станции Илляшевича превосходно. Перезимовали они очень хорошо. Съехав на берег, мы до самого утра остались у них, делясь впечатлениями. Немедленно начинаются работы по выгрузке новых запасов, перестройке и значительному расширению станции. Нач. экспедиции Шмидт. ▫

Солнце, скользнув с вершины скалы Рубини-Рок, упало на спокойную гладь бухты Тихой, где айсберги причудливой формы переливались всеми цветами радуги.

— Товарищи,— сообщил Шмидт,— матросы и кочегары на выгрузке и вызывают нас на соцсоревнование. Мы должны принять вызов.

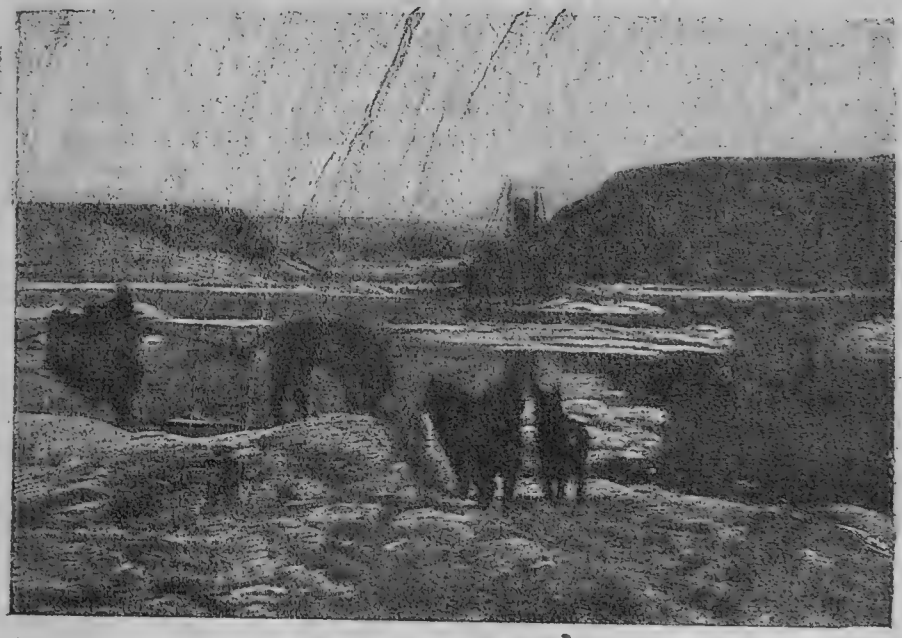
— Принимаем!

Все мобилизованы. Работа началась.

Земля Франца-Иосифа огласилась портовыми криками:

— Вира!

— Трави!



В бухте Тихой началась разгрузка

В Арктике лето непродолжительно. Несколько дней подряд светит солнце, согревает промерзшую землю, вызывает к жизни яркую расцветку мха и полярных цветов. В гости к угрюмым скалам прилетают тысячи пернатых; здесь среди белоснежного ковра снега и глянцевых ледников совершается их судьба. Стоит подойти к „птичьему базару", услышишь разноголосый говор кайры, полярной чайки, люрика, чистика, прилетевших сюда вывести птенцов на недоступных обрывах.

Прошло пять дней стоянки ледокола в бухте Тихой, и мы закончили разгрузку, постройку оранжереи, сарая и заканчивали дом, предназначенный под радиостанцию. Каждый свободный час отдавался исследовательской и научной работе. По окрестным островам от Гукера каждый день разъезжались члены экспедиции.

Рискуя жизнью, многие забирались на обрывы скал за редкими экземплярами птиц, мха и лишайника. Геологи карабкались по кручам, выстукивали мелодии молотками, откалывали камни, раскладывали куски в отдельные мешочки.

Дома, в своих лабораториях они произведут тщательный анализ и определят по небольшим осколкам строение островов Земли Франца-Иосифа.

Профессор-ботаник Савич на коленках исползал всю прибрежную часть островов Скотт-Кельти, Гукера, Медвежьего и Тюленьего мысов. Савича интересуют мхи, лишайники и цветковые растения.

Его кропотливая работа дала возможность обнаружить двадцать новых растений, неизвестных до нашей экспедиции.

Проф. Исаченко, мировой ученый, после тщательно произведенных исследований сказал:

— На севере бактерий нет. Здесь воздух чист, как дистилированная вода. Получить тут грипп — абсолютно невозможно. Отсутствие в Арктике бактерий заставляет серьезно подумать об использовании арктических областей, в особенности Земли Франца-Иосифа, как приморских климатических станций, обладающих наилучшим свойством горного климата.

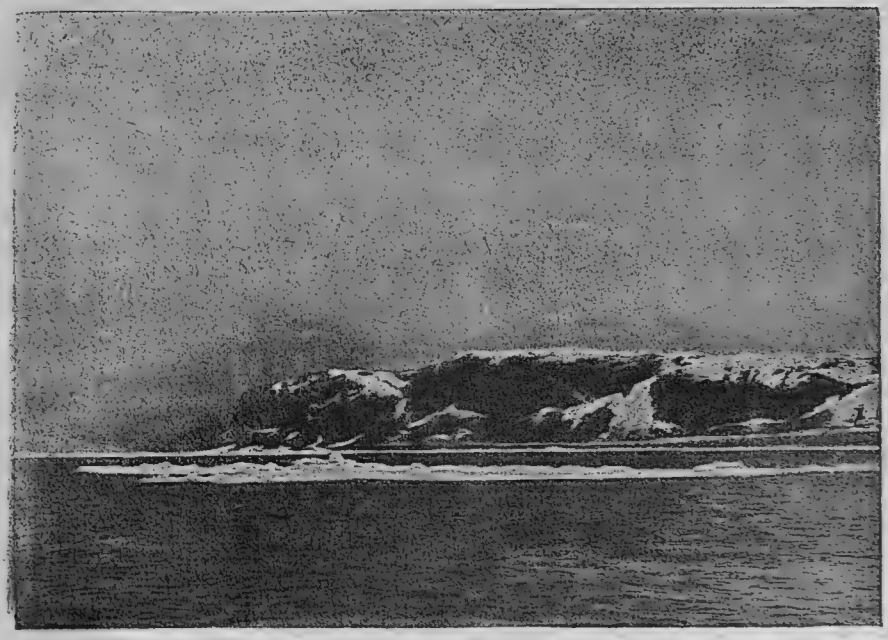
Земля Франца-Иосифа надолго остается в памяти побывавшего там. В долине, там, где тысячи лет назад залегал огромный запас сползающего к морю льда, сейчас раскинуты по обрывам лишайники и разноцветные ковры болотного красного мха с вкрапленными в него желтыми альпийскими маками и голубыми полярными незабудками. На острых, обнаженных от ветров, пиках базальтовых скал, рассекающих в летние дни густые молочные облака, постоянно лежат сугробы розового снега. Внизу со склонов бегут журчащие ручьи.

Летом в долине Молчания все живет, жужжит, кричит. Зимой, когда наступает полярная ночь, и первые пурги завьют черные выступы скал белыми хлопьями,—долина Молчания станет мертвенно молчалива.

Зимовщики говорили:

— Даже медведи в это время своей крадущейся походкой не нарушают ледяного молчания.

Ранним утром 26 июля мы отправились на весельной лодке по Британскому каналу мимо домика зимовщиков к долине Молчания. Ехали молча, каждый из нас впитывал красоту льда и розового снега, обвившего вершину ледника Маланьи. Незаметно подъехали к цели.



Громады ледников спускались с острова Скотт-Кельти

— Ну, вот, друзья, и Молчаливая долина, — вылезая из лодки, сказал проф. Самойлович.

Перед нами открылась одна из прекраснейших долин Арктики. Суровые скалы на белоснежном фоне неба были удивительно разнообразны. С запада долина Молчания замыкалась красивым, высоким амфитеатром.

Не успели мы сделать и нескольких шагов по вязкой глинистой почве долины, как в воздухе раздались громкие, несмолкаемые крики:

— Appa! Appa!

— Кто это? — вздрогнув, спросила Демме.

— Это кайра — полярная птица. Здесь на южном обрыве замечательный „птичий базар", — идемте к нему, — сказал Горбунов.

На пути биологи Н. Н. Урванцев и Р. Л. Самойлович нашли несколько окаменелых кусков дерева.

Откуда они взялись? Росли ли они на склонах долины, или были занесены сюда морем?

Николай Николаевич заявил:

— Это плавник, он сюда занесен морем и, лежа сотни лет, обуглился здесь.

Проф. Самойлович в знак согласия кивнул головой.

Мы подходили к „птичьему базару". Крики доносились все громче и громче. Писатель Соколов-Микитов выстрелил в воздух. Тысячи пернатых слетели с гнезд и на минуту заслонили солнце. Испуганные птицы заголосили, закружились в панике над гнездами, из которых раздавались протяжные свисты птенцов. Соколов-Микитов, подобравшись под обрыв скалы, где сели подле птенцов успокоившиеся матери, хотел подстрелить пролетавшую чайку.

Г. П. Горбунов остановил его и рассказал:

— Однажды я подъехал к „базару" случайно не на то место, где кайры садятся на воду, и выстрелил из ружья вверх. Внезапно со скал сорвались тысячи птиц и бурей понеслись на меня. Казалось, рушится скала, сейчас поглотит и меня и лодку. Живая лавина опрокинула меня на спину, а кругом со свистом проносились белые комки, и море вспенилось от массы бросающихся в воду птиц. Все это произошло так быстро, что я сообразил, в чем дело, уже на дне лодки.

В долине Молчания не обошлось без приключений. Я попытался пойти в обход со спускающейся южной части небольшого глетчера и попробовал съехать вниз по растопленному солнцем, похожему на сахар, снегу. Моя попытка едва не кончилась плачевно: я не рассчитал быстроты скольжения и еще увеличил скорость сильным прыжком на лед. Стремглав полетел вниз...

Мимо неслись острые, вросшие в лед серые валуны. „Расшибет — как пить дать". Однако все хорошо, что хорошо кончается. Полет стоил кожаных брюк и дыры на голенище солдатских сапог.

При спуске мое внимание привлекла ржавая банка, валявшаяся среди разбросанных камней.

— Откуда она? Кто мог ее здесь оставить? Может быть это следы группы Нобиле или Амундсена?

Дрожащими руками хватаю банку, читаю. Надпись ясна: „Нобиле"... дальше — „клюква"...

Кричу:

— Нашел, нашел... Нобиле... Нобиле... клюква!

Проф. Самойлович, инженер Урванцев, проф. Исаченко, оставив обследование, спешат к моей „исторической" находке.

Базальтовая скала Рубини-Рок

— Что нашел? Говори толком. Чего орешь, как сумасшедший?

Р. Л. Самойлович сдвинул очки на нос, нахмурил свои густые брови и, внимательно прочитав надпись, разразился раскатистым смехом.

— Ну, братец, насмешил. Где ты тут нашел Нобиле с клюквой? Это же банка, оставленная 40 лет назад экспедицией Джексона, а надпись на ней — консервированные фрукты и фабричная марка,— сам ты „клюква".

Кличка „нобилевская клюква" надолго осталась за мной. Я старался снова найти так ясно выступавшие буквы: „Нобиле — клюква". Ничего не выходило. И тут я понял, как важно знание иностранных языков.

На горизонте море и небо сливались в синеву. Воздух был прозрачен. За 30 миль мы ясно видели контуры Земли принца Георга и острова Кетлица, названного Джексоном в честь его спутника-врача, ведшего метеорологические наблюдения во время экспедиции (1893—1896 гг.). Тонкой чернеющейся полоской отделялись снега принца Георга от сиреневого неба.

К острову Мертвого Тюленя нас привлекли своим криком жирные, пестрые гаги. Они почти незаметны среди пожелтевших камней туфа.

Многих мы нечаянно давили на гнездах.

Ветер нагнал в Британский канал много пловучего льда. Надо было спешить к ледоколу, иначе до завтрашнего отлива пришлось бы просидеть без пищи и воды. Лодка прошла несколько десятков метров по разводью и остановилась около большой торосистой льдины.

— Скорей на лед! Раздавит.

Лодка — на льду. Тянем ее через ледяные нагромождения. Тяжело.

Самойлович откинул голову, запел „Дубинушку".

Льды нажимали. Выбиваясь из сил, мы никак не могли выйти к открытой, черневшей всего в нескольких метрах, воде. Льды, гонимые южным ветром, перегоняли нас. Течение выносило льдину вместе с лодкой в открытое море. Положение опасное. От Скотт-Кельти на помощь нам поспешила североземельская моторка. Мы были спасены.

Ушаков, захлебываясь, говорил:

— В проливе Мелениуса мы встретили три больших стада нарвалов.

— Нарвалы! Это замечательный факт. Нахождение их на Земле Франца-Иосифа никем еще не отмечено. Правда, их видел Нансен во время путешествия с его спутником Иогансеном, но это было гораздо севернее архипелага.

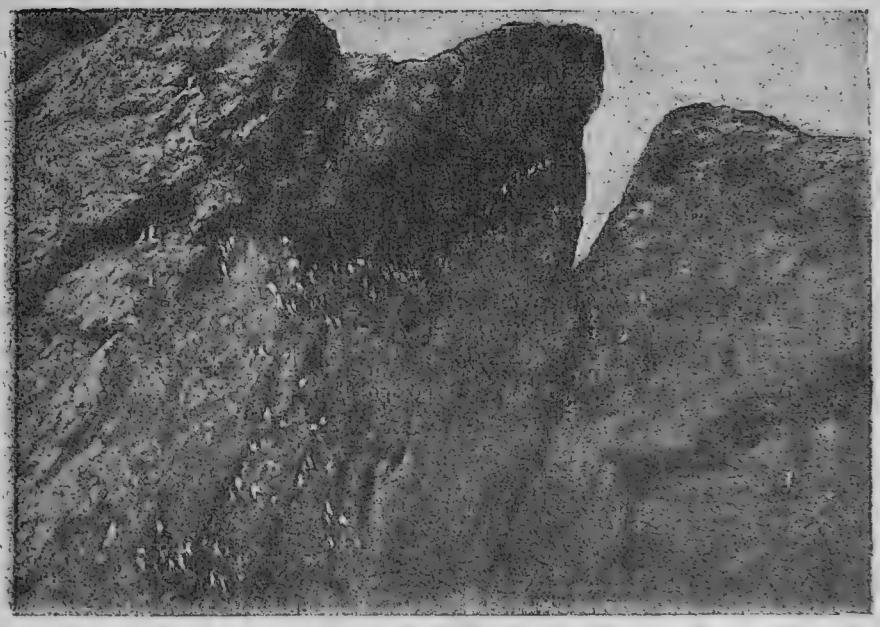
Усталость пропала. Отдохнем за охотой. Тут же в лодках распределили обязанности. Молодому инженеру-строителю Евгению Илляшевичу было поручено вскипятить на берегу чай, а охотнику-новоземельцу Сергею Журавлеву — отправиться на разведки вдоль кромки на небольшой одноместной лодчонке. Достигнув берега, усталые, мы легли отдохнуть у костра.

— Смотрите, никак медведь,— сказал кинооператор.

— Брось валять дурака. Лежи и отдыхай. Какой там медведь? В глазах у тебя мерещится!

Кинооператору хотелось непременно привезти домой медвежью шкуру, и он даже марево нередко принимал за медведей. Большой синий чайник пыхтел. „Завхоз" Илляшевич вскрывал консервные банки.

— Смотри же — медведь, медведь...



На отвесных скалах гнездятся тысячи пернатых

В самом деле, за торосами, лениво покачиваясь, шла кремовая туша по направлению к Журавлеву.

У нас забились сердца: Журавлев не оглянется,— медведь может накинуться на него сзади.

— Спускай моторку!

Неостывший мотор не задержал нас. На выручку Журавлеву кинулись все. Медведь заметил, остановился, присел на задние лапы, несколько раз помотал головой и направился к нам.

Мотор выключили. Журавлеву больше не грозит опасность. Медведь подходит все ближе к кромке. Мы идем навстречу ему на веслах.

Винтовки наготове.

Вдруг в десяти метрах влево вынырнули нарвалы. Они выставляли на поверхность воды свои длинные, как у бегемота, головы и сопели ноздрями.

Нарвалы здесь, вероятно, „гостили". Родина их — Северное море, у берегов Гренландии.

Мы выбирали, в кого же стрелять?

— Нарвала не убьешь,— решил тов. Шмидт.— Мы не знаем его убойного места.

Белый медведь также приметил нарвалов. Не обращая больше на нас внимания, он готовился к прыжку: сначала привстал на задние лапы, а затем, как стальная пружина от толчка, вытянулся во весь рост. Этого только и ждали стрелки. От первого же выстрела медведь завертелся на месте и лег. Мы думали было: убит. Решили шкуру отдать кинооператору,— он первый увидел.

Лодка приближалась к кромке льда. Испуганные нарвалы больше не показывались. Мы с корреспондентом „Известий" соскочили на лед и подошли к медведю. Вдруг „убитый" медведь поднялся, зарычал от боли, вскочил и помчался вглубь по ледяному полю пролива Мелениуса. В первое время мы струсили: раненый медведь зол, свиреп. Бросились за винтовками в шлюпку. Вместе с Борисом Громовым понеслись по теплому следу. Медведь истекал кровью. Красные густые капли падали на лед.

На бегу мы стреляли,— промах за промахом. Пробежав два километра, мы выдохлись. Но „выдыхался" и медведь. Бежать дальше бесцельно. В запасе — по одному патрону. Как быть? Мы остановились у перевернутого айсберга. Громов решил идти за патронами, а я остался в „дозоре". Экономя время, Громов пошел по свежему пути и недалеко от шлюпки провалился в трещину, приняв холодный арктический душ. На помощь мне спешили Ушаков и комсомолец-радист Василий Ходов. Втроем бросились вдогонку.

Вдруг сзади оглушительный крик:

— То-ну, спа-си-те!!!..

Ходов, не рассчитав прыжка, бухнулся в воду. Бросаем веревку. Мокрого тащим из студеной ледяной воды. Ходов был во всем кожаном, и вода успела просочиться только в сапоги. Бежим, на ходу отогреваясь, по кровавому следу. В конце третьего километра мы догнали обессилевшего медведя. В последний раз он забрался на высокий шестиметровый торос и лег на вершину. Ушаков пригнулся, сбросил с себя шапку-кубанку. Его примеру последовали и мы. Над медведем, ожидая добычи, кружились белые чайки. Медведь попытался встать, но силы покинули его, и он тяжелым камнем упал вниз.

Ушаков подле него. Я кричу:

— Не стреляй, фотографируй! Великолепный кадр.

Н. П. Рябцова-Демме
Первая женщина — научная работница в Арктике

Глаза у медведя блестели, как две льдинки на солнце. Только голова клонилась все ниже и ниже.

— Медведь обезумел,— тихо сообщил мне Ушаков,— будь осторожен.

Мы с Ходовым отошли в сторону. Медведь лапой загребал под себя снег. Три пули, всаженные в упор, наконец прекратили его страдания.

Два часа, орудуя ножом, снимали шкуру. Медведь оказался большим. Одна шкура весила около 50 килограммов. С трудом дотащили ее до костра. Проф. Визе торопил нас покинуть остров Скотт-Кельти.

— Скоро начнутся приливо-отливные течения. Пролив Мелениуса забьется льдом, и мы до утра не выберемся из ледяной ловушки.

— Едемте на Медвежий мыс. Оттуда, под прикрытием скалы Рубини-Рок, мы в любое время доберемся до ледокола.

Пролив Мелениуса, благодаря сильным приливо-отливным течениям, происходящим почти круглый год, мешает образованию толстого ледяного покрова. Здесь нередко в студеную зиму можно встретить открытую воду.

На Медвежьем мысе, расположенном у ледника Юрия, недалеко от скалы Рубини-Рок, с профессором Визе случилось 16 лет назад довольно неприятное приключение.

Визе, тогда молодой исследователь, решил на лыжах добраться до пролива и обследовать его.

Занятый изысканиями, он не заметил, как к нему почти вплотную подошел медведь. Визе не струсил и решил прежде всего напугать медведя. Стал руками, лыжами и палками размахивать в воздухе.

Не помогло.

Медведь оказался любознательным и подходил к импровизированной мельнице.

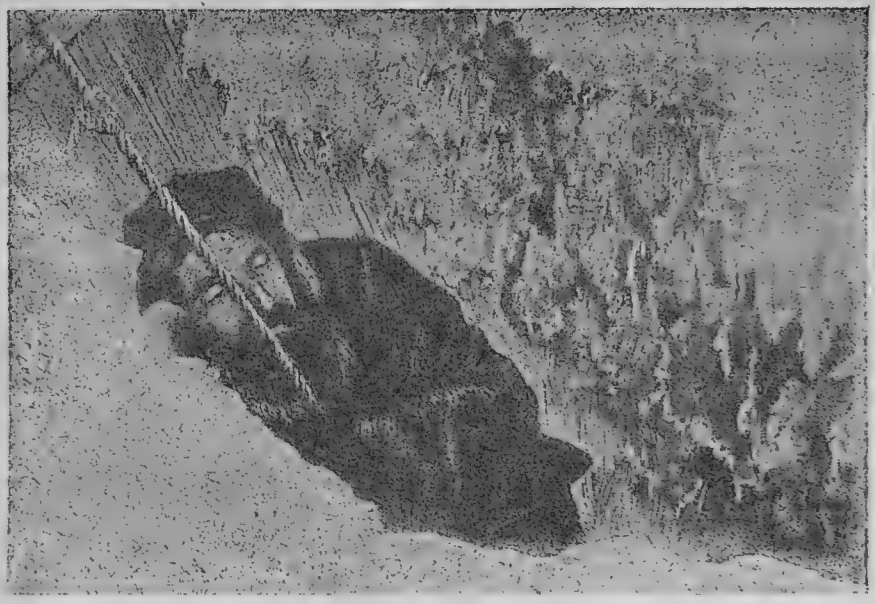
Расстояние стало сокращаться. Медведь подошел уже почти вплотную.

Выручил Визе маленький револьвер-браунинг. Испуганный выстрелом, медведь убежал.

Наших геологов заинтересовало строение мыса. За короткое время им удалось обнаружить в нижней части терасы в осыпях, спускающихся непосредственно к морю, осадочные породы, представленные глинистыми сланцами и известковистыми песчаниками, отлагавшимися в прибрежных частях моря того времени. Среди осадочных пород были найдены окаменелые остатки животных (аммониты, белемниты). По ним советские ученые установят время и возраст осадочных пород.

Перед отплытием на ледокол мы были оглушены шумом. Огромные сугробы снега, оттаявшие за короткие солнечные дни, сорвались с места. Обвал... Тысячи тонн смерзшегося снега сначала упали на выступ скалы, затем разбились на громадные куски и, прыгая по камням, обгоняя друг друга, стремглав полетели вниз; снег сзади скатывался густой молочной рекой. Боясь нарушить спокойствие, идем мимо ледника Юрия. Здесь ежедневно „выпускаются в плаванье" десятки ледяных гор. Здесь фабрика айсбергов со сложными цехами и отделами.

Голодные, измученные, ввалились мы в кают-компанию. На столе обед.



Обессилевшего О. Ю. Шмидта вытащили из двадцатиметровой трещины

— Который час?

— Два.

— Дня или ночи?

— Ночи.

Я посмотрел на солнце: оно попрежнему было над головой, такое же ослепительное, как всегда.

Сегодня к вечеру выходим в исследовательский рейс по островам.

— Войцеховский, вот вам помощники Соколов-Микитов и Муханов,— вы займетесь географической съемкой бухты Тихой. Я, Самойлович, Урванцев, Громов, Новицкий, Лактионов отправимся на ледник Юрия,— распорядился перед сном тов. Шмидт.

С таким нарядом заснули.

27 июля. 10 часов утра. Нагруженные теодолитом, измерительными приборами, анероидом, линейками — выступили в путь к скале Рубини-Рок. Через 10 минут пешая экспедиция т. Шмидта, с нагруженными на нартах банками, ведрами, досками, киноаппаратом, вышла на ледник Юрия.

Забравшись по ледяному скату на гору Чурляниса, я долго смотрел на развернувшееся строительство нашей станции. Белые сосновые стены покрывались черным толем.

За несколько дней из-под земли выросла пирамидой оранжерея. В ней круглый год будут выращиваться зелень и питательные растения.

Эта идея принадлежит Демме — первой женщине-исследовательнице Арктики.

— Гоп-гоп...

Две нарты, запряженные ненецкими лайками, пронеслись по горному плато. Ненец Хатанзейский и охотник-зверобой Кузнецов объезжали собак, готовили их к продолжительным санным путешествиям для обследования прилегающих островов.

К вечеру благополучно возвратилась ледниковая экспедиция. Проф. Шмидт рассказывал:

— Спустили меня на веревке в двадцатиметровую трещину. На разных глубинах я отбивал топориком лед, складывал в ведро и отсылал на поверхность. Я так залюбовался игрой красок льда что не заметил, как прошло время, и, когда меня истощенного, вытащили наверх, я спросил: „сколько минут я пробыл в трещине?" „Два с половиной часа, Отто Юльевич", спокойно ответил мне гидролог Лактионов.

Ну, теперь, товарищи, приготовляйтесь к походу.

Мы попытаемся пройти по всем тем местам, где были раньше оставлены продовольственные склады иностранными экспедициями, посетившими Землю Франца-Иосифа. Проверим их состояние, пополним запасом продовольствия. Кстати еще раз обшарим все уголки, не найдем ли следы группы Алессандрини и Роальда Амундсена. Я считаю, что если бы они были живы, то непременно попытались бы пробраться к тем местам, где сложены неприкосновенные запасы Арктики.

Всегда, прежде чем предпринять что-нибудь, начальник экспедиции вместе с капитаном ознакомлял команду, устраивая подобие производственных совещаний. Матросы, кочегары и все мы были в курсе всех предпринимаемых решений и за это любили руководителей экспедиции.

Ледокол приготовился пойти по путям исследователей архипелага.

В МУЗЕЯХ АРКТИКИ

27 июля. Солнечный день. Видно, как поднимаются теплые испарения из открытых полыней и разводий. Сквозь трепещущую дымку марева очертания базальтовой скалы — великана Рубини-Рок — дрожат и меняют свои формы. Ледокол медленно, словно боясь нарушить покой бухты Тихой, развернулся в заливе и поплыл между островами Гукера и Скотт-Кельти на юг к острову Нортбруку для научноисследовательской работы на мысе Флора, на островах Белле, Мак-Клинтоке, Аагате, Альджере и Земле Вильчека.

Новые зимовщики и рабочие остались заканчивать постройку.

К вечеру подул сильный западный ветер. Небо покрылось темно-серыми тучами. Мимо ледокола, куда-то спеша, качаясь на волнах, обдаваемые брызгами, проносились льдины, торосы, проплывали с величавым спокойствием гиганты-айсберги, отливавшие отблесками мелькавшего из туч солнца. На темноголубом фоне неба вскоре стали выступать белые контуры холодного Нортбрука. Вынырнул мыс Флора, на вершине которого была плотно насажена веками ледниковая шапка, спускавшаяся с северной части огромным ледником.

От ледокола отшвартовались две шлюпки, доотказа наполненные людьми. Около берега с любопытством разглядывали нас тюлени.

Вот мы и в „Международной гостинице“ Арктики. Мыс Флора — излюбленное место всех полярных исследователей. Многие, мечтавшие о славе достижения северного полюса, считали долгом зайти на это место.

Долина, где проводили зимовку Джексон и Ли-Смит, где нашли приют штурман Альбанов и матрос Контрад (единственные люди, уцелевшие от экспедиции Брусилова), где произошла трогательная историческая встреча в 1896 году двух выдающихся полярных исследователей — Фритьофа Нансена и Джексона, эта долина была покрыта весенними белыми и розовыми цветами, желтыми полярными маками, нежноголубыми северными незабудками и красным мхом. Все это на первый взгляд походило на восточный ковер.

„Птичий базар", приютившийся на высоких серых прибрежных скалах, да сохранившаяся среди обрывов джексоновская лестница привлекали внимание многих участников экспедиции. Доверчивые птицы не улетали с насиженных гнезд. Изредка лишь белогрудая кайра и белоснежная чайка поднимали крик, защищая бесцеремонно разглядываемых нами маленьких, еще не совсем оперившихся птенцов.

Направо от нашей шлюпки матросы заметили высокий серый памятник, высеченный ввиде пирамиды из крупного зернистого мрамора. На памятнике была следующая надпись:

КВЕРИНИ, СТОККЕН, АЛЛЬЕ
„СТЕЛЛА-ПОЛЯРЕ"
1900 г.

Надпись указывала, что обелиск поставлен герцогом Абруццким в память трех участников его экспедиции, пропавших без вести во время путешествия к полюсу санной партии под начальством Каньи.

В углублении памятника мы нашли трубочку, в которой лежало много разнообразных записок людей, посетивших эту долину. Тут были хвастливые надписи какого-то англичанина, написавшего на своей визитной карточке:

Убил собственноручно 12 медведей.

Между прочим, участница поисков Нобиле, американка Бойс писала:

Ничего прекраснее нигде не встречала.

Советские ученые гораздо скромнее. Арктику надо планово изучать, а не только любоваться ею. Седовцы тоже написали несколько слов:

Всегда будем чтить память героев Арктики.

Спешим к скале, где в прошлом году был водружен наш железный флаг СССР, — к месту, где правительственный комиссар архипелага Отто Юльевич Шмидт в прошлом году произнес: „Всилу данных советским правительством мне полномочий объявляю Землю Франца-Иосифа территорией Советского союза".

Вдоль берега, заваленного базальтовыми обломками, мы поднялись на плоскую равнину, где расположены были когда-то постройки Джексона.

Долина была покрыта цветами

Николай Васильевич Пинегин, участник 1912—14 гг. экспедиции лейтенанта Седова на северный полюс, описывал в своей книге „В ледяных просторах“ вид становища Джексона в 1913 г.:

«Главный домик смотрит маленькими окнами в холодную даль океана. Когда-то тут был самый крайний уголок цивилизованной жизни, — то было 20 лет назад. Теперь — хаос и разрушение. Мы вошли в первую постройку — жилую избу Джексона. Она сохранилась лучше других, ибо построена из бревен по типу русских изб; двери были открыты, окна повыломаны медведями, внутри — оледенение. Мы изрядно потрудились, протискиваясь в узкий проход оледенелых сеней, и осматривали хижину с высоты слоя льда, лежавшего на полу, толщиной около метра. На фотографиях Джексона и по описаниям Нансена внутренность дома так уютна: чистая комната, обитая сукном, по стенам эстампы и фотографии, на полках книги и разнообразные предметы из обихода европейца-исследователя. Если бы Джексон был с нами и увидел свой домик!»

Теперь и того не осталось. Мыс Флора, представлявший в 1893—96 гг. небольшое поселение, совсем опустел. Даже домик, о котором писал Пинегин, был разобран и сожжен в топках судна „Святой Фока“.

Единственным памятником от постройки остался лишь сарайчик, обнесенный потрескавшимися бамбуковыми палками.

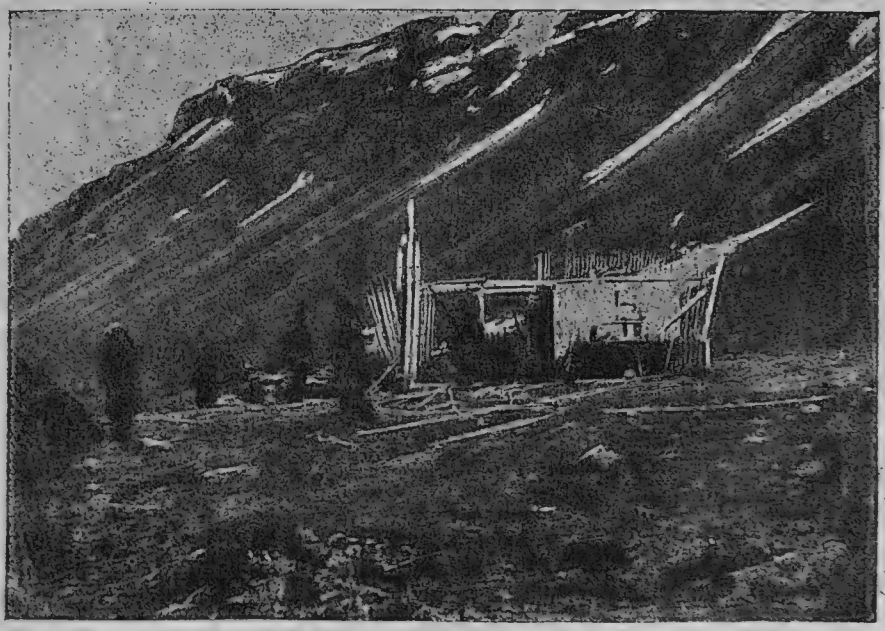
Серые камни, отколовшиеся от скал, поднимающихся в поднебесье, бамбуковый сарайчик, истлевшие кости животных, обрывки одежды, куски мехов, обуви, проржавевшие английские консервные банки напоминали о полярных неприветливых ночах, дикой угрюмости сурового севера и о бедствиях экспедиции Фиала, зимовавшей здесь.

Оставленный в прошлом году флаг был сорван и пригнут к земле зимним ураганом.

На его месте мы поставили другой, более крепкий, завалив его камнями.

Заканчивая установку флага, мы услышали непонятное гудение мотора. Может быть это Чухновский? Но нет, это был не Чухновский. Из-за торосов с востока показались две черные мачты неизвестного судна. Не прекращая работы, мы следили за его приближением.

Мимо Седова в 8 час. 40 мин. 28 июля прошел на норд-вест небольшой промысловый норвежский бот с маркой „T. 47 T. D.“ Бот, обогнув мыс Флору с восточной стороны, повернул на норд-ост и скрылся из вида в проливе Миерса.



Мыс Флора совсем опустел. Единственный бамбуковый сарайчик смотрит выбитым окном в холодную даль океана

Закончив водружение флага, оставили неприкосновенный запас галет и консервов в бамбуковом сарайчике для зимовщиков на Земле Франца-Иосифа, которым надлежит за время зимовки избороздить и нанести на карту точно все острова. Им помогут в этом и другие продовольственные склады. Затем мы отправились к острову Беллю. В проливе Миерса мы заметили два норвежских бота. По международному коду сигналов подняли флагами сигнал: „Немедленно остановиться". Правительственный комиссар О. Ю. Шмидт, пригласив норвежских капитанов к себе, сообщил им, что Земля Франца-Иосифа принадлежит Советскому Союзу, и что у берегов ее промышлять без особого разрешения советского правительства не рекомендуется. Пока шел разговор с капитанами, матросы пригласили рыбаков, затащили их в кают-компанию, где штурман Ушаков отколол на пианино с большим мастерством „Яблочко" и „Марш Буденного". Рыбаки довольны, но как с ними поговорить? Показываем на портрет Ленина.

— Ленин наш, ваш — всех пролетариев мира.

— Ленин, да, пролетарий мира.

Понимают. Пробуем говорить на всех наречиях Союза. Заиграла гармошка.

— Ну, как, якши?

— Якши, якши...

Мы удивлены. Откуда они знают узбекское слово? Вышли на палубу. Случайно один из рыбаков ударил ногой по швабре. Она чайкой взлетела на воздух.

— Футбол,— сказал я.

— Фут-бол, фут-бол...— несколько раз повторил раскрасневшийся кок с судна „Хэлла".

— Я форвард...

— Киппер, киппер,— ударяя себя рукой, лепетал норвежец.

Наши матросы смеются. Кочегар Московский громким басом, взяв на себя обязанность судьи, сообщил:

— Объявляю интернациональный матч.

— Самый северный в мире,— заметили сбоку.

— Товарищи, пожалуйста, спокойно,— волновался Московский.

Импровизированными воротами служили две огромных оленьих шапки. Подданная сильным ударом швабра пролетела над головой норвежского киппера и упала за борт в воду.

— Норвегия проиграла. Швабра была под планкой,— решил судья Московский.

Вышли капитаны.

— Прощай, товарищ! — Жмем руку арктическому „футболисту", напихиваем в его карманы папирос, конфет, шоколада. Шлюпка норвежцев пошла к своим, поистине утлым, но смелым суденышкам, рискующим заходить так далеко на север.

▫ „Понедельник, 28 июля 1930 года. Плавание в островах Земли Франца-Иосифа. Норвежские суда ушли на вест-зюйд-вест, по направлению к острову Виктории. 16 часов. Уменьшив ход, идем с вытравленным на 16 саженей правым якорем к припаю гавани Эйры. 16 час. 45 мин. Войдя к припаю, стали. Машина в готовности. Занесли на лед ледяной якорь. Глубина 13 саженей. Вызвана подвахта: Бабич, Петров и Московский. Погружено на сани 4 ящика запасной провизии для зимовщиков острова Гукера, флаг и доска с надписью на русском и английском языках:

Советская экспедиция „Седова", 1930 год

Члены экспедиции и часть команды отправились на остров Белль...

Серые и мрачные берега острова Белля, без признаков какой бы то ни было растительности и лишь с громоздкими костями кита, выброшенными прибоем на берег, встретили нас молчанием.

Дом, вернее сарай, построенный Ли-Смитом 56 лет тому назад, отыскать нетрудно. Как только поднялись на серые валуны берега, увидели его в лощине. Сарай прекрасно сохранился. Кажется, он построен только несколько лет назад. Двери и окна выбиты. На полу глыбы льда. Консервные банки, пустые бутылки. На стенах несколько надписей. Налево от дома матросы нашли разбитую лодку Ли-Смита. Общими усилиями привели помещение в порядок. Водрузили советский флаг, прибили к стене сарая медную доску и, нагруженные позвонками и ребрами кита, возвратились на ледокол. Густой туман стеной навис над бухтой. Целый день простояли без дела. Начальник экспедиции Шмидт сказал:

— Суточный отдых после напряженной работы — это хорошо. Экипажу и научному персоналу можно хоть раз выспаться.

Я отослал в Москву, в редакцию „Комсомольской Правды“ телеграмму:

„Утром 29 июля, надвинувшийся с моря туман густой пеленой закрыл остров Белль. Капитан Воронин не решился в такую погоду вести ледокол по неисследованным морским глубинам. В 10 часов утра на фоне переливающегося голубыми, светлозелеными отблесками гиганта-глетчера показалась молодая медведица с медвежонком. По установленной разбивке очередь была нашей группы. Шум голосов с корабля заставил медведицу и медвежонка искать спасения в открытой воде. Спущенная лодка с двумя матросами направилась к ним наперерез. Через несколько минут мы заметили в волнах головы медведей. Раздались выстрелы. Защищая полугодовалого медвежонка, мать легла первой от разрывной пули писателя Соколова-Микитова. Второй трофей достался мне. К вечеру туман был немного рассеян ветром. „Седов“, отдав ледяные якоря, отправился для обследования архипелага Земли Франца-Иосифа. Через два часа с ледника снова сполз туман. Всю ночь проблуждали на одном месте. Только утром 30 июля яркое солнце позволило нам сойти на берег острова Мак-Клинтока.“

ОСТРОВ МАК-КЛИНТОК

Под ногами зернистый весенний снег, а рядом колоссальный глетчер. На „спине" глетчера — сотни черных камней, отколовшихся от базальтовых скал. Ледник снабжает ненасытную Арктику льдом и айсбергами. Выше берега, по склону горы раскинулись мхи, полярные маки, цветы, травы, скрашивающие убогое однообразие снежных покровов на других, близлежащих островах. „Птичий базар", прижавшийся к базальтовым обрывам скал, разнообразием голосов напоминает спор домашних хозяек.

Бродя по острову, мы наткнулись на свежие следы песца. Видели во многих местах черепа и кости этого ценного животного. Можно с уверенностью предполагать, что охотники-промышленники, впервые заброшенные на зимовку на остров Гукера, помогут Госторгу найти новые места пушного промысла.

На острове Мак-Клинтока ботаником Савичем открыт новый вид мха из семейства ортотрихов.

Продолжавшийся туман не дает возможности пробраться к земле Вильчека. Стоим на ледяных якорях в ожидании благоприятной погоды.

На имя начальника экспедиции Шмидта получена телеграмма от С. С. Каменева:

▫ Правительственная арктическая комиссия приветствует экспедицию с исключительным по скорости достижением островов Франца-Иосифа и просит передать наш искренний привет сменным зимовщикам и добрые пожелания новой смене. С нетерпением ждем подробности о работе зимовщиков. Успех, сопутствующий экспедиции, дает полную уверенность в благополучном завершении всей задачи. ▫

Зимовщики послали ответную телеграмму:

▫ Благодарим за приветствие. Успехи первой советской зимовки в суровых условиях Земли Франца-Иосифа относим за счет внимания широких общественных организаций и тщательной подготовки снабжения. Снова предоставляем свои скромные силы для работы по закреплению изучений советской Арктики. ▫

Остров Альджер
Место зимовки экспедиции Болдуина—Циглера 1900—1901 гг.

Ледокол ощупью пробирается от острова Мак-Клинтока сквозь непроницаемый туман. Впереди, над безымянным проливом, ведущим в канал Австрию, туман слился с темнобурыми тучами. Капитан Воронин колеблется, вести ли дальше „Седова": отсутствие сведений о глубине пролива заставляет быть особенно бдительным и осторожным. Мельчайшая оплошность, и ледокол может напороться на подводную банку или сесть на мель.

Наконец подул ветерок и разогнал туман. Перед нами открылся плоский бесснежный берег острова Аагата. Проф. Самойлович на ходу знакомит с его строением.

— Небольшой остров Аагат представляет собой тип низменных, размытых островов. К такому типу принадлежат и острова Ньютон, Итон и некоторые другие. Здесь вы увидите резкое выражение древних береговых валов, которых насчитывается до восьми. Острова эти представляют собой поднявшееся дно моря, усеянное темнобурыми камнями.

Мы остановились на берегу.

Перед глазами мертвая пустыня. Таких мест мы еще нигде не встречали.

Лишь большие стаи гагар и диких гусей несколько оживляли неприветливый пейзаж.

Над островом поднялась пальба. Матросы гонялись за редкими экземплярами полярных гусей. Пули ударялись о камни и рикошетом отлетали в сторону.

Проф. Савич сумел и на этом „кладбище“ обнаружить три новых вида карковых лишайников. Через три часа, простившись с островом, хранящим истлевшие кости кита, моржа и других морских животных, вернулись обратно.

Начальник экспедиции сказал:

— Если завтра туман не пропустит к земле Вильчека, отправимся обратно в бухту Тихую.

Второй радист Василий Ворожцов принес телеграмму от новых зимовщиков:

▫ Ледокол „Седов“.

Шмидту, Самойловичу, Визе, Воронину, всем.

Во время выгрузки позабыли веники. Разыщите в трюме, зимой они будут необходимы. ▫

Пришлось разыскать и ответить:

▫ Мыс „Седова“. Остров Гукера. Всем зимовщикам. Веники найдены. Можете не беспокоиться. ▫

В дневнике капитана за несколько часов нашего блуждания по островам было записано:

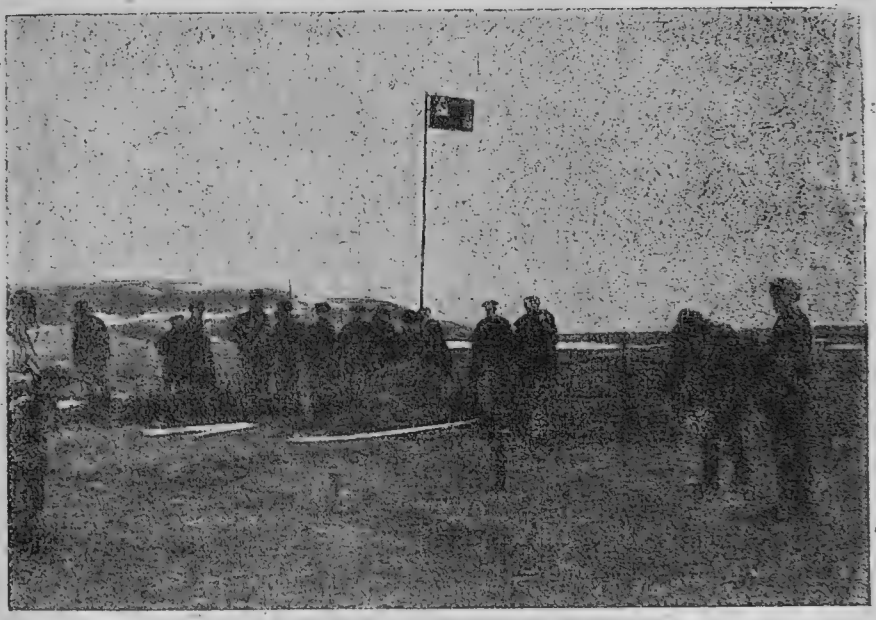
▫ 31 июля. 5 час. 30 мин. Ввиду приближения льда подняли якорь. Обошли с веста остров Аагат и легли на компасный курс — зюйд-вест. Ход полный.

6 час. 10 мин.—повернули на запад; в виду сильно ухудшившейся видимости сбавили ход до малого.

6 час. 30 мин.— легли на к. к. северо-запад.

Встретили сплошной торосистый лед. Сделав попытку обойти его с севера, повернули и пошли курсами от юга до запада.

Туман стал гуще. Видимость плохая. Идем малым ходом вдоль кромки торосистого льда.



На острове Альджере был поднят советский флаг

Остановились у ледяного поля. Прошли за вахту три мили. Туман временами проносит.

21 час 45 мин.— Туман раскинуло.

21 час 50 мин.— Дали полный ход.

22 часа 45 мин.— Вновь берега закрыло туманом. Идем проливом Абердар к острову Альджеру. ▫

1 августа. Туман распластавшись по морю, собирался ветром в темные, плотные тучи и закрыл солнце. На капитанском мостике собралась руководящая тройка. Проф. Визе указывал капитану, где должны быть постройки экспедиции Циглера—Болдуина, зимовавшего здесь в 1901 году. Визе приходил сюда в 1913 году из бухты Тихой. Место ему знакомо. Капитан Воронин усмотрел в поле зрения три небольших домика. „Седов" направился к ним. Шлюпка полна народа.

Не успели высадиться на берег, как проф. Исаченко заметил свежие следы человеческих ног и отпечаток собачьих лапок.

— Здесь кто-то недавно был.

На песчаном берегу валялись набитые льдом оцинкованные ящики, консервы, проржавленные предметы домашней утвари.

Большой дом, построенный в виде казачьей кибитки. Крыши и стены покрыты плотным толем, не пропускающим холода.

Обходим кругом. Сзади обнаруживаем зияющую дыру, прорубленную топором. Окна выбиты. Внутри дома — глыбы смерзшегося снега. У входной двери лежат кучи промокших кофе и чая.

Визе отделился от нашей партии и побежал к магнитному павильону. Там, 16 лет тому назад, им была оставлена записка в банке из-под какао. Записка пропала вместе с банкой. Кто-то чуждый северу безобразно отнесся к историческим памятникам. Бедствующие исследователи не найдут тут приюта. По распоряжению тов. Шмидта здесь были оставлены продукты. Капитан Воронин обнаружил у склада две резные архангельские дуги. „Надо захватить их в Северный музей", — решил он.

В сохранившуюся двуколку впряглись Визе и Лактионов:

— А ну, — дайте дорогу!

Все разбежались по острову. Я пошел с Урванцевым к подножью высокой, укатанной снегом горы Ритгофен.

С высоты 200 метров мы увидели перед собой замечательную картину. Внизу раскинулась усыпанная цветами долина, сверху сталактитами нависал лед. Мы пересекли седловину, поднялись по песчаной пирамиде и вышли к базальтовым обрывам скалы. Среди камней нашли череп белой куропатки, кости песца, а на крутом спуске обрыва — недавние следы медведя. Туман белым поясом обхватил стан горы Ритгофен. Мы с Урванцевым очутились в молочном море. Ледокол казался издали крохотным. Осторожно спустились с крутого обрыва и отправились назад. На острове, недалеко от дома, подняли флаг Страны Советов.

Обследовав Альджер, „Седов" пытался пробиться к земле Вильчека, где в 1898 году разыгралась мрачная северная драма: начальник экспедиции, американский журналист В. Уэльман, оставил в построенном им продовольственном депо двух человек. Два закаленных полярника-норвежца — Бьервиг и Бентсен, последний — участник знаменитой экспедиции Нансена на „Фраме", остались на зимовку. В полярную ночь Бентсен занемог и 2 января скончался. Перед смертью он обратился к своему товарищу Бьервигу с просьбой не зарывать его в мерзлой земле, где он вскоре стал бы добычей песцов и медведей.

Р. Л. Самойлович и О. Ю. Шмидт

Бьервиг исполнил последнюю просьбу друга. Когда В. Уэльман на следующий год вошел в хижину, устроенную из камней и моржовых шкур, он увидел следующую картину:

> На полу один подле другого лежали два спальных мешка. Один хранил следы недавнего пребывания в нем живого человека, в другом же находился труп Бентсена, смерзшийся с мешком в одно целое. Бьервиг, верный своему слову, 70 суток полярной ночи проспал рядом с останками умершего друга. Бьервиг был вполне здоров и, по выражению Уэльмана, казался «почти нормальным». Правда немного нервничал и жаловался на бессонницу.

К могиле Бентсена, несмотря на все попытки, „Седову" пробиться не удалось. Австрийский пролив и пролив Маркгама были плотно закупорены льдом. Машины надо было беречь, еще не была выполнена вторая ответственная часть задания — достижение Северной Земли.

Ледокол повернул в пролив Самойловича, между островами Рояль Сосайети и Ли-Смита, в бухту Тихую.

ПРОЩАЙ, МАРКЕЛОВКА

Погода в Арктике меняется с каждым днем, с каждым часом. Вчера густой туман мешал пробраться в пролив Аллен-Юнг, а сегодня неистовый свет низкого ночного солнца искрится по вздыбленным нагромождениям льда.

Солнечный день в Арктике для исследователей — клад. „Седов" после исследовательского рейса входил в бухту Тихую. Домик зимовщиков, новые, пахнущие смолистым запахом, радиостанция, баня, продовольственный сарай, оранжерея, мирно разгуливающие собаки-лайки — все словно наслаждалось отраженными в море лучами, и только двое зимовщиков были как-то особенно молчаливы. Начальник радио-метеорологической станции, молодой ученый, коммунист Иван Маркелович Иванов, всегда веселый, жизнерадостный, стал угрюм, тороплив, беспокоен.

Он чувствовал огромную ответственность за проведение зимовки, за жизнь людей, вверенных ему правительством.

— Товарищ Иванов,— раздается голос метеоролога-наблюдателя комсомольца Мухина,— члены экспедиции пришли проститься, сегодня отплывают.

„Маркелыч" съежился, глаза у него заблестели, забегали по журналу. Ветер, подувший с норд-оста, зашелестел страницами.

— Одну минуту. Дайте проверить продовольственный склад.

— Где у нас сложена мука?

— Мука вон там, под навесом.

— Хорошо. Сейчас проверю и приду.

Матросы, кочегары, члены экспедиции, одетые в чистые рубахи, новые костюмы, обходили поселок, заглядывая всюду. Владимир Иванович Воронин говорил зимовщикам:

— На большом корабле я чувствую себя капитаном, но, когда я ухожу в море на шлюпке с шестью-семью моими матросами, я сам становлюсь матросом, и задача моя заключается лишь в том, чтобы своим примером в борьбе с природными трудностями сколотить коллектив. Земля Франца-Иосифа — это лодка, спущенная с большого корабля. В ней все вы должны быть равны. Условия Арктики требуют организованного человека. Будьте организованы, это поможет вам выполнить возложенную на вас историей задачу. Вот все, что вам может сказать старый моряк.

Зимовщики молча слушали. Тишина сковала зеркальную поверхность бухты Тихой.

В столовой в последний раз звучали голоса людей, спешивших выступить в новый рейс к неисследованным западным берегам Северной Земли.

— Товарищи!

Все смолкли, слушая тов. Шмидта.

— Мы оставляем здесь самых лучших ударников науки на попечение одного из преданнейших наших коммунистов.

— А где Иванов?

Скрипнула дверь.

— Здесь я,— проталкивается к столу Иванов, стряхивая с себя мучную пыль. — Все в порядке, товарищ Шмидт.

— Что в порядке?

— Продовольствие, снаряжение, научные приборы,— сам проверял.

— Превосходно. Это будет вашим ответным словом.

Говорить в такую минуту трудно. Грустно расставаться с друзьями. Идем к берегу. С крыши на меня неожиданно бросилась кошка, уселась на моем плече и стала нежно урчать.

Пригретые солнцем полярные собаки безмятежно спали. Дымчатая кошка забеспокоилась, когда я стал спускать ее на землю. Бедняжка,— ей придется провести вторую зимовку на островах Гукера. Она тоскует по теплой стране.

Самойлович, крепко обняв Иванова, поцеловал его и отправился к шлюпке.

Захрипел первый гудок. Эхо отдалось на леднике, ударилось о скалу Рубини-Рок и замерло. Потек туман.

— До свидания, товарищи!

Третий гудок. Ледокол закачался. Винты замутили воду. На берегу девять мужчин и одна женщина, тов. Демме, садились в лодку.

Туман, сочившийся с острова Скотт-Кельти, постепенно закрывал молочной завесой остров Гукер и здание советской научной станции. Моторная лодка шла рядом. Ненец тов. Хатанзейский выкинул на радиомачте три морских флага. Старший штурман направил на них бинокль.

— Выкинуты флаги „Ф. Г. М.“

— Что они означают?

— Счастливого плавания.

Дробя лед, „Седов“ ускорил ход. Моторная лодка, окутанная туманом, скрылась из вида.

Наши ракеты, разрываясь вверху, на секунду освещали фиолетовым светом молочную завесу тумана. Над туманом ясно были видны контуры станции и размахивающий руками Хатанзейский.

— Про-щай, Мар-ке-лов-ка!— протяжно рявкнул Московский и ушел на вахту, „к чорту в пекло“, как он называл кочегарку.

Тов. Шмидт послал телеграмму:

¤ 3 августа „Седов“ покинул Землю Франца-Иосифа. Держим курс на мыс Желания, на северную оконечность Новой Земли, чтобы встретиться с ледоколом „Сибиряковым“, который вышел из Архангельска с грузом угля для нас. Сердечно простились с оставшимися на зимовку 11-ю товарищами. Им предстоит выполнить за год большую программу научных работ. Самая северная в мире советская научная станция оправдает доверие нашей общественности и ожидания мировой науки, представители которой следят за нашей работой с огромным интересом. Во главе станции остался И. М. Иванов, член ВКП(б), ученый географ,— участник знаменитой спасательной экспедиции на „Красине“ и прошлогодней — на „Седове“. Остальные зимовщики: метеоролог Голубенков, пять раз зимовавший на станции за полярным кругом; гидролог Мухин; географ Демме — первая женщина научный работник на такой широте; радист Иовлев с большим полярным стажем; механик Плосконосов, бывший шофер тов. Ворошилова, работавший потом на заводе; врач Кутляев; завхоз — коммунист Данилов; повар Постанов и два промышленника-зверобоя — ненец Хатанзейский и Кузнецов, оба — люди огромного опыта и отваги, активные участники гражданской войны. ¤

Сумеем ли мы быстро прорваться через скованные веками ледяные поля? С капитанского мостика четко слышалось:

— Так держать!

По цепи, от капитана к штурману, от штурмана к штурвальному, от штурвального в машинное отделение неслось:

— Так держать!

— Есть, так держать!

Ледокол, разрезая темносиние волны, выступил к северной оконечности Новой Земли — к мысу Желания.

К МЫСУ ЖЕЛАНИЯ

Огибая остров Скотт-Кельти, вошли в пролив Де-Брюине-зунд. Свежий ледок тонким слоем забронировал поверхность воды. Ледяной остров Нортбрук холодным дыханием провожал „Седова".

Молодой нилосовый лед звенел, как металлический колокольчик, пропуская нас на юг.

Пасмурно.

В воздухе моросит. Сыро.

Солнце, укутанное в серую шаль облаков, слабо освещает хмурые отвесные базальтовые скалы.

Земля Франца-Иосифа отделялась от нас с каждым поворотом винта.

Идем „самым малым" ходом вперед. Тяжелыми ударами бьют по бортам ледокола перевернутые льдины.

На ледоколе снова развернулись научные работы. Гидролог Лактионов вытащил из трюма большой квадратный ящик с бутылками, пробирками, мензурками и т. д. Горбунов с Есиповым занялись проверкой трала и стального каната. Кочегар Московский, окончив вахту, разыскивает зимовщиков:

— Тов. Муханов, помоги, устроить беседу. Матросы интересуются работой зимовщиков.

— Идем к Илляшевичу, к Шашковскому.

Каюта на ключе. Спят.

— Стучи, дома отоспятся. Пускай рассказывают. Ребята в кубрике ждут.

Барабаним долго и сильно. За дверью шаги.

— Кто? Что случилось?

— Скорее, скорее, ледокол получил течь.

Шашковский выбежал первый.

— Ну, вот и докладчик.

— Да в чем дело? Говорите толком.

Уговаривать долго не пришлось.

Шашковский, забрав записи, телеграммы, дневник, через пять минут был уже в матросском кубрике. Он сел за стол, подперев тонкими жилистыми руками красивую голову с ласковыми голубыми глазами и тихо, подробно, обстоятельно рассказал седовцам о первой проведенной полярной зимовке на Земле Франца-Иосифа.

СРЕДИ ЛЬДОВ И АЙСБЕРГОВ

— В 1929 году особым постановлением Совета народных комиссаров была создана арктическая экспедиция, имевшая своею целью достижение Земли Франца-Иосифа и фактическое закрепление этого малообследованного архипелага, состоящего из множества островов (числом около сотни), за СССР, путем постройки на одном из его центральных островов постоянной научноисследовательской радиостанции.

Станция должна была обслуживаться семью советскими гражданами, изъявившими согласие работать на ней до следующего навигационного периода, т.-е. не меньше года.

Эти семеро человек состояли из заведующего станцией, врача-хирурга, радиооператора, двух мотористов, завхоза, повара и геофизика. Большинство из них было уже хорошо знакомо с условиями работы и потребностями продолжительно отрезанного от всего мира общежития в Арктике.

Помимо политического значения, постройка станции на Земле Франца-Иосифа имела еще большое научное значение: зимовщики должны были сигнализировать по радио на материк СССР о всех изменениях барометрического давления и о тех воздушных течениях, которые возникали в свободной атмосфере над нами, на высоте 7-10 километров.

— Наши метеорологические телеграммы нередко звучали в деле предсказания погоды или успокоительно, или предостерегающе, или даже угрожающе,— рассказывал Шашковский.

Как известно, прошлогодняя экспедиция закончилась полным завершением программы. В бухте Тихой острова Гукера Земли Франца-Иосифа был в кратчайший срок выстроен основательный деревянный дом в 11 комнат, предназначенный для нашего зимовья. В двух основных комнатах дома помещались коротковолновая радиостанция, служившая нам втечение года единственным средством сообщения с остальным миром, и мотор, предназначенный для питания радиостанции электрическим током.

Продовольствием и топливом мы были снабжены на три года, так как достижение Земли Франца-Иосифа морским путем бывает возможно не каждый год и зависит от состояния льдов в Баренцовом и Карском морях.

Дружной семьей жили зимовщики Франца

Окончив сооружение нашей станции, „Седов" покинул бухту Тихую 31 августа 1929 года.

К сожалению, мы не могли сразу же после ухода судна развернуть научную работу, так как полтора месяца были принуждены работать по оборудованию дома, установке научных приборов и переноске продовольствия в кладовые, расположенные на горе. Мы торопились окончить все наружные работы засветло, а полярная ночь уже надвигалась.

Убывал день, солнце уходило от нас на юг, посылая сквозь облака прощальные, слабые, оранжевые лучи.

Бухта Тихая и прилегающее к ней водное пространство все еще не замерзали: полному замерзанию препятствовали теплая погода, сильное течение в проливе Мелениуса и низкая облачность. Между одиноко стоящими на мели айсбергами, торосами и стамухами, на чистой и спокойной воде стали показываться группы нерп и тюленей.

11 октября недалеко от берега мы наблюдали большое стадо гренландских тюленей.

Животные, играя, почти выпрыгивали из воды.

Мы часто выезжали на парусной лодке на обследование прилегающих островов: выяснять ледовый режим, фотографировать айсберги и заготовлять на зиму мясо для собак. Во время обследования долины Молчания мною и тов. Муровым была убита в берлоге большая белая медведица. Заготовленные для корма собак медвежьи туши развешивались на открытом воздухе. Их запах привлекал белых гостей. Медведи стали чаще подходить к окнам нашего дома. Начальник П. Я. Илляшевич убил одного из них на крыльце с куском мяса в пасти. В этот же день собаки загрызли белого песца, пытавшегося украсть кусок медвежьего мяса. Тогда же нам посчастливилось убить белую куропатку, существование которых на этих широтах никем не подозревалось.

Начиная со 2 сентября наша метеорологическая станция стала ежедневно посылать в Ленинград радио о состоянии метеорологических элементов на архипелаге Земли Франца-Иосифа, а радиостанция втечение двух недель сумела связаться с советскими коротковолновиками и с отдельными городами Западной Европы. Ежедневно мы получали от научных и общественных организаций много приветственных телеграмм, благоприятно действовавших на настроение зимовщиков.

20 октября солнце скрылось совсем, чтобы показаться снова с юга, из-за ледника, через четыре месяца (через 128 дней). Первые дни после исчезновения солнца над горизонтом в полдень наступал рассвет, похожий на слабые сумерки.

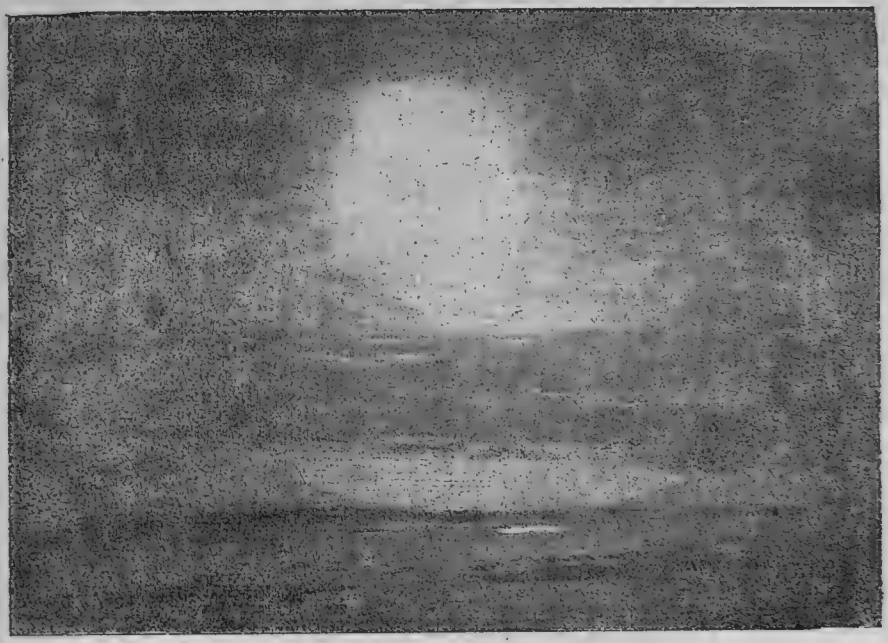
Потом и сумерки кончились.

Земля Франца-Иосифа погрузилась в темноту. Британский канал сковался плотным ледяным покровом. Отдельные торосы и куски многолетних ледяных полей, летом и осенью влекомые течением вперед и назад по несколько раз в день мимо станции, теперь застыли. Наступила абсолютная тишина. Смолкли постоянный шелест ледяных волн океана и шорох сталкивающихся льдин. Улетали последние из многочисленных пернатых обитателей архипелага. Стали исчезать белые медведи, спутники открытой воды. Все застывало.

Мы остались одни.

Матрос Петров со светлыми, как лен, волосами и большими сочными губами, зашмыгал носом и сильно чихнул.

— Тише, ты, — шикнули вокруг.— Не мешай слушать...



Солнце уходило на далекий юг

— Началась зимовка. Это время следует считать, собственно, самым неприятным, так как темнота и неустойчивость погоды сильно ограничивают возможность наружных работ. Кроме того, продолжительная непрерывная темнота расслабляюще действует на здоровье и психику человека. Действие ночи сказалось прежде всего на составе крови и работе кроветворных органов. Несмотря на исключительно хорошее питание и отсутствие ясно выраженных случаев заболевания цынгой, к концу полярной ночи у всех нас все же наблюдались боли в костях, бледность и отсутствие апетита.

Врач-коммунист Георгиевский объяснил: нервная система с ее условными рефлексами, выработанными на Большой Земле, привыкла к определенной смене дня и ночи. Нарушение дневной работы и ночного покоя, как у нас (замены дня ночью), влечет за собой ряд нервных расстройств. В условиях Арктики, где это нарушение вызывается природными условиями, расстройство нервной

системы сказывается гораздо сильней. Во время полярной ночи мы несколько раз подвергались медицинским осмотрам, из которых можно было заключить, что нервная система — у одних больше, у других меньше — потерпела функциональные расстройства. Не было ни одного из числа сотрудников, который не чувствовал бы влияния ночи. Мы постоянно страдали бессоницей, вызванной повышенной нервностью и мнительностью. Все эти отклонения мы старались парализовать нормальным дневным режимом. Каждый из нас должен был пройти за зиму понескольку сотен раз расстояние от дома до бани по „Проспекту прекрасной женщины", выезжать на санях и лыжах на прогулку.

Единственным источником наружного света во время „большой ночи" была луна. Мы с нетерпением ожидали спокойной, ясной лунной погоды, чтобы совершать дальные прогулки в пределах нашего острова.

Основные метеорологические наблюдения, которые велись трижды в сутки с момента отхода ледокола за все время нашего пребывания на Земле Франца-Иосифа и ежедневно передавались по радио на материк по четырем адресам, были несколько затруднительны во время сильных северо-восточных штормов, поднимавших с поверхности густые облака снега. Чтобы пройти по сугробам около сотни шагов, отделявших метеорологическую площадку от жилого дома, приходилось прибегать к героическим усилиям. Во время метели, когда дом до самой крыши бывал занесен снегом, мы даже на этом ничтожном расстоянии теряли ориентацию и подолгу блуждали в потемках.

Перезимовать на Земле Франца-Иосифа — не поле перейти. Мы провели год в условиях совершенной изоляции на необитаемом архипелаге, обремененные нелегкой бессменной службой в неведомой для геофизики стране.

— Помню... Февраль. Полярная ночь. Ураган. Сидим в доме. Мне надо итти на вахту, голыми руками возиться с точными приборами, с железом, сталью и медью. Записывать. Температура —35° Ц. Одеваюсь: сперва кожа, потом меха. Заматываю лицо длинной сухой тряпкой... Оставляю две небольших щели для глаз. Привязываю электрический фонарь. Вырываю наружную дверь. На улице свист ветра, шторм. Плашмя падаю в сугроб. Осваиваюсь. Около глаз — белая стена, визжащее ледяное жгучее молоко... Захлебываюсь. Мускулы груди не в силах вытолкнуть воздух против режущего ветра. Соображаю: норд-ост, сила — 10-12 баллов.

Медведи подходили к дому

Провода на площадке ревут. Нужно двигаться. Ожесточаюсь. Атакую. Ветер сносит. С трудом сделав наблюдение, ощупью ползу обратно. Блуждаю в сугробах. Кричу. Навстречу бегут встревоженные собаки. Бросаются. Лижут занндевевшее снегом лицо.

Наконец дома.

Шифрую полученные сведения.

Телеграмма готова,—будишь радиста, суешь ему, еще сонному, метеотелеграмму. Через несколько минут слышен равномерный звук мотора; телеграмма несется по эфиру через неизмеримые пространства льда и снега в Архангельск, Ленинград, Москву, Харьков. С каким нетерпением дежурный синоптик Главной геофизической обсерватории Ленинграда ожидает „далекую радостную телеграмму".

С каким удовлетворением все сотрудники вздыхают полной грудью, когда открываются в стене маленькие окошечки, соединяющие комнату сотрудников с телеграфом, и слышится:

— Земля Франца-Иосифа пришла.

Через несколько минут наши метеосведения уже будут помещены на нескольких рабочих картах, по которым можно судить об изменениях погоды на советском материке.

В ясную погоду мы занимались исследованием полярных сияний, которые, кстати сказать, за истекшую зиму были часты и продолжительны. Записывали разнохарактерные световые явления, возникавшие в чистом, морозном, насыщенном ледяными кристаллами, воздухе. Первое виденное нами северное сияние отличалось от ранее виденных мной сияний на Новой Земле своей многокрасочностью. Мы его вшутку назвали „полярное световое кино". Точно кадры киноленты, мелькали перед нами сполохи. Вот только сейчас они были похожи на зеленое бархатное драпри с переливами у краев нежноголубого оттенка, моментально переходящими в близкие к синим цветам, и уже все преобразилось: на темном фоне возникли новые причудливые световые образования, напоминающие огромные огненные столбы со сползающим основанием у горизонта, с удивительным подбором свойственных северу красок — желтой, оранжевой и голубой. Вот мелькнул огненный язык, и в зените ясно обозначилась живописная корона, составленная из расходящихся в разные стороны лучей, блестящих полос и маленьких светложелтых бликов. Ледяная пустыня долгое время играла кристаллами льда, точно алмазными россыпями. Угрюмая базальтовая скала Рубини-Рок освещалась с северо-восточной части острова Гукера световыми прожекторами; от этого она казалась каким-то сжавшимся доисторическим животным, медленно ползущим на голубой ледник Юрия. Вскоре корона начала меркнуть. Желтые отблески бледнели и постепенно исчезали. Сама корона, распадаясь на части — зеленые, синие и кирпичного цвета,— раскидывала последние снопы брильянтов. Через несколько минут небо очистилось, не осталось и следа этого незабываемого явления природы.

В лунные ночи нам приходилось пускать шары-пилоты. Метод исследования атмосферы при помощи шаров-пилотов заключался в следующем:

В свободную атмосферу выпускается резиновый шар, наполненный водородом.

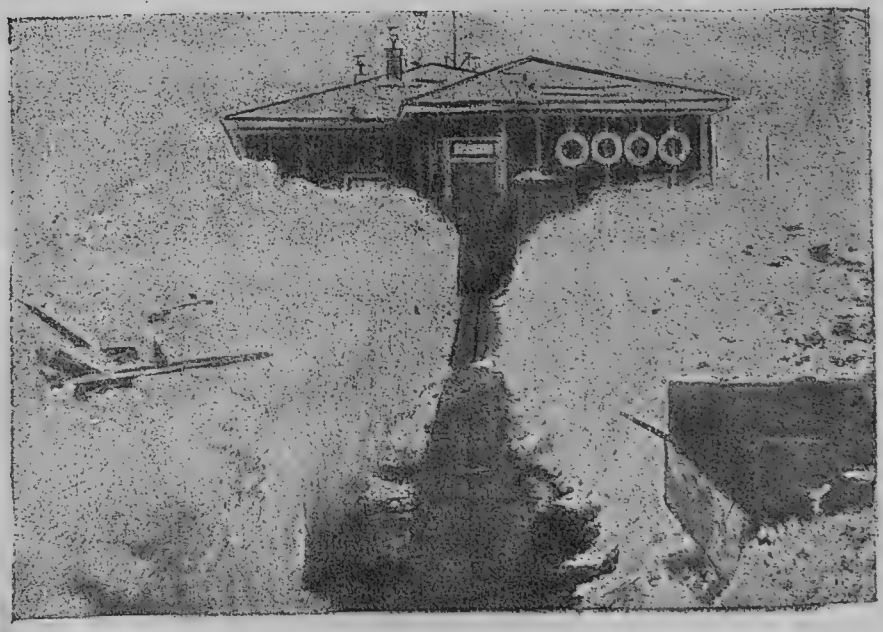
Он, взлетая вверх, перемещается по ветру.

У крыльца убили медведя

За движением шара наблюдали в зрительную трубу теодолита и через определенные промежутки времени отсчитывали вертикальные и горизонтальные углы. После произведенного наблюдения, зная вертикальную скорость, т.-е. скорость, с которой шар двигался в вертикальном направлении, и отсчеты вертикальных и горизонтальных углов теодолита в различные моменты, совсем легко нанести на бумагу пройденный шаром путь и вычислить по нему направление и скорость ветра в различных слоях атмосферы.

Эти данные особенно интересны. По ним уже можно судить об ожидающейся погоде не только на месте наблюдения, но и в окружающих районах. В ночное время, чтобы следить за полетом шара, к нему привязывали снизу на проволоке горящий факел, вес которого и постепенная убыль горючего учитывались. Распределение ветров по вертикали представляет большой интерес для воздухоплавателей.

Накопление этих материалов о Земле Франца-Иосифа необходимо, так как они будут служить одним из этапов в будущих трансарктических перелетах.



Единственный „Проспект прекрасной женщины" заносился снегом

Особо интересным событием за время полярной ночи был разговор двух полюсов.

Наконец, полярная ночь пошла на убыль.

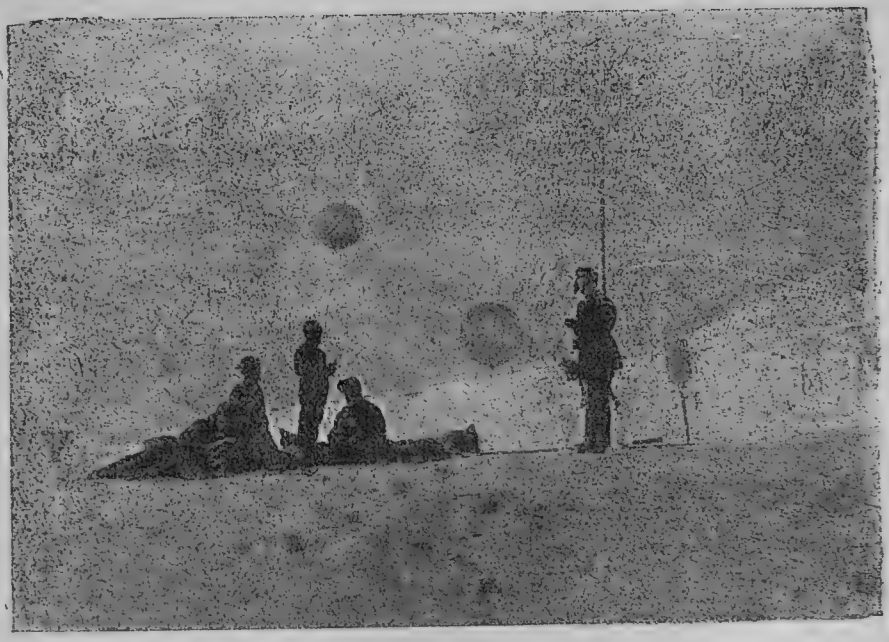
24 февраля с огромной радостью мы встретили солнце. Первые косые лучи его раздражающе действовали на глаза, привыкшие к керосиновой копоти.

Почти все наши щенки, выросшие в предбаннике втечение полярной ночи и еще ни разу не видевшие солнца, выбежав на крыльцо, совершенно ослепли.

— Все так и ослепли?— перебил плавно лившуюся речь кочегар Московский.

— Молчи ты, „собачий шеф",— загуторили матросы.

Снова напряженная тишина воцарилась в кубрике.



В лунные ночи зимовщики пускали шары-пилоты

— Благодаря терпению,— продолжал тов. Шашковский,— и настойчивости нашего врача, лечившего собак разными примочками, первое поколение собак на Земле Франца-Иосифа было избавлено от слепоты.

Огромное количество снега, выпавшее за время полярной ночи, уравняло все неровности каменистой почвы острова и отбрасывало от себя так много солнечного света, что воспаленные глаза с удовольствием отдыхали на единственном темном пятне в нашей бухте — огромной скале Рубини-Рок, вертикальные обрывы которой были свободны от снега.

С наступлением солнечной погоды аэрологические наблюдения были расширены. В особо благоприятные дни выпускались серии шаров-зондов, связанных вместе и влекших в высь прибор, называемый метеорографом, системы директора Слуцкой аэрологической обсерватории проф. П. А. Молчанова.

Прибор этот втечение всего полета непрерывно записывает температуру, влажность и давление воздуха. В конце полета зажигательный шнур, горение которого рассчитано на определенное время, пережигает веревку, которой метеорограф привязан к несущим его шарам,— и прибор падает на землю часто за много километров от места его выпуска.

В обыкновенных условиях прибор этот рассчитан на то, что кто-нибудь из окрестных жителей найдет его и доставит за вознаграждение.

К сожалению, на „окрестных жителей" нам рассчитывать не приходилось. Единственным населением архипелага Франца-Иосифа, занимающего около 40 тыс. кв. метров общей площадью,— были мы. Со всех сторон нас окружало полярное море, самыми ближайшими пунктами, отстоявшими на многие сотни километров от нас, были: к западу — Шпицберген, к югу — Новая Земля, к юго-востоку — Северная Земля. Нам приходилось самим пускаться по льду вдогонку за улетающими метеорографами. Один из таких приборов удалось найти нашему товарищу Алексину в торосах около острова Скотт-Кельти.

Весной и летом мы производили наблюдения над ледяным покровом в бухте Тихой и ее окрестностях. Зарисовывали облака, которые здесь имеют совершенно иной характер, формы и вид, чем на материке.

Незадолго до начала таяния снега тремя сотрудниками была произведена снегомерная съемка поперек западной стороны острова Гукера. Путь их лежал целиком по ледниковому щиту, покрывающему почти сплошь весь остров. Здесь измерялись высоты снежного покрова и брались пробы на плотность. Работу эту необходимо было произвести, чтобы точно выяснить количество осадков, выпадающих на Земле Франца-Иосифа за год. Другими способами, находившимися в распоряжении науки, этот вопрос выяснить было нельзя всилу особых условий погоды в этих широтах.

В январе мы получили приветственную телеграмму от Фритьофа Нансена, проходившего вдвоем со штурманом Иогансеном тридцать пять лет назад в июне, во время беспримерного тысячеверстного блуждания пешком по движущимся льдам, мимо теперешнего местонахождения станции.

Начальник станции П. Я. Илляшевич растил пойманного медвежонка

Единственная связь с далеким материком — радио. Оно вносило большое разнообразие и радость и уничтожало впечатление оторванности. В хорошо обставленной уютной кают-компании вечером раздавались голоса дикторов Ленинградского радиоцентра, Московской станции им. Коминтерна.

Они знакомили нас с последними событиями и достижениями страны, строящей социализм.

Так прошел год нашей дружной коллективной жизни. Ледокол „Седов" вернулся за нами.

Самый удачливый из полярных зверобоев, лучший капитан Арктики Воронин сдержал слово, данное при прошлогоднем торжественном прощании: умело поборов штормы и льды, пришел в срок в бухту Тихую.

— Тов. Московский, твоей бригаде на вахту!

Застучали деревянные подошвы по лестнице. Кубрик опустел. Ледокол остановился для производства океанографических работ.

ТАЙНА ПОЛЯРНОГО МОРЯ

Накрапывал мелкий дождь. Небо, укутанное в серое мокрое одеяло облаков, было угрюмо и холодно. Желтоватые валы Баренцова моря вздувались за ютом.

Проф. Р. Л. Самойлович в больших норвежских сапогах приготовлял на корме торпеду — трубку Экмана к погружению в подводное царство. Привешенная к медной проволоке, она тихонько спускалась до поверхности воды, а затем ныряла на дно. Натянутая стрелой проволока мелодично звенела, пока торпеда не ударялась о дно. Начинался отсчет:

— Пятьдесят метров...

Сто метров...

Двести...

Триста метров...

Проволока ослабевала. Трубка Экмана с грузом отложившегося ила поднималась на палубу.

Разглядываем голубой ил. В Ленинграде в специальных лабораториях произведут анализ физических и химических свойств отложений этой отдаленной части северного Полярного моря.

На шканцах под руководством проф. В. Ю. Визе и А. Ф. Лактионова развернулась самая ответственная — океанографическая работа.

Океанография — наука о морях. На каждой станции, по плану, на определенных глубинах моря (0, 10, 25, 50, 75 метров и пр.) берутся пробы воды и определяются их температуры. Каждая проба тут же, в небольшой гидрохимической лаборатории, анализировалась путем титрования на хлор; выяснялось также общее содержание солей, количество растворенного в воде кислорода и т. д. Исследования воды дадут нашим ученым ответ на ряд практических вопросов, а параллельно ведущиеся под руководством Л. С. Ретовского гидробиологические работы по сбору бентоса и планктона позволят нам узнать о породах морских животных и рыб, обитающих в данной широте.

К вахтенному штурману прибежал в грязной кожаной куртке Г. П. Горбунов:

— Пожалуйста, „самый малый вперед". Трал спускаем.

Матросы, кочегары, корреспонденты столпились на юте: здесь самое интересное...

Трал — огромный брезентовый мешок с раскрытой пастью — медленно опускается на дно моря. В первое время он описывает за ледоколом круги, постепенно погружаясь в подводное царство. Вытаскивают трал на палубу при помощи паровой лебедки. Любопытство достигает апогея. Что принесет брезентовый мешок? Какую тайну расскажут пойманные представители глубоководного царства?

Глаза шарят по поверхности воды.

— Трал идет!

Лебедка смолкает. Над поверхностью воды показывается мокрая железная рама. Вытаскиваем руками. Тяжело.

— Наверно камни,— шутит подошедший Московский.

Он не забывает притти на каждый спуск и подъем трала и обязательно выпросит морскую звезду, ежа или голотурию. Над его койкой в кубрике я видел целый музей засушенных морских растений, животных и рыб.

На палубе трал опускается на сетчатую площадку, развязываются петли, и содержимое мешка черной копошащейся грязью выплескивается наружу. Струя студеной воды смывает липкий ил. Глазам открываются замечательные морские животные. Красные и желтые морские звезды, растопырив длинные щупальцы, сжимаются в круглые комочки; бледнолиловые морские огурцы — голотурии, распустив ветвистые руки,тянутся к маленьким серебристым рыбкам-сайкам. Розовые прозрачные медузы перемешаны с жуками, рачками и другими обитателями моря. Плоские камни сплошь засажены белыми и розовыми цветами — актиниями. Водоросли различных оттенков и окраски укрывают собой самых маленьких моллюсков, напоминающих дождевых червей,— морских слизняков. Г. П. Горбунов зорким взглядом находит их и, прищелкивая языком от удовольствия, глотает одного за другим.

— Море Баренца,— говорит Горбунов,— это большой закрытый распределитель неприкосновенного запаса — витаминов. Оно занимает площадь в полтора миллиона квадратных метров. Оно одно может прокормить многие десятки лет нашу страну. Мы должны знать это море и сообщить советским траулерам места, где больше всего водится камбалы, трески и другой рыбы.

Кочегар Московский, обвешанный морскими ежами, звездами, ариурами, спускаясь в машинное отделение, звонко поет:

... Наш ледокол летит стрелой,
В коммуне остановка...

Р У С С К А Я Г А В А Н Ь

5 августа. В океане мягкий штиль. Небольшой туман. Все столпились у доски „Последние новости". На ней телеграмма от ледокола „Сибирякова":

▫ Утром прошли Канин Нос. 8 августа будем в Русской гавани. Везем посылки, письма, газеты и журналы. ▫

Больше всего нас интересуют газеты, журналы. Скорей бы узнать новости с Большой Земли!

В 20 час. 30 мин. в судовом журнале отметили:

▫ Счастливое место 76°35″ норд, 62°45″ ост. В тумане показался берег Новой Земли. Место опознать трудно. С вытравленным правым якорем продвигается вперед.
Туман рвется и уходит к югу. ▫

На капитанском мостике руководящий состав не отходит от цейсовской „пушки".

— Да это же Русская гавань! Вон видите — остров Богатый, мыс Утешения,— протирая очки, вспотевшие от тумана, говорит проф. Самойлович.

Русская гавань, остров Богатый не видали в своих водах ни одного большого корабля.

Сотни лет тому назад русские поморы приходили сюда на маленьких парусных ботах, обтянутых бычачьими шкурами, промышлять морского зверя — моржа, лысуна, тюленя и нерпу.

В 1913 году зимой, пробираясь на собаках от места зимовки судна „Святой Фока" к мысу Желания, лейтенант Георгий Яковлевич Седов зашел сюда первый, определил астрономический пункт и положил эти места на карту.

Спустя 14 лет на небольшом пятисильном катере „Тиманец", покинув шхуну „Зарницу", Р. Л. Самойлович с двумя смелыми спутниками — Ермолаевым и Безбородовым исследовал неизвестные в геологическом отношении северо-западные берега Новой Земли. Путь по океану на маленьком суденышке, имеющем 18 футов в длину, был весьма опасен. Достаточно было бы начаться ветру силой в 3-4 балла, как эту „ореховую" скорлупку захлестнуло бы волной.

Весь путь от острова Баренца Самойловичу пришлось пройти в сплошных туманах. К счастью катер благополучно миновал ряд рифов и подводных камней, расположенных в изобилии у мыса Утешения. Была обнаружена прекрасная, защищенная от ветра гавань (будущая база для Карских экспедиций), которую назвали Шапкино становище.

После полдневного отдыха проф. Самойлович обследовал геологическое строение острова, взобрался на высокую скалу и увидел на острове Богатом огромный пятиметровый старообрядческий крест с полустертой надписью:

СЕЙ

КРЕСТ

ПОСТАВЛЕН СУМЧАНАМИ

НА

ОСТРОВЕ

БОГАТОМ

БЫВШЕМ БАРЕНСА

В

1847

ГОДУ

. . . . .

До сего времени нельзя не преклониться перед мужеством и героизмом русских поморов-зверобоев, достигавших на парусных ладьях тех мест, которые потомкам их казались недоступными. Роль, сыгранная поморами-рыбаками в деле освоения арктических полярных областей, очень велика.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Глубоководная бухта Русской гавани окружена кольцом крутых берегов с отвесными скалистыми черными и темносерыми обрывами известняка.

В эпоху великого оледенения Европы, Новая Земля была покрыта сплошным ледяным панцырем. Потом ледники стаяли.

Новая Земля с западной и восточной сторон сбросила с себя ледяной щит. И только наиболее гористая часть ее попрежнему остались закованной в броню векового льда.

По горным долинам с главного хребта длинными языками спускаются исполинские ледяные потоки — мощные глетчеры. В Русскую гавань спускаются четыре таких мощных ледника.

Глетчер рождает светлозеленые, светлоголубые и синие плавучие горы, небольшие айсберги темноголубого цвета, издали принимающие формы лебедей, с отливами у краев, напоминающими крылья светлоголубого оттенка, переходящего в белый.

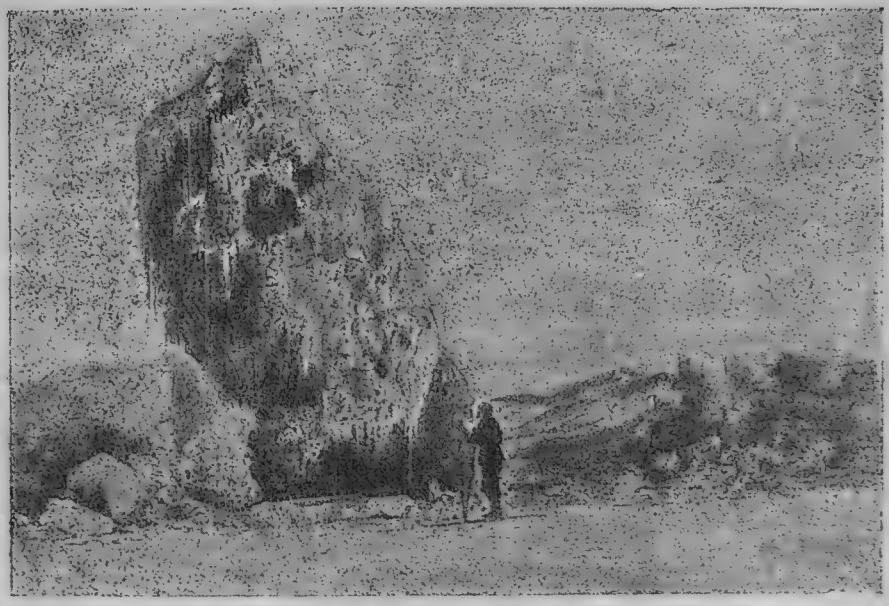
6 августа. С утра погода на редкость хороша. Новая Земля, по праву считающаяся страной туманов, подарила нам первый радостный теплый день.

Спешим обследовать прилегающие острова. Североземельская лодка с подвешенным мотором „Архимед", взяв на буксир маленькую складную резиновую байдарку, отошла от спущенного парадного трапа, сделав несколько кругов около „Седова", обогнула Верблюжий остров и направилась к леднику Шокальского.

Мыс Утешения своей вытянутой чудовищной лапой подводных камней заставил нас держаться дальше от берега. Повеяло холодом. Вдали, блестя на солнце, показались два горбатых ледника. Края их были зазубрены ввиде пирамид, башен, тонких шпилей, с синевшими извилистыми, засыпанными свежим снегом, трещинами и бороздами посредине.

Северные склоны ледника с бесчисленным множеством расщелин были покрыты полями спрессованного снега. Осторожно подошли к берегу неизвестной бухты, усыпанной мелкой галькой и круглыми камнями, обкатанными валами моря.

В бухте тысячи мелких льдин. Охотник-зверобой Сергей Журавлев заметил среди ледяной „каши" стадо нерп и морского зайца. Молчаливая бухта наполнилась гулом выстрелов.



Перевернувшийся айсберг

Кинооператор Новицкий бегал с аппаратом за охотником. Неожиданно раздался треск, затем мощный грохот. Обвалился „небольшой“ кусок льда весом в несколько тысяч тонн. Всплески волны выкинули стоявшую в 200 метрах нашу байдарку на берег.

— Повторить, повторить!— неистово закричал Новицкий.

У Новицкого „профессиональная болезнь“: он не может снять сразу и всегда просит повторить. Десятки пуль залпом полетели на глетчер. Ручка аппарата, в ожидании обвала, крутила уже третий десяток пленки. Шум, произведенный первым падением куска льда, и наши выстрелы растревожили ледяного великана. Рассерженный, он сбросил с себя еще одно ледяное покрывало. Плавно, точно занавес театра, и совсем бесшумно стекала громадная глыба льда в миллионы тонн весом. Вода в бухте, казалось, поднялась. Моторную лодку перевернуло на бок.

Мы наблюдали рождение громадного айсберга. Обнаженная синяя стена льда, от которого он оторвался, сверкала алмазно.

Больше повторять не стоило: мы опасались за лодку.

ОХОТА НА БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

4 августа. 2 часа ночи. Не спится. Хочется есть. Как на зло ключи от буфета на сей раз унесены поваром, который, несмотря на все усилия нарушить его безмятежный сон, отвечал на стук в каюту лишь громким храпом. Решили сами заняться кулинарией. Капитан В. И. Воронин взял на себя обязанности повара. Капитан и здесь превзошел все наши ожидания. Большим кухонным ножом он мастерски срезал тонкими ломтиками с окорока медведя жирное мясо; откуда-то появился лук. Скоро острый запах жаркого начал дразнить наш апетит. Через 20-30 минут мы уже сидели в кают-компании за скромным ужином. Медвежатина навела на разговор.

— А вдруг медведи? Кому стрелять?

— Конечно, нам, хотя очередь и не наша. Все спят,— ответил Борис Громов, доедая кровяной бифштекс.

Странное совпадение. С палубы доносится возглас:

— Медведица с медвежонком!

Мы не поверили. Это нас от бифштекса отводят. Но, вот, в кают-компанию, не обращая внимания на апетитный запах жаркого, вкатился кинооператор, схватил аппарат и выбежал на спардек.

— Закрой дверь,— зашипели мы на оператора.

И только тут он заметил, что в кают-компании кроме его кинoаппарата находились еще и живые люди.

— Медведи на льду!

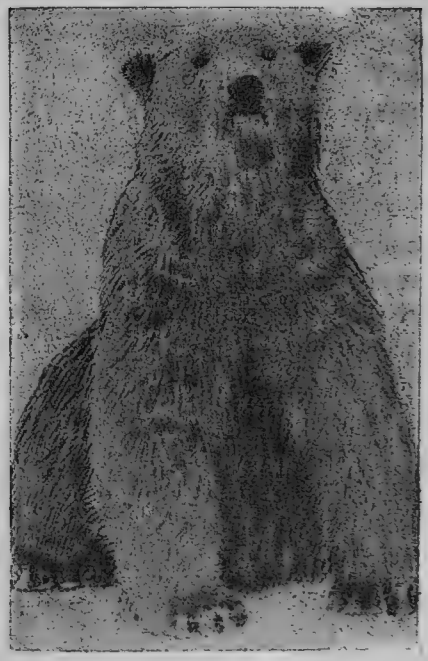
Первым взял винтовку Борис Громов и побежал на бак ледокола.

Маленький косолапый медвежонок с ужимками следовал за медведицей.

Я тут же вспомнил недавно присланную телеграмму от Московского зоопарка с просьбой доставить в Москву четырех белых медвежат „в возрасте от двух до четырех месяцев и весом не более 35 фунтов". Телеграмма на ледоколе была перефразирована и стала ходячим анекдотом. Кочегар Московский даже повесил над своей койкой объявление:

Принимаю уход за грудными медвежатами.

Кормлю собственным молоком...



Медведь на льду

Капитан Воронин на-глаз определил, что вес замеченного нами медвежонка не превышает установленной зоологическим садом нормы.

Будущая нянька — Московский выразил опасение, что медвежонок за время полярного похода ожиреет, перерастет норму:

— Куда тогда с ним деваться, кто его возьмет?..

— Медвежонка нам в Союзкино, это будет прекрасной рекламой для фильмы об Арктике,— делили мы шкуру на корне.

Мать, чувствуя опасность, вытягивала шею. Медвежонок копировал все ее движения.

Было приятно видеть на гладком ледяном поле живого „Пшенка" (как назвал его один из матросов).

Любопытство, а вместе с тем страх заметно боролись в медведице.

Ручка киноаппарата начала вращаться. Неожиданно собачий лай испугал медвежонка. Мы доходили до детского восторга, видя смешную мишкину мордочку, прячущуюся за жирную тушу матери.

Через несколько минут до медведей уже можно было докинуть палку. Раздались выстрелы. Смертельно раненая, медведица волчком завертелась на месте. Растерянный, ошеломленный испугом медвежонок сперва прижался к бортам ледокола, а затем бросился бежать прочь.

С веревками в руках и парою собак мы спустились на лед. Одна партия приблизилась к убитой медведице. При виде подошедших к матери каких-то непонятных существ медвежонок встал на задние лапы и заревел благим матом. Вместе с медвежатником „Полюсом" я бросился за медвежонком. Вторая колымская собака гнала его к нам навстречу. Вскоре мы очутились от медвежонка в пяти шагах.

Вид собак рассердил зверя.

Он бросился на них с диким ревом.

Медвежатник „Полюс" клещом вцепился ему в крутой загривок. Медвежонок взревел и бросился большими скачками в тюленью лунку и спрятался в воде. Собаки, боясь холодной воды, бегали вокруг.

На помощь прибежали Громов, Ушаков, Журавлев и другие. Со всех сторон полетели мертвые петли на шею медвежонка.

Чувствуя опасность, Мишка то и дело стал погружать голову в воду. Он, устав, стал тяжело и прерывисто дышать. Борис Громов в полуботинках влез в воду, быстро накинул лассо. Но медвежонок резким движением рванулся в сторону, и, когда веревка ослабла, он быстрым движением передней лапы ловко освободил шею от роковой петли.

Мы стали изучать характер полярного хищника и тактику его обороны. Удачней всех посчастливилось накинуть петлю Ушакову. Медвежонка вытянули из воды и спеленали в веревках.

По снежному насту мы потащили добычу к ледоколу, стоящему от нас в 100-120 метрах.

Веревки стягивались и впивались в тело медвежонка. Полупридушенный, он бросался на нас, обливаясь кровью. Полуживого, доволокли его до корабля.

Вместо корзинки, нам с палубы сбросили стальной трос паровой лебедки.

Упавший крюк перебил ключицу медвежонка.

На стальном тросе, которым обычно подымают железные балки, бочки и пр., мы стали поднимать хрупкое тело трехмесячного сосунка.

Штаб экспедиции

Вездесущий Новицкий крикнул в рупор:

— Приготовились! Начали. Снимаю.

Засопела паровая лебедка. Натянутый трос быстро потянул белого зверя наверх.

— Давай! Давай! Больше движений!— волновался оператор.

В это время Московский, опасаясь, что медвежонок ударится о перила, уцепился и повис на веревках, спускающихся с медвежонка. Кто-то из неопытных не сумел остановить лебедку в то время, когда Московский спрыгивал на лед. Трос маятником качнулся в сторону, медвежонок со всего размаха ударился о косяк рыбацкого карбаса и упал замертво рядом с освежеванным телом своей матери...

Так неудачно кончилась наша попытка добыть живого медведя.

Кинооператор, довольный киносъемкой, ударился в плясовую.

— Замечательно! Исключительный кадр! Подумайте,— миллионы людей будут смотреть на экране обвал настоящего ледника.

— Пляши, пляши, вот предъявим счет Союзкино за сотню лишних выстрелов, тогда посмотрим, как запоешь,— ехидничает Лимчер, бросая в бухту мелкие камни.

Стадо игравших до нашего прихода нерп ушло к кромке льда. Испуганный выстрелами морской заяц кинулся мелководным проливом в круглое, как блюдце, озерко. Грохот и гул обвалившегося ледника так застращали беднягу, что он втечение нескольких минут не показывал своей морды над поверхностью глубокого озера.

Зверобой Серега Журавлев хитрыми глазами блуждает по воде, высматривая добычу.

— Ага, вон он, появился!..

Заяц высунул сплюснутую редькой усатую голову, втянул в себя порцию чистого воздуха, метнулся, блеснув на солнце лоснящейся пятнистой шкурой, и снова ушел в наплаканное ледниками озеро. Сотни крачек, с длинными серыми хвостами и черными перьями на крыльях, вьются над разложенным костром и щебечут резкими голосами.

— Кир-ки-ка-ка-а-а...

Борис Громов перешиб крыло одной из птиц. Раненая крачка в смертельной агонии упала в море, недалеко от берега. Десятки подруг бросились на помощь. Они задевали ее своими крыльями, стараясь клювами ухватиться за перебитое крыло и вынести ее на сушу. Поток, вытекавший из горного озера, угонял птицу все дальше и дальше в открытое море. Я тоже имел неосторожность выстрелить по мимо пролетавшей крачке. Свинцовый дождь снес ей полчерепа. Обливаясь кровью, она камнем упала к моим ногам. Над головой моментально образовался рой раздраженных птиц. Они наскакивали на меня, клевали шапку, били крыльями, отталкивали.

Костер пылал. Длинные языки синего пламени лентами поднимались вверх, кидая желтое отражение на ледяной припай. У костра, вытянув ноги к огню, сидят участники экспедиции.

Проф. Шмидт, теребя пушистую бороду, с вклинившейся в нее серебряной полосой седины, говорил:

— Романтика Арктики гибнет. Люди, проникающие в ее просторы, роют ей могилу. Легендарность и суровость побеждаются советскими зимовщиками. Мы являемся подлинными свидетелями размаха этой работы. Северная земля, к которой держит рейс наш капитан, скоро перестанет быть белым пятном на карте. Люди, изъявившие желание пробыть на ней два года,— это сгусток человеческой отваги.

Начальник экспедиции проф. О. Ю. Шмидт

Журавлев, притаившийся за большим камнем, все ждет свою добычу. В то время, когда заяц появлялся над водой,— Сергей Журавлев приподнимался, ставил руки под челюсти и трелью свиста оглашал пустынную местность.

— Приманивает: морской зверь идет на свист. Хороший у меня промышленник будет — гордо заявил Г. А. Ушаков и направился к своему товарищу-зимовщику.

Морской заяц, прислушиваясь к „концерту", все чаще и чаще выплывал.

Раненая мною крачка приковыляла к костру. Большое полушарие мозга свесилось над ее левым глазом. Красивое оперение превратилось в отрепье. Мой приятель, комсомолец Вася Ходов, горячей головней пришиб ее до смерти.

Ушаков, поговорив со своим зверобоем, вернулся к группе.

— Заяц посмелел. Товарищи, кто хочет поохотиться,— идите. Разбейтесь на партии. Стрелять только по команде Журавлева.

К озеру, точно к осаждаемой крепости, со всех сторон подходили стрелки. Журавлев с упора нацелился и первым выстрелил по зайцу. Открылась канонада. Морской зверь, зажатый берегами озера, стал искать спасения в узком проливе. Сгоряча мы расстреляли по обойме и, когда заяц шел проливом, оставляя за собой след разрезанной воды, у нас в магазинных коробках не оказалось патронов. Мы бежали рядом с зверем, кричали, свистели, а зачем,— сами того не знали. Журавлев же бросился к устью пролива и по наносам песка пошел навстречу мчавшемуся зверю. Мель, на которую с разгона попал заяц, как вспаханая борозда, расступилась перед сильной грудью; заяц мгновенно выкинутый из воды, был прекрасной мишенью.

Две пули пчелами впились в упругое тело.

Кровь брызнула кверху. Сильное течение подхватило барахтающегося зверя и понесло в открытое море.

— Лодку! Лодку! Скорее лодку!

Журавлев, Вася Ходов и я на шлюпке по кровавому следу погнались за зверем. Истекающий кровью, он последний раз показался над водой.

— Убит. Гоните, иначе опустится на дно, тогда амба,— горячился зверобой.

От сильных ударов весел шлюпка прошла мимо.

— Красные пятна позади...

— Не мешкать, назад!— закричал Журавлев.

На легкой зыби кровяное сало в лучах падающего солнца переливалось перламутром. С весел потекла кровяная вода.

— Здесь ищите...

Зазубренный багор нащупал скользкое тело, лодка покачнулась.

— Тише, черти,— выругался Сергей.

Я соскочил на обкатанные морскими прибоями камни, ногой нашарил зайца, нагнулся, схватил его за ласты и приподнял к лодке.

Сергей Журавлев быстрым движением располосовал рану ниже челюсти, продетую веревку затянул в мертвый узел.

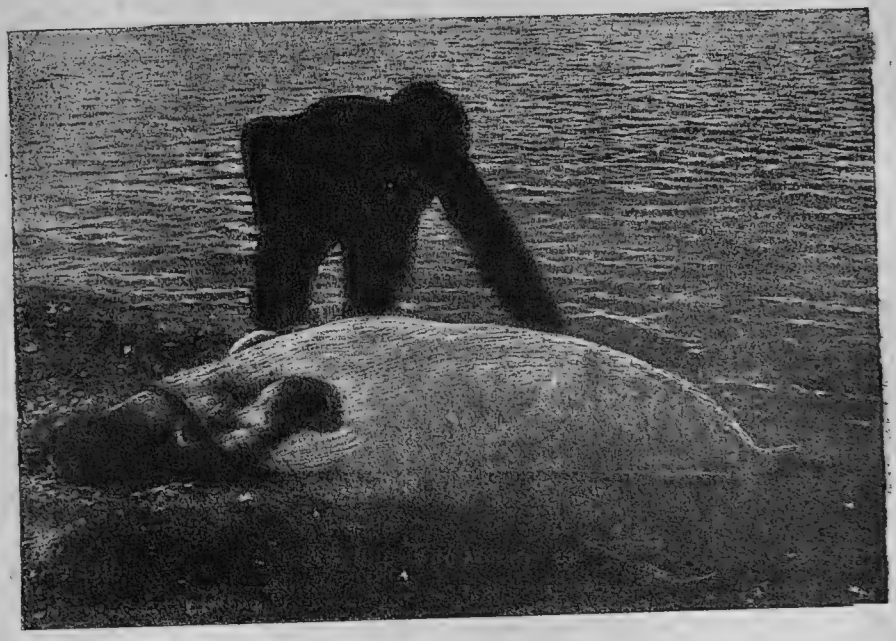
— Назад...

Морской заяц на буксире был доставлен на берег к наблюдавшим за нами членам экспедиции.

Издалека Шмидт шутил:

— Шашлык жарить будем. Шаш-лычок...

Замешкавшийся кинооператор Новицкий упустил момент съемки. Шлюпка подошла. Зайца уже вытащили на берег.



Морской заяц весом около 480 килограммов

— Товарищи! Повторите! Нельзя так! Вы должны согласовывать со мной работу.

Пришлось повторить, вернее инсценировать момент прихода шлюпки.

Убитый зверь оказался длиной в 255 сантиметров, а весом около 480 килограммов. Такие крупные экземпляры очень редко приходилось видеть даже новоземельскому зверобою — Журавлеву.

Шмидт нарезал мелкими кусками мясо зайца и на шомполе, под смех всей группы, стал приготовлять шашлык.

Без соли, жареное мясо было приторно, пахло рыбой. Шмидт ел и прихваливал;

— Вкусно. Попробуйте...

Моря Баренца, Белое и Карское богаты морским зверем. Наши ледоколы за время убоя его на ледяных полях оставляют десятки тысяч тонн этого мяса. Наука еще почти совсем не занималась вопросом, — можно ли консервировать и употреблять в пищу мясо морских зверей.

Шмидт приказал забрать убитого нами зайца и отправить его с ожидаемым „Сибиряковым" в гор. Архангельск для опытов в лаборатории.

Василий Ходов подошел ко мне и тихо сказал:

— Айда на байдарке к ледоколу. Лодка перегружена.

Маленькая резиновая байдарка была спущена на воду.

— Ребята, осторожнее обходите льды. Слышите, осторожнее,— с отцовской заботливостью напутствовал нас Шмидт.

Солнце играло фиолетовым пламенем на хрустале льдин. Обходя нанесенную гряду искрошенного льда, мы зашли за купоросные пловучие горы.

На малюсенькой байдарке среди лабиринта стамух и подводных рифов мы казались лилипутами, рискнувшими проникнуть в замок великана, вход в который сторожили седые изваяния мощных глетчеров и фарфоровые скалы известняка. Ледяная запруда двигалась на байдарку.

— Вася, на весла! Нас прижимает, я буду отталкивать лед.

Медленно обходили мы места, опасные для нашей галоши.

Тюлени почетной стражей плыли за нами следом, некоторые из них подплывали так близко, что мы могли различать черноту их глаз и шевелящиеся усы.

Остров Богатый, заставленный поморскими крестами, черствой глыбой выступил впереди. Около него семейство айсбергов, застопоренных на мели, стоит в молчании. Синь. Голубизна. Странное желание появилось у нас вместе:

— Пробьем дыру в айсберге.

Пять пуль полетели в синее крыло горы.

Веером расширились трещины. В просветах солнце зажгло зеленый огонек.

Синь. Голубизна. Зеленое пламя. Над головой, курлыкая, пролетел полярный попугай-топорик. Острый, овальный клюв с красными бахромками у подбородка, как индейский топор, сверкнул и пропал за ледяной горой.

С моря в Русскую гавань, вытягивая мокрые щупальцы, медленно плыл туман.

— Вася, налегай...

Байдарка, чуть касаясь воды, понеслась к острову. Налег туман, затем снег. Перед носом шлюпки вдруг выросла огромная льдина.

Только случайность спасла нашу байдарку.

Потянул свежий ветерок.

— Нас несет в море. Назад! Назад!

Целый час мы блуждали, не зная, куда держать курс. Неожиданно выступили контуры ледокола.

— Байдарка пришла. Трап дай-те!

Легко взбегаем в капитанскую каюту.

— Владимир Иванович! Прикажите гудки. Сзади шлюпка блуждает.

Штурман Хлебников рванул шнур, с шипением вырвался вой пара, а за ним свист.

— Загудел старик! — бросил на ходу Московский и подошел к нам.

— Ну, как там на берегу? Зайца убили, ну?

Воронин в непрекращающемся ни на минуту журнале отметил:

▫ ...19 ч. 30 м. пришла байдарка с тт. Мухановым и Ходовым. Насел туман. Даем гудки. Ожидаем шлюпку т. Шмидта и лодку профессора Визе, ушедшего с утра с писателем Соколовым-Микитовым на Верблюжий остров... ▫

Предупреждение помогло: шлюпка Шмидта и лодка Визе тоже отклонились от курса и выходили в море. Гудки помогли исправить курс. Обе группы почти одновременно пришвартовались к бортам.

Кочегар Московский закопошился у паровой лебедки.

— Заячьи усы — мои, у меня в музее прорыв, нехватает полной коллекции.

Поднятого на палубу морского зайца рассматривало все население ледокола. Собаки расположились кольцом в ожидании лакомых потрохов.

— Шлюпка проф. Визе пришла,—донесся голос вахтенного штурмана.

Писателю Соколову-Микитову во время обхода берега, заваленного плавником, посчастливилось найти среди выкинутой добычи волн грушевидный пробковый буек, оплетенный стальной сеткой, на медной крышке которого ясно выделялись вдавленные буквы:

Baldwin Ziegler Expedition. 1901. 164...

В кают-компании собрались все. Проф. Визе отвинтил крышку, и мы увидели длинную, тонкую медную трубку, в которой находились два полуистлевших листа, отпечатанных на пишущей машинке, на английском и норвежском языках. С большим трудом удалось прочесть следующие строки:

...—80°—21′—Норд 56°—40′—Ост.

Лагерь Циглера. Земля Франца-Иосифа.
Полярная экспедиция Болдуина.
Двадцать третьего июня 1902 г.

Ближайшему американскому консулу. Срочно требуется доставка угля. Яхта „Америка" в открытой воде пролива Абердар с 8|VI. Работа этого года успешна. Нами заброшен на санях втечение марта, апреля и мая на Землю кронпринца Рудольфа огромный запас продовольствия. Собрана коллекция для национального музея. Обеспечен отчет, зарисовки хижины Нансена, имеются прекрасные фотографии и живые картины. Осталось 5 пони и 150 ездовых собак. Нуждаемся срочно в доставке сена, рыбы и 30 саней. Должен вернуться в начале августа, не добившись успеха, но и не побежденный. Все здоровы.

Буй № 164.

В конце записки синим карандашом стояла собственноручная подпись начальника экспедиции Болдуина, а в углу, слова „торопитесь с углем" были подчеркнуты двумя жирными чертами.

Буй, пущенный с посещенного „Седовым" острова Альджера, вероятно на воздушном шаре, упал в океан и морскими течениями занесен к западным берегам Новой Земли. Записка американского исследователя странствовала 28 лет. Это был один из двухсот буйков, пущенных Болдуином в разное время.

Пускание буйков и бросание бутылок в море с кораблей, терпящих крушения или бедствие, отошли в область предания. На смену этого наивного дедовского способа сообщения с людьми пришло радио.

Пароход, оборудованный радиостанцией, за несколько сот километров может вызвать себе на помощь проходящие недалеко суда. Не одну тысячу человеческих жизней спасло радио. Теперь последними покидающими корабль остаются капитан и радиотелеграфист, выбивающий на своем ключе сигнал о помощи, состоящий из трех букв

SOS, SOS (· · · — — — · · ·).

Море — колыбель радио. Суша, цепляющаяся за проволочный телеграф, первое время долго не признавала своего конкурента.

Радио на море нашло себе жизнь. Отрезанные с уходом из порта моряки-исследователи стали иметь возможность слышать, что делается кругом, ежедневно сообщаться с родными, знакомыми, слышать их голоса и даже видеть говорящего.

На ледоколе „Седов" радистам Гершевичу, Ходову и др. оказывается всеобщее внимание.

Вот сейчас только что прибежал начальник радиостанции Гершевич. В его руках носовым платком зажат телеграфный бланк.

— Товарищ Шмидт, телеграмма с „Сибирякова"!

— Товарищи! Приход „Сибирякова" задерживается на несколько дней из-за сплошных туманов. Завтра, под командой старшего штурмана — плотники, столяры и желающие матросы должны отправиться на остров Богатый, поставить там опознавательный знак, а под моим руководством, — заканчивая, говорил начальник экспедиции, — пойдет небольшая группа для топографической съемки ледника Шокальского.

Весь вечер проф. Шмидт не называл имен участников пешей партии и только после ужина в присутствии всех объявил:

— Завтра утром со мной отправятся: секретарь экспедиции тов. Муханов, инженер-строитель тов. Илляшевич и корреспондент „Известий" тов. Громов; надеюсь, у присутствующих не будет возражений.

Мы от радости были вне себя.

Ночью стучали машинки корреспондентов. Борис Громов передал в Москву в газету „Известия" телеграмму:

> ▫ ...Завтра на рассвете Шмидт, Муханов, инженер Илляшевич и ваш корреспондент в целях производства маршрутной съемки отправятся в большую двухдневную экскурсию с ночевками вглубь Новой Земли с восхождением на наиболее выдающиеся над окружающей местностью обрывистые вершины. По пути придется преодолеть ряд горных хребтов, переходить глетчеры и ледниковые долины. Наша цель — достигнуть водораздела вершины горного хребта и увидеть противоположный берег Новой Земли и Карское море, произвести на пути маршрутную и топографическую съемки.
>
> С собою забираем легкую походную парусиновую палатку, односпальный мешок, малицу, спиртовку, консервы, галеты. Маршрут пройдет по местности, впервые посещаемой человеком... ▫

В ГЛУБЬ НОВОЙ ЗЕМЛИ

Утром при ветренной, но солнечной погоде двое вахтенных матросов доставили нас на берег.

Крутой подъем был первой репетицией к трудным восхождениям на вершину ледника. По выветренным долинам струйками бегут к морю весенние ручейки. Под ногами высохший мох потрескивает, как в лесу валежник.

Первый отдых делаем у зазубренной стены морены. Море и ледокол скрылись за обрывами скал. Впереди широким полем раскинулась алмазно сверкающая поверхность ледника.

Проф. Шмидт, постукивая острым концом ледоруба по глетчеру, идет разведчиком.

— Осторожнее, здесь яма, засыпанная снегом.

Обходим яму, следим за всеми указаниями начальника экспедиции. На пути все чаще встречаются глубокие гроты, прорытые горными потоками. Нависшие глыбы льда закрывают вход в бездну трещин. Идем по куполам снежных холмов к едва виднеющейся горной цепи — водоразделу Новой Земли. А в южной стороне — вершины скал. Пересекаем первую ледяную долину и небольшую речонку, чуть прикрытую корой летнего льда.

Как странно. Здесь в поднебесье мы увидели и следы оленя и его помет. Еще страннее другая находка. Среди желтых, как лимонные корки, камней я обнаружил небольшой кусок окаменевшего дерева. Откуда он? Как попал на ледяной холм?

Попытка взобраться на одну из гор, вросшую в ледник, не удалась. Камни летели вниз, грозя сшибить нас.

Спускались сумерки. Бледнолицая луна в холодной стуже неба висит замороженным яблоком. Лиловые разливы молока падают сквозь серые тучи небольшими озерами на горбатую спину глетчера и растекаются половодьем.

Ветер бьет в лицо. Мелкий подтаявший лед, шурша, бежит по горбу ледника, похожего на развалины давно покинутого белого города с вымершими улицами — трещинами. Круглые, обточенные ветром льдины кажутся мне голубыми шапками мечетей.

Держимся все вместе. Перепрыгивать широкие трещины в одиночку рискованно. Зернистые льдинки скользят под ногами. С высокого холма открылся вид на океан. Видим под черными тучами плавучие ледяные горы у Чайкиной гавани. Ветер с моря. Быть буре.

Шмидт предлагает отдохнуть:

— Надо подкормиться.

Мы удивились...

— Есть? Ведь мы утром хорошо заправились: порция была девять яиц. Да разве этого мало?

— Голубчики, да этак вы и меня съедите. В какую же я попал компанию? Утром я съел только пару яиц,— оправдывался Шмидт.

С каждым шагом панорама становится красивее и красивее. Слева открылся вид на большое, вытянутое в восклицательный знак, озеро, расположенное в котловине между гор.

Легкие вбирают чистый, холодный воздух ледниковых полей. У каждого мысль: „Скорей бы отдых".

Новые сапоги трут ноги, пальцы стынут от сырости. Но мы идем.

Шмидт рассказывает молодому инженеру-строителю почти всех северных станций, Илляшевичу, о своем восхождении на альпийские пики.

— Ходить по ледникам надо со смекалкой...

Небольшая занесенная снегом трещина на озере. Отто-Юльевич прекратил рассказ, сильно ударил острым концом эйспигеля в ледяную корку.

— Выдержит мост?

— Посмотрим...

Не успел он переставить ногу, как лед у берегов раскололся и вместе с Шмидтом ушел под воду. От неожиданности мы растерялись. Отто Юльевич поплыл, барахтаясь. Ледяная вода парализовала его движения. Шмидт оттолкнулся ногами от крутизны и на спине направился обратно. Бросаем веревку, крепкие руки пловца сжали шолковый канат. Напрягаем усилия, ноги скользят к обрыву. Я бросаюсь на лед, подползаю к трещине, цепляюсь за ремни рюкзака; Борис Громов, придерживающий мои ноги, потащил наверх меня, а я — Шмидта. Образовался, так сказать, ледяной конвейер. У мокрого, продрогшего Шмидта зубы выстукивают телеграфную азбуку. Кожаная тужурка покрылась налетом льда. Мешкать нельзя. Скорей к моренам — разбивать палатку, менять белье. Под руки подхватили начальника и вскачь понеслись к моренам. На высоте 500 метров был раскинут походный шатер.

Ледяной ветер мчался с гор. Трепал палатку. Мокрое белье прилипало, студило тело.

Борис Громов и Илляшевич, точно заправские прачки, выжимают белье. Я кипячу чай. О. Ю. Шмидт с головой залез в пуховый спальный мешок. Шолковая веревка паутиной обкрутила палатку. Белье сушится на воздухе.

Шмидт высунул бородатую голову.

— Ба, тут никак открылось северное отделение китайской прачечной, — смеясь, сказал он и снова нырнул в теплоту мешка.

Односпальная палатка с трудом вмещает четверых, согнутых в три погибели.

— В тесноте — не в обиде. Как-нибудь. Громыч, сядь-ка на меня, я согреюсь, — предлагает Шмидт корреспонденту.

Надвигалась ночь.

Лучи заката падают на бивуак.

Шмидт, натягивая на себя ледяное белье, отбрасывает длинную сутулую тень.

— В путь! Надо к завтрашнему дню добраться до водораздела...

Мы были удивлены решением начальника экспедиции — без отдыха, в невысохшем белье продолжать топографическую съемку.

Стало темнеть. Спустились сумерки...

Шмидт приказал всем связаться веревкой и итти за ним гуськом на расстоянии 5 метров друг от друга. Так — увереннее, смелее: в случае, если кто попадет в трещину, остальные сумеют вытащить его.

Проходим ущелье.

Снега на его склонах длинными языками свисают над нами. На вершине крутит ветер, течет низовая шуршащая поземка. Километры стали длинней.

Усталость тяжелым грузом влезла в заплечные мешки. После шестнадцати часов лазания по долинам, горам, ледникам организм требовал отдыха и сна.

До водораздела далеко.

Отто Юльевич предложил добраться до виднеющейся кромки и там раскинуть палатку.

Частые, глубокие трещины заставили отказаться от попытки в сумерках дойти до водораздела. Ветер отовсюду. Как быть? Где раскинуть палатку? Где посидеть, защищаясь от норд-оста, а может быть немного поспать, набрать сил для завтрашнего большого перехода до главного хребта, откуда открывается вид на Карское и Баренцово моря.

На голом месте палатку не разобьешь. Колья не выдержат натиска ветра, доходящего до 8-10 баллов. Спускаемся по южному склону к мелким моренам. Среди большого обилия мерзлых камней, могущих служить для укрепления оттяжек, раскинуть палатку невозможно: ветер. Спустились еще ниже. На рыхлом, мягком снегу палатка радостно приняла нас под свой брезентовый навес.

Вспыхнула синим пламенем карманная спиртовка. Растаявший снег закипел: по северному общежитию поплыл аромат горячего чая. Клонит ко сну. Беседа о сновидениях и теории Фрейда не клеится.

Устали... Хочется спать, но спать вчетвером в односпальной палатке можно только сидя на корточках.

— Товарищи! Предлагаю устроиться следующим образом. Ко мне в односпальный мешок впихнете Муханова, а сами залезайте в малицу,— предлагает Шмидт.

— Принято единогласно!

Отто Юльевич снял кожаную куртку и забрался в мешок. Места осталось мало. С большим трудом один из мешка, а двое извне впихивали мою тушу в спальный мешок. Повернуться невозможно. Тесно. Душно. Зато тепло! Спать! Мы обнялись и заснули.

Под спальным мешком оттаявший снег превратился в лужи. Сырость проникла сквозь вещи. Тело горит от студеной воды. Просыпаемся сразу...

— Ну, как поспали?— первым заговорил Шмидт.

— Немного холодно, сыровато,— ответил Громов, освобождаясь от мокрой малицы.

— В путь!— решительно перебил начальник.— На сегодня завхозом и поваром назначаю Илляшевича.

— Отто Юльевич, повар встает первым,— разнеженным голосом ответил Громов и перевернулся на другой бок...

Энергичный Илляшевич не заставил себя ждать. Зашипела спиртовка. Закипел чай. Раскрылись консервные банки.

— Пожалуйста к столу, завтрак подан...

Выпили чаю, закусили. Выглянули за полог палатки. С закрытого туманом неба шла мелкая пороша. Выпавший за ночь снег мягкой ватой устлал окрестность.

— В путь! К вечеру должны вернуться на ледокол.

— Отто Юльевич, запасов продовольствия осталось только на одну шамовку,— заметил повар и заботливо спрятал остатки скудного завтрака в мешок.

Разобрали палатку, обвязались веревкой. Снова в снежных просторах. Все бело, куда итти?

Ветер бьет в затылок.

Начальник экспедиции отклоняется от курса, он забирает с каждым шагом влево и влево.

— Отто Юльевич, правее, сбиваетесь...

— Пра-вее!— хором кричали задние.

Ветер несет слова мимо ушей, плотно завешенных теплой шапкой. Кричим назойливее:

— Правее!..

Отто Юльевич остановился:

— Слышу. Я же иду правее.

Но Шмидт снова стал блуждать, забирая влево. Итти трудно. Мы попали на откос скользкого глетчера.

Несколько раз менялись передовые, и все мы одинаково теряли правильное направление.

Совещание решило переждать погоду, отдохнуть. Целые сутки бушевала метель. Палатка покрылась броней льда. Продовольствие иссякло. Спиртовка бездействует. Жажду утоляем снегом. Стужа привольно гуляет по палатке и по четырем скорченным человеческим фигурам. Пурга засвистела, зашурганила, заплясала свадебным хороводом возле крохотного шатра...

— Товарищи, остались одни черствые галеты. Экономьте их. Буран может продержаться неделю...

— Неделю — это пустяк. Вот сапоги проклятые жмут, с ними пропадешь, ноги издрогли.

Борис Громов стянул с меня тесную обувь и синие пальцы моих ног зажал теплыми руками.

— Три снегом, видишь — коченеет,— забеспокоился Шмидт, массируя мою правую ногу.

Пурга. Ветер свистит. Снег барабанит по крыше палатки. Отогретые ноги отдыхают в меховых варежках.

Тепло.

А за палаткой буран.

Скупая на радость приходит ночь, и утро не приносит перемены. За пологом палатки снег обильно застилает обширную территорию ледника голубым хлопком. Ветер мечется недостреленным зверем. Выходить за пределы брезентовой избушки не разрешает Шмидт.

— Ветер залепит глаза. Снесет в обрыв. Переждем...

Ждем...

Туман. Снег. Поземка. Вьюга. Метель. Пурга. Ураган. Шторм. Буран. Буря. Сменяют друг друга. Проходят день, вечер. Третья по счету наползает темная ночь. Шмидт не спит; он то и дело закрывает мне лицо теплым шарфом, заботливо подкладывает под мешок кожаные сапоги, спасает от сырости. Укутывает моих соседей своей одеждой.

— Отто Юльевич, почему не спите?

— Подагра проклятая. Спину ломает.

Шмидт при последних словах выглянул за полог палатки и закричал:

— Прояснило! В путь, живо!

Вскакивают сонные ребята. От их неосторожности ослабились оттяжки, палатка, оседая, придавливает копошащихся в ней заспанных людей.

— Не вылезать! Одеваться так!

Связанные в движениях, обуваемся по очереди, одеваемся в кожаные куртки. С моими сапогами скандал. Застывшие, они не лезут на теплый чулок. Но медлить нельзя, натягиваю их на босые ноги,— только бы не отстать от своих. Прояснило, значит надо пользоваться случаем. Скатали монатки, оглянулись.

— Ба, да мы взобрались на вершину мощного ледника Шокальского.

— Смотрите, сколько здесь трещин.

— Ветер мог сдуть нас в обрыв.

Недалеко от нашей палатки — широкое бездонное ущелье.

— Перевязывайтесь лучше. Дорога будет опасна,— обходя каждого, говорит Шмидт, просматривая мертвые узлы, стянутые вокруг пояса.

Вы, читатель, никогда, вероятно, не ходили по пустынному леднику в морозную, звездную ночь, в скованной льдом одежде при порывистом ветре. Верно, никогда?— Тогда слушайте. Путь трудный, тяжелый. Липкий снег илом прилипает к ногам. Кожа сапогов пухнет губкой. Ноги хлюпают в воде, просочившейся сквозь подошву. Красот ледника при солнечной погоде вы ночью не замечаете,— ледники притаившимися чудовищами стерегут вашу неосторожность на каждом шагу. Чуть замешкались, не рассчитали,— и вы летите в бездну трещины, у вас происходит вывих руки,— это в лучшем случае, а иногда вы остаетесь законсервированным в ледяной банке.

С опытным альпинистом мы смело берем преграды, перескакиваем трещины, зорко смотрим друг за другом: коллектив прежде всего. Мы почти бежим на едва мерцающий черный выступ скалы, с которого плыли новые потоки тумана.

— Скорей,скорей,— торопит Шмидт, прибавляя шагу.

Откуда-то налетел ветер, поднял поземку, закружил ее спиралью.

...За густыми тучами
Заплутались звезды
В хаосе распахнутой
Снежной зги.
Коченеют ноги
Стынут пальцы,
Воздух
Кашлем душит глотку.
Тень,
Шаги...

Разреженный воздух обманул нас. Чернеющая скала оказалась далеко за двумя перевалами ледников и одной долиной.

Лабиринт трещин колючей проволокой окружил блуждающую разведку.

Пробуем пересечь перевал, пройти к скале, норд-ост мчится по долине.

...Ветер не пускает,
Рвет назад...

Снова вчетвером на леднике. Рассветает. Звезды, накинув белую чадру, улетели в высь и исчезли...

— На ледокол! — решил Шмидт.

Туман изменил приказание начальника. На секунду где-нибудь пробивалось окошко, мы кидались туда, а туман сейчас же вставлял серое полотно.

— Подлец,— смачно выругался Борис Громов.

12 часов блуждаем по ледникам. Горизонт закрыт, десятками минут не видим друг друга. Дергается веревка, трещина поочередно принимает нас в ледяные объятия, то и дело вытаскиваем товарища, облитого снежным потоком.

— Провалился?

— Да, нечаянно оступился.

— Осторожнее, скоро отдых,— утешал Шмидт, рассматривая компасную стрелку,— мы вышли на норд. Теперь идем на зюйд-вест. Направлением сюда,— айспигель ткнул острым пальцем наконечника в туман.

. . . . .

— Отто Юльевич, следы! За нами выслана спасательная партия.

Шмидт присел на колени.

— Покажите ваши ноги, Громыч. Ну-ка, поставь свою лапу сюда. Ну, так я и знал! Заблудились! Это наши следы. Мы ходим кругом...

— Что делать?

— Ждать. В таких случаях Нансен говорил: „терпение есть величайшая полярная добродетель".

Ледниковое ложе четвертую ночь бесплатно предоставляло нам ночлег.

Мгла. Серым валуном маячит палатка. В ней люди придушенными простудой голосами перекидываются:

— Закурить бы! Хоть одну бы затяжечку! — Это сетует Громов.

Табаку нет. Выручает Шмидт. Про черный день в жестяной коробке у него было спрятано несколько хороших папирос.

— Ночью закурить не плохо. По одной — с удовольствием.

Шмидт осторожно, боясь растерять папиросы, открыл коробку. Три руки быстро протянулись к ней.

— Чур, условие: только по одной. Остальные завтра.

Дымом наполнилась наша юрта. От глубоких затяжек радостная улыбка пробежала по лицам.

Проголодавшийся Илляшевич роется в вещевом мешке.

— Хоть бы крошку хлеба. Живот стянуло.

— Терпеть надо. Три дня на голодном пайке — срок небольшой. Слышишь, как завывает пурга? Если она продержится еще неделю, тогда запоем вместе, а пока отдыхай,— докуривая до мундштука сигаретку, говорил Борис Громов, одновременно ползая на четвереньках в поисках свободного места для ночлега.

Спать четвертую ночь на ледяном полу было ужасно.

Вчера у сонного Шмидта вмерзла в лед борода. У Илляшевича проснулся пойманный им в болотистых низинах Ленинграда ревматизм. Громов простудился, закашлял.

Табак кружит голову. Медленно текут воспоминания. Отто Юльевич приподнялся из спального мешка, сдавив мне грудную клетку, и почти робко толкнул Громова.

— Борис, а ведь на ледоколе тревога. Сколько времени блуждаем.

Громов, откинув правую ногу, черными ресницами занавесил глаза, спал.

— Умаялся. Устал...

— Тревога, говорю, на ледоколе...

— Да,— нехотя отозвался из тесного угла Илляшевич, продолжая обертывать кожаные сапоги длинным шарфом.

Стучит пурга по тонкой материи палатки. Хрустит снег. Словно кто-то большой бродит возле нее. Гудит ветер. Дремота. Тяжелый сон. Мне снится, что высовывая голову из палатки, вижу, как огромный белый медведь, подхваченный норд-остом, летит в трещину. Из глубины доносится сиплый рев. Шатнулась палатка. Вырванные оттяжки испуганно метнулись в сторону. Походный шатер сетью запутал нас под брезентовую крышу. Серый домик, гонимый ветром, покатился к ледяному ущелью. Стремительно падаем в раскрытый рот бездонной пропасти. Налету ударяемся о выступы ледяной горы. Застреваем на изгибах ущелья, барахтаемся, давим друг друга и снова летим, летим снова в ледяной склеп. Горло ледника сузилось.

— Ох, душно!

Просыпаюсь. Нога Илляшевича нахально развалилась на моей шее. Давит. Я задыхаюсь от тесноты, размахиваю руками.

— Что с тобой? Жар? — Шмидт прислонил руку к моему вспотевшему лицу.— Да, температура... Простыл, видно?

— Затемпературишь! Летел, думал и конца-края нет, дух захватывало.

— Куда летел? Что ты несешь? — уставился на меня встревоженный Илляшевич.

— Да это я так... Сон видел.

— Соннику простительно,— заметил Борис Громов и потянулся к папиросной коробке.— Натощак перед завтраком затянуться ух как здорово...

— Завтрак-то третий день по задворкам бегает,— заметил наш повар, разматывая с сапогов теплый шарф.

До 10 утра сидели в палатке, проверяя топографическую запись, произведенную за первые сутки.

Днем пурга утихла. Ветер свернул с большака ледяной пустыни и закрутил метелью у подножья известковых гор.

Теперь каждый горел одним желанием: „скорей бы вырваться из ледяного плена, добраться до земли, до песчаных долин".

Кожаные куртки, покрытые за ночь гололедицей, стали оттаивать. В палатке сырость. Морозная стужа на воздухе неприятно действовала на голодный ноющий желудок.

Свернув палатку, мы некоторое время стояли в нерешимости — куда же итти?

Ледник, расколовшийся на тысячу продольных и поперечных трещин, замкнул нас, словно загнанных зверей, в западню.

Шмидт отошел немного в сторону и долгое время пристально всматривался в очертания горизонта.

— Идемте. Мешкать не позволено. Каждый сантиметр будем брать с боя.

Из-под ног побежали снегопады.

Десятки, сотни, тысячи раз приходилось перескакивать через трещины, канавы, пропасти.

Илляшевичу не везло. Скользкие обмерзшие подошвы подводили его, он то и дело попадал в трещину, повисая на веревке, и кричал однотонно, безразлично:

— Тащите, опять угробился...

Тащили и шли. К вечеру, измученные, разостлали для отдыха палатку. Шмидт уже сел на лед, расправил ноги, снял рюкзак, и вдруг, недалеко, точно мираж, перед нами из тумана выступила зубчатая стена гор, самых настоящих, каменных.

Бежим, что есть духу, боясь потерять из вида эту желанную цель.

— Стой! — закричал Шмидт. Остановился сам и задержал бегущих впереди.

— Мы на восточном берегу Новой Земли.

Илляшевич приседает от испуга.

— Как на восточном? Значит голодная смерть. Нас не найдут. Ледник не сохранил наших следов.

Шмидт, окончив внимательный осмотр местности и нашей растерянной группы, усмехнулся и радостно заметил:

— Вон там направо в котловине гор озеро, а там левее — скала, где мы в первый день сушили белье.

— Правильно, ходу! — бросил Борис Громов и, увлекая нас, ритмическим шагом физкультурника побежал вожаком.

— Земля!

Без отдыха карабкаемся мы на скалу, сокращаем путь через трещины и, наконец, спускаемся в защищенную долину, срываем цветы.

Мечтательный Илляшевич набирает целый букет голубых незабудок и жадно пьет их аромат.

Мы прикалываем к петличке желтый полярный мак и улыбаемся во весь рот.

— Отто Юльевич! Верблюжья гора.

Знакомыми, почти родными казались встречные скалы, долины, бухты, острова.

Остров Богатый, израненный поморскими крестами и кладбищем русских поморов, поднял на высоком выступе скалы опознавательный знак, водруженный за наше отсутствие матросами и архангельскими плотниками.

Мачты „Седова" вызвали крики радости. В Русской гавани маленькой точкой виден мерно покачивающийся на якорях ледокол.

— Дошли... Спасены...

— И не только спасены, а сохранили запись топографической съемки местности, где кроме нас не ступала нога человека.

Мы видим белое облачко пара, взлетевшее над трубой ледокола. Вслед за ним слышим слабый гудок.

— Заметили. Хорошо бы перекусить горяченького,— нахохлившись петушком, бросил Илляшевич.

Когда подошли к берегу, шлюпка уже ожидала нас. Матросы рассказали о тревоге за судьбу нашей партии.

— Проф. Самойлович приказал снарядить поисковую партию. Завтра утром она должна была выйти на ваши розыски,— крутя „козью ножку", тарабанил Московский. — Махорочка крепкая, кто хочет — вертите. Небось, без табачку-то трудно было?

С борта ледокола гроздьями свесились головы:

— Вернулись...

— Смотрите, какие бледные.

Мы бодро шагаем по парадному трапу, но ноги трясутся, выдают. Устали,— зачем скрывать. Глаза бегут по краснощеким лицам матросов.

— Вы за наш поход поправились,— шутит тов. Шмидт.

Кто-то принес маленькое зеркальце.

Из его овала уставились на нас чужие, осунувшиеся лица с выпирающими скулами.

Сытный, двойной обед окончательно обессилил нас.

Эту ночь мы заснули спокойно в натопленной каюте, на чистых простынях и под шерстяным одеялом.

ПРИХОД «СИБИРЯКОВА»

Утром 8 августа. Получено радио от „Сибирякова". Капитан его, из-за подводных камней, не решается подойти к берегам Новой Земли. Он просит давать протяжные гудки для ориентировки входа в Русскую гавань. По сигналам сирены ледокол „Сибиряков", перегруженный кардифским углем, к вечеру важно вошел в защищенную гавань. Палубная команда матросов перенесла парадный трап с левого борта на правый.

— Боцман, к лебедке! Принимай трос! — закричал в рупор капитан Воронин.

— При-ча-ли-вай,— донеслось с „Сибирякова".

Спущенные с нашего ледокола сосновые бревна смягчили удары бортов двух ледокольных броненосцев.

С палубы корабля прыгнули к нам архангельские комсомольцы.

— Товарищ Шмидт, крайком партии прислал газеты.

Раскрылись полотна страниц. Газеты, журналы мигом растащены по углам; каждому хочется поскорее узнать, что делается на Большой Земле. Любопытные собаки, перескочив через борт, понеслись к камбузу „Сибирякова".

Мой любимый Волчок не рассчитал расстояния, прыгнул и упал в узкое ущелье между ледоколами.

— Собака за бортом!..

Сергей Журавлев бросился на помощь, он осторожно спустился на канатах к воде, сильными пальцами ухватился за шерсть утопавшей собаки и вытащил ее наверх.

— Охота за псом лазить,— говорит кто-то с „Сибирякова".

— Каждая собака на учете,— отряхивая с руки мокрую шерсть, процедил сквозь зубы зверобой Журавлев.

Капитан Воронин, закончив обмен любезностями с прибывшим коллегой, отдал распоряжение:

— В два дня перегрузить уголь!

Матросы подхватили, вызвали кочегаров на соцсоревнование. Зашипела лебедка, заскрипели стальные канаты. Зашумели корзины наполненные сверкающим, как алмаз, кардифом. „Седов", подобно проголодавшемуся чудовищу, с жадностью набивал пустое чрево глубокого трюма. Топлива для второго похода нужно взять как можно больше.

...Товарищи,
Слышите?
Цифры поют:
К грядущим победам
Стройся!
Стая большевистский
Свободный труд
Делом
Доблести и геройства ..

— Первая вахта погрузила:
— 170 корзин.
Вторая: — 180.
Третья: — 200.
Первая: — 244.

Каждые четыре часа доска соревнования отмечала подъем. К началу вторых суток кардиф был втиснут в угольные ямы ледокола.

Полдня отдыхали матросы. Вахтенные убирали корабль, стирали пыль, мыли палубу. К вечеру, перед заходом солнца, тучи овцами разбежались по синему небу. Серое море отливало багрянцем заката. Тихими всплесками бились волны о подводные рифы Верблюжьей горы.

Наступал час разлуки. Старые зимовщики с Земли Франца-Иосифа с чемоданами в руках переходили на „Сибирякова".

Год назад они шли в такой же неизвестный поход, как ныне мы. Теперь они — зрители. Долго они стояли, облокотившись на поручни, слушали в последний раз ворчливую команду любимого капитана...

— Боцман! Отдать швартовы!
— Есть...
— Малый вперед.
— Есть...

С опущенным якорем тихо проходим мимо подводных рифов, мимо Верблюжьей горы в море Баренца.

Русская гавань, вдавленная вглубь острова Новой Земли, постепенно сливается с берегом.

Капитан, накинув на теплую куртку желтое прорезиненное пальто, взбежал на верхний мостик.

На юте „Седова“ матросы машут платками, фуражками и флагами. „Сибиряков“ первые часы идет в кильватер. С носа видны размахивающие руками наши друзья — зимовщики. Я долго наблюдаю за двумя высокими, стройными фигурами — радиста Кренкеля и геофизика Шашковского. Они забрались на ванты и смотрят на нас в бинокли.

Перед тем, как сменить курс, „Сибиряков“ мягким баритоном своей сирены ответил на последние тяжелые гудки старого ветерана ледовых боев „Георгия Седова“. По серым волнам полярного моря еще долго неслись замирающие выкрики с исчезающего вдали корабля:

— „Седовцам“ успеха!..

С уходом „Сибирякова“ порвалась последняя связь с землей. Мы остались одни, закованные в железный корпус пловучей крепости. Далек и неизведан лежит путь к Северной Земле, через неизмеримые ледяные пространства Карского моря...

— Смотреть вперед! — командует капитан.

— Есть, смотреть вперед, товарищ капитан.

Западный берег Новой Земли с горбами холмов скрылся за горизонтом.

Полуночное солнце, озарив розовым светом ползущие глетчеры, упало в море золотым шаром. Мелкие льдинки стали похожи на стаи голубых птиц.

12 августа. Солнце сквозь серый туман заглядывает на мокрую палубу. Натянутые провода антенны слабо стонут от залихватских налетов северного ветра. Судовой врач Лимчер, обняв мачту, словно выслушивая в ее груди свист и завывание, смотрит вперед. Кочегар Московский, вытирая пот засаленным платком, остановился у перил.

— Простынете, потному не рекомендую,— говорит доктор Лимчер, поднимает воротник у дубленой шубы и с достоинством идет на капитанский мостик.

Любознательный доктор ежедневно простаивает по несколько часов с нашим большим — с сорокакратным увеличением — биноклем. Тема его разговоров со штурманами всегда одна и та же:

— Скажите, а бывает так...— вдруг и откроешь неведомый остров?

— Бывает, конечно, бывает,— утешают его молодые краснофлотцы у штурвального колеса.

И Лимчер еще пристальнее начинает всматриваться в пенистые гребни волн. Кто-то ему передал, что в прошлом году ледокол „Седов“ не обнаружил островов Гольфстрема там, где они показаны на картах.

— Голубчики, как вы думаете, а может быть эти острова живут себе среди моря, а?..

Краснофлотец Лукьянов резво перебежал руками по штурвальному колесу, поправил бескозырку, посмотрел в большие стекла бинокля и шепеляво сказал:

— Н-да, может и живут. Капитан передавал, что мы тут недалече где-то от этих островов. Велено еще раз пошарить по горизонту.

— Велено — по горизонту?..

— Да, сказано — посмотреть...

— Не засть, не вижу,— закипятился доктор и вдавил в окуляры бинокля свои веселые и добрые глаза.

...К вечеру туман унесся к мысу Желания. Небо очистилось от бродивших тяжелых облаков, на западе в лучах падающего солнца оно стало бледнооранжевым, и только над горбами горных хребтов Новой Земли легла широкая стальная полоса, переходящая к северу в светлоголубой клин.

— Земля! Лукьянов, земля!

Доктор Лимчер в распахнутой поддевке вломился в лоцманскую будку.

— Владимир Иванович, земля! Острова Гольфстрема открыл! Я открыл!

Капитанский мостик превратился в трибуну. У цейсовского бинокля образовалась профессорская очередь.

— Острова Гольфстрема открыты норвежским путешественником Маком,— объясняет нам знаток истории полярных открытий проф. В. Ю. Визе.

Его место у бинокля занимает проф. Самойлович.

— Ширина этого острова — километра полтора,— уверенно говорит Самойлович.— Надо, не теряя времени, произвести съемку.

Профессор ботаники Савич, обвешанный двенадцатью брезентовыми мешками для сбора мхов и лишайников, с трудом поднимается наверх.

— Кто последний? Я за вами,— гуторит Московский в хвосте профессорской очереди.

Пока проходила очередь, краснофлотец Лукьянов, сжатый людьми и оглушенный выкриками, все же смотрел вперед. Простым глазом скоро заметив, что „остров" по мере приближения к нему словно уменьшается в своих размерах, он что-то шепнул на ухо капитану.

— Владимир Иванович,— кричит снизу оператор Новицкий,— пожалуйста, поверните ледокол обратно, повторите открытие острова сначала, Союзкино будет вам очень благодарно.

Доктор Лимчер встал сзади Московского в очередь и прошептал:

— Знаете, я сначала думал — мне мерещится; смотрю, а в бинокль прется серая громада: ну, думаю, открыл неизвестные острова.

Капитан Воронин, молчаливо с начальником экспедиции Шмидтом, наблюдавший суматоху, резко обернулся вполоборота и с улыбкой произнес:

— Доктор, а земля-то ваша того... плывет...

— Как плывет? — обиделся доктор и вне очереди взялся за цейсовскую „пушку".

Навстречу ледоколу, покачиваясь на волнах, плыл самый обыкновенный, вдобавок еще грязный айсберг.

Смешок легкой зыбью прошелестел на капитанском мостике.

Дежурный штурман в конце вахты записал в судовом журнале:

▫ ...На 76° 57′ норд и 63° 38′ ост открыли „пловучую землю" доктора Лимчера. Сегодня получили в адрес Шмидта, Самойловича, Визе и Воронина с Земли Франца-Иосифа телеграмму: „На станции все благополучно, развертываются научные работы. Сейчас производим зарядку аккумуляторов. 11 августа на пловучем льду в бухте Тихой убили трех медведей. Заканчиваем постройку сарая для коров и лошади. Привет всему экипажу, поздравляем с началом нового трудного похода к Северной Земле. Зимовщики." ▫

Пробили склянки. Сменились вахтенные.

„Собака",— так было принято называть ночную вахту,— досталась капитану. Ровно в полночь ударил полдник — юго-восточный ветер. Воронин в подшитых валенках неслышно зашагал по мостику.

Что нам откроет океан?

Какие глубины лежат на пути к Северной Земле?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В СТРАНУ ЛЕДЯНОГО МОЛЧАНИЯ

Суровый участок Арктики — это Карское море.

С. С. Каменев.

Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять.

И. В. Сталин.

ОТКРЫТИЕ ОСТРОВА

— Суда Карской экспедиции! Остров Диксон! Земля Франца-Иосифа! Ледокол „Сибиряков“! Все северные станции! Слушайте! Слушайте! Радиостанция ледокола „Седов“ передает первый полярный концерт из глубины Арктики. Настраивайтесь на нашу волну, даю проверку! Слушайте! Слушайте!..

Радист Гершевич, медленно отделяя фразу от фразы, как заправский диктор, выкрикивал в микрофон:

— Проверяйте настройку. Раз!.. Два!.. Три!..

— Даю еще. Настраивайтесь. Раз!.. Два!.. Три!..

— Сообщите слышимость. Через полчаса передаем концерт.

Вспыхнули и замелькали синие огоньки в радиорубке. Громкоговоритель застрекотал ремингтоновской машинкой.

Десятки плавающих кораблей в море Баренца, в Белом море, Карском море, Земля Франца-Иосифа, остров Диксон, норвежская станция, ледокол „Сибиряков“ и какой-то советский радиолюбитель откликнулись на брошенный вызов из страны ледяного молчания.

— Настроились. Заметна хрипота звука. Немного исправьте. В общем слышно хорошо.

Зимовщики Земли Франца-Иосифа попросили Румянцева спеть любимую „Седовскую“ песенку. Заказ был принят.

П. И. Румянцев, артист студии Станиславского, работающий в качестве завхоза на ледоколе „Седов“, подошел к пианино, привычным жестом разложил ноты.

— Готово, можете включать.

Гершевич включил аппаратуру и поднял микрофон.

— Алло! Алло! Говорит радиостанция ледокола „Седов“. Полярные радиослушатели! Настраивайтесь на нашу волну. Даю настройку, даю настройку.

— Раз... Два... Три... Передаем оригинальный концерт, конферансье — корреспондент газеты „Известий“ Борис Громов. Слушайте, у микрофона товарищ Громов.

В вязаной шерстяной фуфайке, в длинных охотничьих сапогах с грохотом шагнул из-за стола „арктический конферансье“.

— Всем! Всем! Всем, слушающим концерт правительственной экспедиции.

— Ледокол „Георгий Седов“ вошел в девственные льды Карского моря. Водитель корабля В. И. Воронин вторую ночь не покидает капитанского мостика. В ледяных полях, только ему известных, находит он небольшие лазейки открытой воды и ведет ледокол к Северной Земле. Ночью о борта ледокола звенел нилосовый лед. Вчера открыли „пловучую землю“ доктора Лимчера. Краснофлотцы Балтийского флота выпустили стенгазету „Айсберг“. Объявляю результаты шахматного турнира. Первую премию — фунт шоколада и бутылку вина — получил профессор Шмидт. В конкурсе участвовало 15 человек. Со всех концов Севетского Союза получаем десятки приветственных телеграмм.

— Громыч, не затягивай, экономь время!

Многословие конферансье было приостановлено выкриками с места.

— Сейчас прослушайте „Матросскую песенку“ в исполнении артиста оперы — нашего завхоза Павла Ивановича Румянцева.

Я видел не раз Румянцева, исполняющим роль Онегина. Видел его Васильем Грязновым в „Царской невесте“, но таким близким, дорогим мне и каждому я вижу его в первый раз. Артист Румянцев, обросший густой щетиной волос, поддернул спадающие кожаные брюки, подошел к микрофону.

— У рояля профессор В. Ю. Визе,— добавил конферансье и перевернул ноты.

...Утро только начиналось.

Мягкий негреющий свет полярного солнца лег на грудь белой пустыни.

Визе двумя сильными арпеджио пробежал по клавишам.

...Опустилось солнце низко,
Океан свиреп и хмур,
Мы плывем из Сан-Франциско
В Гавр, Сайгон и Сингапур.

Скоро, скоро день вернется,
Засинеют берега —
Там, где домик у колодца,
Огонек у очага...

Первый раз ледяная пустыня несла радиоволнами эту песнь полярных исследователей.

Суровая легендарная Арктика покорно слушала человека, победившего ее наукой и техникой.

Павел Румянцев уставил взгляд через открытый иллюминатор на синюю пелену снега ледяных полей и поднял голос:

...Где за милю от залива
Спит родимая страна,
Где меня нетерпеливо
Дожидается она,—

Та, с которой дни так сладки,
Ночь еще желанней дня,
У которой спит в кроватке
Сын, похожий на меня...

Тихо ходит капитан над кают-компанией. В песню вкрапливаются его слова:

— Держать на пе-ре-мы-чку...

Ледокол, нарываясь на крупную льдину, вздрагивал; вздрагивал вместе с ним и голос певца.

Лед. Песня. Снег. Песня. Снова лед.

— Что чернеет впереди?..

...Край родной лежит не близко,
Океан свиреп и хмур.
Мы плывем из Сан-Франциско
В Гавр, Сайгон и Сингапур.

Жизнь матросская сурова:
Либо море, либо хмель...
. . . . . .

Из открытой двери в накуренную комнату влетел холодный ветер. Наш капитан тихо, как-будто боясь, что ему не поверят, обвел всех присутствующих голубыми глазами и выпалил:

— Товарищи, на горизонте показалась не обозначенная ни в одной лоции мира неизвестная земля. Глубина упала. Впереди земля.

Многие из нас не верили даже капитану.— Земля? Ну, это, братцы, дудки. Пущена утка. Подниматься наверх в разгаре „полярного концерта" не хотелось. Многие думали, что навстречу снова жалует „пловучая земля" в виде огромной ледяной горы.

Однако Визе, прекратив акомпанемент, легко одетый, первым бросился на капитанский мостик; долго не отрывал близоруких глаз от бинокля.

— Да, это земля, самая настоящая,— не спеша, но уверенно говорит Владимир Юльевич.

В секторе СССР следует зарисовать новую неведомую землю.

Вокруг Визе уже собралась толпа из матросов, кочегаров и членов экспедиции.

На развернутом листе немецкой карты Брейтфуса Визе стал показывать местонахождение предполагавшейся им ранее земли.

— Вот смотрите!

На карте мы увидели штрихи со знаком вопроса и надпись „Земля Визе".

— Существование земли,— объяснял проф. Визе,— мною было предсказано еще в 1925 году на основании изучения дрейфа погибшего судна экспедиции Брусилова „Святая Анна"... В этом же году я предположительно нанес место этой земли на карту. Нам известно, что льды полярных морей передвигаются под влиянием двух сил — ветров и морских течений. Действием этих сил передвигалось в 1913—1914 гг. затертое во льдах судно „Святая Анна". Штурман Альбанов, подобранный экспедицией Г. Я. Седова на Земле Франца-Иосифа после долгих скитаний по пловучим льдам, доставил вахтенный журнал этого судна. Сама же „Анна" бесследно погибла. В журнале остались записи об общем движении судна, его дрейфа и о направлении — силе ветра... По теории нам приблизительно известно, с какой скоростью и в каком направлении затертое во льдах судно должно передвигаться под влиянием ветров. Зная общее передвижение судна, скорость и направление ветра, можно вычислить и скорость морского течения; это и было моей целью, когда я взялся за обработку журнала „Анны". При анализе записи я натолкнулся на любопытную особенность, которую дрейф „Анны" показал между параллелями 70 и 80 норд и меридианами 70—80 ост. Здесь судно, двигавшееся в общем на север, отклонялось от направления ветра не вправо, как следовало бы ожидать по теории дрейфовых течений Экмана, а влево. Объяснить эту аномалию я мог, только допустив существование суши к востоку, недалеко от дрейфа „Анны".. Ряд других особенностей дрейфа „Анны" в этом районе подкрепил мое предположение. Более подробный анализ позволил мне приближенно определить место предполагаемой суши. Я нанес его на большую карту, приложенную к моей статье о течениях в Карском море, опубликованной в 1924 году. Позднее эта суша под названием „Земля Визе" с вопросительным знаком была нанесена Брейтфусом на немецкой карте, которая перед вашими глазами. До сих пор она значилась как проблематическая, и такою нанесена на карту Арктики... Зная о проекте Нобиле лететь в 1928 году к Северной Земле, я обратил его внимание на желательность обследования того района, где я предполагал сушу. Дирижабль „Италия" пролетел тогда весьма близко от этой земли, но не видел ее, вероятно, потому, что земля в это время была сплошь покрыта снегом. Однако несмотря на то, что с дирижабля не было усмотрено суши, я не переставал придерживаться своего мнения.

Седовцы снаряжают нарту для обследования острова Визе

Теперь „Седову" выпала честь открыть предположенную мною землю и стереть знак вопроса.

К концу рассказа ледокол подошел ближе; уже можно было простым глазом различить, что к берегу плотно пристал ледяной припай, а до него путь усеян грядами торосов, наваленных в беспорядке. Над ледоколом комариной стаей взвились белоснежные чайки. Старший штурман бросил в машинное отделение:— Стоп!..

Ледокол вздрогнул и замер.

Двое вахтенных матросов ловко спустились по трапу с борта, подхватили сброшенный стальной трос, и в несколько минут ледяной якорь был закреплен за громадную глыбу неподвижного льда.

В наблюдательную бочку, прикрепленную к носовой мачте, по веревочной лестнице влез один из научных сотрудников, а капитан Воронин, стоя одной ногой на краю бочки, другою придерживаясь за веревочную лестницу, а иногда просто балансируя в воздухе, отдавал приказания.

Нарушая тишину, в больших норвежских сапогах, шлепая по палубе, спокойно расхаживал взад и вперед Р. Л. Самойлович. А может быть и не спокойно: шаги его не точны. Стоит ему только посмотреть на черную полосу земли, как ноги ускоряют шаг. Торопливость — признак радостного ожидания.

Земля перед нами лежала вытянутой косой, а над ней, сохраняя покой, солнце ежеминутно наряжало в новые праздничные наряды чистое полярное небо. Вот сейчас только что была узкая желтая полоска, прикрытая выше сплошным темноголубым фоном. Через несколько минут желтой полосы уже нет, а есть большой, вклинившийся откуда-то багровокрасный лоскут, а на него ползет уже серый клин низкой тучи тумана.

Для достижения земли руководящий состав экспедиции предложил два варианта: первый на собаках, второй — пешком.

Пробуем первый. Десять собак, запряженных в сани, рванулись вперед, пробежали несколько метров, перепутались. Некоторые упали, послышался визг,— собаки образовали живой комок спутанной шерсти.

Вторая упряжка с восемью собаками, руководимая лучшим вожаком Мишкой, рванулась с места, оборвала веревки и понесла Ушакова по ледяным холмам. Торосы приостановили их бег, но не это было главной причиной отказа от первого варианта.

Солнце и ветер за небольшой промежуток времени образовали на поверхности льда зернистые крупинки, по которым собакам без башмачков, надеваемых на ноги, передвигаться нельзя. У всех собак из лап сочились алые струйки крови.

Решили пробраться пешком.

Перед нашим отходом облака на северо-западе приняли изумительно красивый вид, они походили на большие разрыхленные куски египетского хлопка с голубой каймой по краям. Белый цвет сливался с ледяным полем, которое удалялось от нас в бесконечность.

Неожиданно прогнанный ветром туман снова надвинулся на нас молочной стеной. Яркое солнце не могло прорвать идущей верхом пелены тумана.

Нагруженные заплечными мешками, винтовками, тринадцать человек впряглись в сани и выступили к земле, еще не посещенной до нас ни одним человеком.

НА ОСТРОВЕ ВИЗЕ

Ледяные глыбы брались нами с боя. С ледокола за нами следили. Что-то кричали, что-то советовали. Ветер уносил слова и раскидывал их по ледяной пустыне. Пробираться становилось все труднее и труднее. Озлобленная Арктика выставила на нашем пути войско вздыбленного льда. Чтобы съэкономить силы, мы выслали вперед ледовую разведку.

Старший штурман Хлебников, слывший большим знатоком в таких разведках, пошел вперед указывать местность. Вскоре снова пал тяжелый туман.

Контуры ледокола, по которым мы держали ориентировку, скрылись. Разведку пришлось отменить. На ледоколе поняли наше волнение. Капитан отдал распоряжение через каждые десять минут давать протяжные гудки. „Седов" указывал нам путь. Мы уверенно двинулись вперед.

Дорога была ужасна. Сплошные торосы преграждали нам путь. Каждый метр до земли пришлось буквально брать штурмом. В час успевали одолевать только четверть километра. Проходили часы. Усталость медленно, затем все назойливее требовала отдыха.

Пот с каждого катился градом. Хотелось пить. Мучила жажда. но каждому не хотелось заявлять об этом первому, все стремились скорее достичь земли. И наконец-то —

— Товарищи, отдохнем немного, — сказал Шмидт.

Сани, мешки, винтовки сброшены с плеч. Савич сразу вытянулся и забарабанил ногами по замерзшей корке озерка на льду.

— Что вы делаете?

— Как что? Пить хочу!

Удивительный способ добывать воду в Арктике!

— Много не пейте, простудитесь, — останавливая молодых, говорил старый „полярный волк" проф. Самойлович.

Мимо нас стрелой пронесся белый песец. От неожиданности все растерялись. Успели только крикнуть:

— Ату, ату его!

Испуганный криками песец несколько раз перевернулся в воздухе и скрылся во льдах. Подувший ветер разорвал на клочья белую простыню тумана. Мы засуетились.

— Скорей, скорей к земле...

Отдых влил свежие силы. Под звуки сирены ледокола мы, утопая, проваливаясь по пояс в разрыхленном снегу, перескакивали через трещины, карабкались по торосам, спеша все вперед и вперед. Шедший за вожака начальник экспедиции, не рассчитав прыжка, провалился в одну из трещин.

— Ну, вот и полярное крещение, — смеясь, сказал он.

Не останавливаясь, прибавили шагу. Берег, точно магнит, притягивал нас. Еще до подхода к нему поднялись споры, — что именно представляет этот кусок суши: является ли он частью Новой Земли? Земли Франца-Иосифа? или по своему строению примыкает к Сибирским островам?

Нашей вахте выпала удача быть свободной от санной упряжки перед самой землей. Вчетвером — Шмидт, Самойлович, Илляшевич и я — ускорили шаг по направлению к выступавшему из ледяного припая пологому берегу. Радости не было конца, когда мы смело вступили на землю.

Одна шестая часть мира обогатилась новой территорией. Наш салют в честь этого события вспугнул белых чаек.

Прежде всего внимание было привлечено отдельными сопками, которые в тумане казались значительно бо́льшими, чем были в действительности. Когда мы вплотную подошли к ним, выяснилось, что они состоят не из коренных выходов породы, а из нагроможденного на льду материала.

Встал вопрос: откуда взялся этот материал? Явился ли он остатком морен древнего ледника (это следы напора морских льдов). Пока шел спор по этому поводу, подходили отставшие. Усталые лица улыбались. Быстро были раскинуты палатки, разожжен костер. Мы поставили чайник и по-походному расположились у костра с тем, чтобы немного отдохнуть и затем проникнуть вглубь материка, манившего нас своей неизвестностью.

Не унывающий никогда Московский затянул песню:

...Мы беззаветные герои все,
И вся...

Остальные подхватили:

...И вся-то наша жизнь
Есть...

Бодрые, смелые слова —

...борьба, борьба!

— разнеслось по безмолвной пустыне.

Позднее всех подошел Визе, остановился у морены, долго перебирал в руках россыпь камней.

Кто-то сказал:

— Профессор Визе, веселей смотрите на землю. Ведь ваша земля.

— Принимайте гостей в свои владенья...

Смущенный Визе подошел к давно разведенному костру, улыбнулся и сказал:

— Милости просим.

С последними словами проф. Визе поспешно снял с примуса пузатый эмалированный чайник и гостеприимным хозяином обошел всех участников похода, нацеживая в бокалы горячую жидкость.

Камни, на которых был разбит наш бивуак, оказались далеко от острова. Оставив сани и запасы продовольствия, мы двинулись к берегу. Доступ к нему был прегражден мелкими озерами и канавами. Около пяти часов выискивали небольшой перешеек, чтобы перебраться с моря на сушу, казавшуюся нам столь мертвой и пустой.

. . . . .

...Был разгар арктического лета. Солнце, казалось, припекало, хотя в воздухе было всего 3 градуса тепла. Мы побросали кожаные куртки и в одних теплых норвежских фуфайках рассыпались по земле.

Молодой харьковский геодезист Войцеховский с теодолитом, компасом и штативом скрылся вместе с группой матросов за первыми песчаными холмами: ему надлежало точно определить астрономический пункт. Но произвести засъемку всей земли одному не под силу.

Тринадцать человек было разбито на партии в помощь топографам, производящим полную топографическую съемку.

Земля огласилась криками, шутками, смехом.

Геологи, мурлыча под нос песни, в ритм выбивали трели по каменьям своими молотками. Отбитые куски горных пород они тщательно укладывали в отдельные мешки и делали записи в специальных тетрадях.

Нашей группе — Самойловичу, Ушакову, Журавлеву и мне — выпала задача проникнуть вглубь и определить протяжение земли к северу.

...Скудный наряд земли Визе скрашивают десятки долин и ручейков, сбегающих к морю. Илистая почва цепляется за кожаные сапоги, серым налетом застывает на голенищах. Ушаков, носивший всегда свободную обувь, негодовал, когда ему приходилось, поддерживая за ушки сапоги и согнувшись, переходить вброд небольшие ручьи.

— Завяз, подождите. Куда вы гоните!

Он еле поспевал за нами.

По склонам долин мы видели много оленьих рогов, костей полярных лисиц и даже нашли целый скелет белого медведя. Можно было заключить, что олени, занесенные сюда пловучими льдами, гибли от недостатка корма.

После однодневного исследования оказалось, что вновь открытая земля является островом, расположенным на 79° 27′ с. ш. и 76° 40′ в. д. от Гринвича. Остров тянется с северо-запада на юго-восток, имея в длину около 30 км и в ширину — около 15 км. Весь остров представляется ввиде невысокой равнины, состоящей из наносов, главным образом песчаных. Плато острова покрыто своеобразными почвообразованиями, которые, всилу морозного выветривания, приняли форму многогранников, красиво расположенных на поверхности ввиде мягких подушечек, похожих на очертания кошачьих лап.

Уже с первого взгляда можно было заметить, что остров Визе совершенно другого строения, чем Земля Франца-Иосифа.

На поверхности острова были обнаружены породы, относящиеся к так называемым „сибирским тропам" (изверженные породы, распространенные в Сибири). Можно, поэтому, заключить, что движение ледников в древнее время, повидимому, было в направлении от Таймыра к этой суше.

Внешний вид острова Визе однообразен. Остров возвышается всего на 15-20 метров над уровнем моря и тянется сглаженной равниной, изрезанной довольно значительными ручьями и реками, которые текут к югу с одной стороны, к северному берегу — с другой.

Равнинная поверхность острова местами изборождена речными долинами, которые отчасти можно отнести к рекам, переставшим существовать или изменившим свое направление.

За чашкой чая на пустынномертвом острове Визе (с кружкой в руке — проф. Визе)

Самая большая долина принадлежит одной из рек, берущих свое начало на водоразделе острова, простирающегося с запада на восток. Эта река течет в северо-восточном направлении и впадает в море на северном берегу.

Эту изумительную по красоте будущую базу для воздушных сообщений между Америкой, Европой и Японией через северный полюс, расположенную в центральной части острова, мы назвали, по моему предложению, долиной „Комсомольской Правды", а резвую речку, бегущую по этой долине, — „Комсомолкой".

В конце обследования острова сложили в честь ЦК ВЛКСМ на одном из выдающихся холмов груду камней в рост человека и оставили записку с указанием направления к долине „Комсомольской Правды".

Тщательно обследовав втечение дня остров, мы по проторенному пути вернулись обратно.

Последней с острова пришла группа топографа Войцеховского. За 36 часов, проведенных без сна и отдыха, ей удалось необыкновенно точно нанести на карту очертания открытой суши.

В кают-компании героем дня был проф. Визе. Десятки приветственных телеграмм лежали на столе.

Дежурный радист Гершевич принес телеграмму от правительства:

▫ ...Ледокол „Седов". Нач. экспедиции Шмидту:

Успех продолжает сопутствовать экспедиции. Шлем сердечный привет Визе и глубокую признательность экипажу, научным сотрудникам за проведение труднейших обследований острова. С нетерпением ждем прибытия на Северную Землю.

С. С. Каменев. ▫

Стальной трос, оплетенный вокруг ледяного стана розового ропака, извиваясь змеей, пополз обратно на палубу.

— Лево! На борт!

Ледокол „Седов" обмял бортами серый лед и направился с запада в обход острова Визе.

Бледные, молчаливые многолетние торосистые поля в 9-10 баллов, стерегущие втечение неисчислимых веков девственность открытой суши, потрескивали зло и гулко.

Морские течения за время нашего похода к острову Визе нагнали к берегам огромное количество тяжелого льда. Кольцо на пути ледового броненосца замыкалось.

— Назад!..

Первый раз наш полярный Колумб — тов. Воронин решил отступить. Путь прегражден. Ледокол заметался, скрипя.

Лед тяжелел.

Корпус дрожал.

— Полный назад!..

— Владимир Иванович, вам телеграмма из Архангельска:

▫ ...Капитану Воронину.

Седьмой краевой съезд водников Севера поздравляет личный состав команды экспедиции с новым открытием, являющимся большим достижением Страны Советов в области освоения далекого Севера. Съезд выражает уверенность, что задания правительства и трудящихся Союза экспедиция выполнит.

Президиум съезда. ▫

„Седов" во льдах

Архангельский помор стряхнул с каштановых усов мелкие сосульки, посмотрел с капитанского мостика на поле сражения.

— Задание правительства и трудящихся должно быть выполнено!

— Вперед!..

Задний ход освободил разгон.

„Седов" рванулся, надавил приплюснутым носом первую льдину, скользнул по ней килем и с полного хода вклинился в береговой припай.

Положение серьезное. Сдержат ли шпангоуты натиск льда?

Ледокол, казалось, чувствовал волнение капитана. Он рвался вперед, но цепкие ледяные объятия, сжав его, сделали беспомощным.

За восемь часов непосильной работы продвинулись на два корпуса в сторону.

Траурная кайма береговой суши подвинулась к ледоколу.

— Расшибет о камни!..

Десятки раз обессиленный „Седов" с разбегу налетал на ледяное препятствие и вновь отходил, расталкивая смерзающиеся льды.

Бессонная ночь состарила капитана.

— Право на борт!

— Так держать!

— Бить перемычку!

— Есть малый...

— Есть назад...

— Есть полный..

Трехметровый лед не поддавался натиску корабля.

Солнечное утро глумилось над нами. Высокие торосы блестели серебряной чешуей инея. Направо, совсем недалеко, темнела полоса голубого неба.

На доске объявлений висела свежая телеграмма-„молния" из Москвы:

...Шмидту, Муханову.

Приветствуем вас, сотрудников, команду в героической работе. Благодарим за присвоение долине на открытом острове Визе имени „Комсомольской Правды". Желаем дальнейших успехов.

Редакция.

К вечеру ледокол плотно засел во льдах.

Слово „зимовка" стало все чаще и чаще повторяться среди команды.

Для экономии продовольствия был введен твердый паек. Ведь каждый час простоя увеличивал шансы зазимовать у пустынной суши, когда не закончена была еще основная работа — постройка дома для отряда Ушакова на Северной Земле.

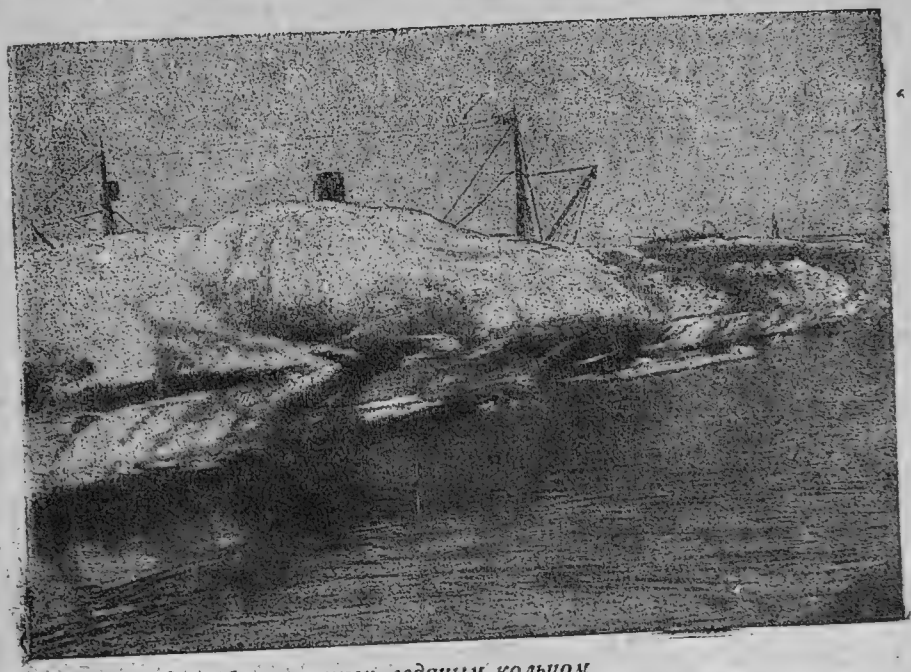
Льды, громоздясь друг на друга, полезли по бортам на нижнюю палубу.

— Задание правительства под угрозой срыва...

— Товарищи, объявим аврал!

Команда, плотники, члены экспедиции с баграми спустились на лед, прибавили своей силы. Но работа не привела ни к чему.

Расталкиваемые льдины снова подходили к бортам. Команда краснофлотцев, объявившая себя ударной, освободила было правый борт.



„Георгий Седов" был окружен ледяным кольцом

В это время напор перешел на левый бок. Все силы сосредоточились там. Как хорошо было участвовать в работе, помогать такой большой махине вырваться из ледяных сетей!

Капитан разрешил пользоваться паровой лебедкой. Сколько радости было у каждого, когда общими усилиями подточенная ледяная гора вытягивалась из-под ледокола!

Работа подвигалась крайне медленно, зато время летело незаметно.

Наш повар, „профессор общественного питания", тов. Малявкин с бутербродами обходил работающих.

— Подкрепитесь!

Ели тут же, стоя на льду. Бригада Московского, только что закончившая трудную вахту в кочегарке, пришла на помощь.

Ночью на три четверти разомкнули ледяной обруч, стягивающий наш корабль. Напрасно винты в бесконечном биении поднимали за кормой зеленую воду: она пенилась, кипела, била родником,—ледокол попрежнему был крепко зажат.

Самойлович и Урванцев, вступивший в партию ВКП(б) на восьмидесятом градусе северной широты, предложили испытать аммонал.

В 50 метрах заложили восьмикилограммовую банку этого взрывчатого вещества под лед.

— Берегись!..

Все попрятались за торосами. Ждем минуту, две, пять, десять, а взрыва нет.

— Отсырел!..

— Аманула обманула!

— Владимир Юльевич! Снаряд заложен,— кричит капитан.

Невозмутимый Визе стоит на мостике и вешает Весмана (прибор для метеорологических наблюдений).

— Знаю,— буркнул Визе, продолжая смотреть за запущенным жужжащим прибором.

— Опыт не удался. Факир был пьян,— шутит наш доктор.

— Продолжение завтра,— закончил Московский.

— Как же возвращаться? А вдруг бабахнет, а?

Первое время жмемся. Пошел Самойлович. Оказалось — погас шнур, а во второй раз не взорвался капсуль.

— Пешнями верней! Айда на обколку вручную!

...К утру работа стала давать положительные результаты. Ледокол закачался, но сразу не мог сорваться с места.

Старый механик „Седова" Матвеев и старший штурман Хлебников принесли электрический запал. В 30 саженях в трещину опустили пуд аммонала. Через три минуты раздался взрыв. В радиусе двух метров кашей взлетел лед. „Седов" закачался, а затем, неожиданно, под ликование и крики „ура" стал сползать кормой в разводье.

На сегодня мы снова победили Арктику. Правительству было отправлено сообщение:

> ▫ ...Наконец „Седов" вырвался из ледяных тисков. Кроме работы машины, доведенной до предельного давления, и обкалывания льдов вокруг зажатого ледокола руками людей, пришлось прибегнуть к взрыванию льда аммоналом. Сейчас мы все еще во льдах, но менее спаянных и поддающихся работе ледокола. Приходится лавировать, часто менять курс. Продвижение на восток, к нашей цели — Северной Земле — пока идет очень медленно.
>
> Нач. экспедиции Шмидт. ▫

И З Д Н Е В Н И К А

18 августа. Утро. Яркое солнце ослепительно отливает на поверхности льда. Ледокол после ряда попыток пробраться через ледяные оковы снова зажат льдом. Усталый, страдая бессонницей, я брожу по палубе, захожу к Гершевичу в радиорубку, забираюсь на капитанский мостик, всматриваюсь в темноголубое небо, которое виднеется над горизонтом. Моряки говорят: „где темное небо, там чистая вода"; близок локоть, да не укусишь. В теплом полушубке, облокотившись на перила, поджав ноги под себя, на большом ящике сидит вахтенный штурман.

— Что, лед силен?

— Стоять без дела — острый нож.

Мимо ледокола пролетели два серых глупыша-буревестника. Неожиданно для себя я взглянул вниз и заметил, что корпус ледокола медленно движется вперед, а лед расходится.

— Юрий Константинович! Лед расходится!

— Поднять пары!

Ледокол, работая задним ходом, вышел в разводье и пошел вдоль северной кромки льда. Отдохнув после невероятно напряженной работы, капитан Воронин сменил штурмана. Разводье стало больше. „Седов" выходил из одного разводья в другое. Вскоре в борта ледокола со страшной силой стукнулась льдина. Все выскочили наверх. Машину застопорили. Рядом с бортами плыли три испуганных медведя. Началась пальба. Медведицу доканали. Медвежата вплавь искали спасения. Быстро спустили вельбот. Четыре смелых матроса, руководимые Хлебниковым, ринулись вдогонку. Мы совсем близко, стрелять нам запрещено, дали распоряжение доставить живьем. Перепуганные медвежата прибавляли ходу. Наша лодка не уступала моторной. На каждом веслe работало по-двое.

На плавающую небольшую льдину забрались медведи. Свистками, криками мы спугнули их в воду. Плавающие льдинки мешали нам взять курс прямо на них. Пришлось обходить. Умение Хлебникова управлять лодкой сохраняло нам силы. Медвежата вставали на задние лапы, они были до смешного неуклюжи, поводили бессмысленно глазами, смотрели с опаской на приближающуюся шлюпку.

Мы поднажали.

Медведи шарахнулись в воду и поплыли к северу по большому разводью.

Расстояние все меньше и меньше.

Вот уже слышно, как они тяжело дышат, напрягают последние остатки сил. Расстояние пять метров. Медведи плывут один за другим.

Казалось, что самый маленький, задний, лежит грудью на спине брата и только помогает передними лапами подгребать воду.

Первая брошенная петля упала мимо головы. Медвежата бросились врассыпную. Кого же ловить? Первый уже вылез на льдину. остановился за ропаком, а второй, обессиленный, карабкался на обламывающийся лед. Видно было, что он спешил.

Выкарабкавшись, он посмотрел на нас злыми глазами и вскачь пустился догонять брата.

Мы не стреляли. Ледокол шел медведям наперерез. Глупые, они подбежали к самому борту.

В спешке стрельба не дала никаких результатов. Повернув лодку, мы поехали к месту, где была убита мать этих полярных сирот. Искать пришлось недолго. На месте убийства уже кружились хищники северного моря — белые полярные чайки. Они издалека заметили кремовую спину медведя. Вокруг убитой медведицы плавала кровь, похожая на выброшенный студень. Медведица оказалась очень маленькой, изящной представительницей полярного края. Размер ее, да и сам вес мало отличались от ее полугодовалых медвежат.

Ледокол после неудачной засады шел к нам.

— Хорошо, что медведицу-то не затеряли во льдах.

Мы пополнили запас свежим мясом, приобрели шкуру. Колымские собаки, питавшиеся последнюю неделю хлебом и отбросами камбуза, с жадностью набросились на кровяные куски свежей медвежатины. Сорок объевшихся собак за день загадили всю палубу. В стенной газете под псевдонимом „Анти-Собакевич“ появилась заметка:

> ...Эпопеи бывают разные, и, не вдаваясь в их перечисление, нелишне отметить, что у нас на „Седове“ настала тоже эпопея, притом собачья.
>
> Ну, а если собачья эпопея, то и положеньице наше, можно сказать, тоже собачье.

Волчок скучает без работы

Где бы ты ни шел — собаки; куда бы ни ступил — собачье..., где бы ни сидел — собачий дух и собачья вонь; сон твой преследует собачье завывание.

Бедные мы, несчастные собачьи сожители!

Конечно, никто не отрицает будущей роли собак в полярных открытиях и полярных исследованиях. Может быть, какому-нибудь „Мишке" за самоотверженную работу, собачью верность придется даже дать золотую медаль; пока не имеющим такой нагрузки не мешало бы их собачьему эгоизму положить предел; ведь кажется есть кому за этим собачьим поведением смотреть!

Почему же в таком случае на ледоколе развели такой кавардак?

Если они не могут этого понять сами, и молчит администрация, то может быть в это вмешается наша охрана труда?... ▫

Зверобой Серега Журавлев первое время обиделся на меня, как на редактора стенной газеты.

— Собачьей самокритикой занимаетесь...

Но затем, под нажимом охраны труда и общественности, посадил всех собак в теплые закуты.

19 августа. Идем большими разводьями и полыньями. Пасмурно. Падает снег.

Все ходят недовольные, хмурые...

У проф. Самойловича сегодня несчастливый день: сорвавшись с медного троса, утонули два прибора Экмана, употребляемые им для добывания отложений морского дна.

У капитана приступы озноба: он заболел гриппом, завезенным из Архангельска ледоколом „Сибиряковым".

Весь вечер идет дождь. Пусто. Серо. Идем ощупью.

Горбунов драгой вытащил осьминога,—на таких широтах это исключительный случай...

20 августа. Утро туманно. Сыплет мелкий дождь. Вперед видно всего на несколько десятков метров. Больной Владимир Иванович уже на палубе. Он не может в такую погоду доверять ледокол своим помощникам.

— Владимир Иванович, берегите здоровье.

Воронин за вверенной ему машиной ухаживает, как мать за ребенком.

— Ничего. Выведем ледокол, тогда побережем.

Продвигаемся, окутанные густым туманом; на пути, как и всегда, одни торосы и наслоенный лед. Часто приходится менять курс с юго-востока на юг и снова на юго-восток.

Вечером все те же туман и ветер. Лед кажется грязным, неприветливым. Сидим у трубы. Это теплое местечко у матросов называется „сквером". В другах местах — совсем неуютно.

21 августа. Дождь. Холодно. Дует северо-западный ветер.

С капитанского сердитый голос Владимира Ивановича:

— Медведица с медвежонком. Стоять долго не намерен...

Очередная бригада стрелков схватила винтовки, выбежала к носу ледокола. В 100 метрах, отводя детеныша от вкусного ужина (медведями только что была поймана и растерзана нерпа), медведица толкала медвежонка к бортам ледокола. Их что-то интересовало. На севере любопытство не порок.

Тихо. Даже собаки, и те смолкли. У Журавлева горят глаза. Право на первый выстрел дали Шмидту.

Капитан Воронин

Пуля мимо. Струсивший медвежонок, закинув голову назад, несется по молодому нилосовому льду. Свистят пули. Израненная медведица бежит сзади. Перебитый зад ее волочится по льду. Наконец, разрывная пуля Соколова-Микитова прекратила ее мучения. Медведицу подняли лебедкой на палубу. Я давно интересовался: чем питается белый медведь? С ученым Ретовским пошли мы к месту, где лежала обглоданная нерпа. Хищники, прежде всего, съели шкуру с большим изобилием сала и, как ни странно, выкинули сердце и внутренности.

Подцепив багром остатки тюленя, я потащил их волоком на ледокол собакам.

Ретовский вскрыл на палубе желудок нерпы. В нем оказалось много непереваренных голов рыбы „сайки".

Около двух часов до нашего слуха доносился рев медвежонка, искавшего свою кормилицу.

Потревоженные собаки подняли морды кверху и протяжно завывали, словно вторя медвежонку.

Сплоченные льды на севере заставили отступать на 400 километров к югу.

На пути проф. Р. Л. Самойлович обратил внимание, что „слабый невзломанный весенний лед, которым мы шли около 110 км к острову Уединения, свидетельствовал о спокойном состоянии погоды с ранней весны и свободном ото льда море втечение зимы...“

Обогнув с юга остров Уединения, ледокол „Седов“ почти по чистой воде направился к южной части Северной Земли. Стоящие на мели стамухи предупредили нас о небольших глубинах,— курс был проложен на север Северной Земли.

22 августа. День в судовом журнале начинался записью:

▫ ...Встретив кромку тяжелого, непроходимого торосистого льда, имеющего направление на зюйд-ост по компасу, повернули на норд вдоль кромки, в поисках возможного прохода разреженным льдом к Северной Земле.

Погода ясная.

Видимость хорошая.

На горизонте попадаются редкие айсберги среднего размера.

Северной Земли не видно.

В 90 км на восток от острова Уединения открыли новый остров, получивший имя члена правительственной экспедиции — „остров проф. Б. Л. Исаченко“. ▫

Вскоре был замечен не нанесенный на карту второй скалистый остров, получивший название „острова капитана Воронина“.

Останавливаться у вновь открытых островов не было абсолютно времени.

Днем прошли мимо третьего острова, спускающегося к морю крутыми отвесными берегами, поспели только нанести его на карту и дать название: „остров проф. Самойловича“...

— Вперед к Северной! Слышите, к Северной! — гремит бас капитана.

— Слышим...

— Есть Северная...

Снова лед, но он нам теперь казался уже нестрашным. Ледяная преграда не сможет задержать последнего невыполненного задания правительства.

Северная Земля где-то рядом.

Северная Земля где-то здесь, близко...

ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА ПОДО ЛЬДОМ

Телеграфное агентство Советского Союза ежедневно передавало нам по радио информационные сводки о жизни Советской страны. В числе принятых телеграмм одна сегодня оказалась для нас, плавающих в неизведанных глубинах, необыкновенно интересной:

...НАЙДЕНО ТЕЛО АНДРЭ

Осло 22/VIII (Тасс).
Норвежское телеграфное агентство сообщает:

...Норвежской научной экспедицией найдено на Белом острове, у Земли Франца-Иосифа, тело шведского полярного исследователя Андрэ, вылетевшего в 1897 году на воздушном шаре из Шпицбергена. Тело найдено хорошо сохранившимся...

Руководящий состав экспедиции на имя полпреда в Норвегии тов. Колонтай и начальника Тасс тов. Долецкого отправил телеграмму с просьбой подробнее информировать нас о находке шведского лагеря Андрэ.

К вечеру радист Гершевич принял из Москвы следующую телеграмму на имя тов. Шмидта:

... По сообщению Норвежского телеграфного агентства, труп Андрэ был обнаружен 6 марта[0] у юго-западной части Белого острова, в 150 метрах от берега.

Тело покрыто лишь тонким слоем льда, одежда сохранилась полностью.

В карманах найден дневник Андрэ.

Трупы его и другого, не опознанного члена его экспедиции взяты на борт норвежского парохода, который прибудет в Норвегию в начале сентября.

121/184 Тасс...

Из Стокгольма по этому поводу пришло извещение:

[0] 1930 года.— *Ред.*

▫ ...По сообщению газеты „Дагенс-Ньюхетер", экспедиция, посланная этой газетой на Белый остров на пароходе „Исбьерн", обнаружила развалины хижины лагеря Андрэ, человеческий скелет, несколько инструментов и оружие, а также части гондолы аэростата и записи участника экспедиции Френкеля. Лагерь прекрасно сохранился; создается впечатление, что члены экспедиции Андрэ погибли во время снежной бури... ▫

Весь вечер наши полярные исследователи обсуждали подробности вырванной у Арктики тайны.

Мой блок-нот вместил в себя много интересного:

...Неприступность северного полюса натолкнула человечество на мысль воспользоваться для покорения его воздушным путем.

В 1895 году шведский инженер Соломон Август Андрэ представил в Шведскую академию наук проект экспедиции на северный полюс с помощью сферического аэростата. На собранные деньги Андрэ заказал во Франции огромный воздушный шар емкостью в 4800 куб. метров, достигающий в поперечнике около 20 метров.

По расчетам смелого аэронавта, шар этот мог продержаться в воздухе 30 суток.

Маршрут полета: Шпицберген — северный полюс — Берингов пролив — дистанцией в 1200 км. Андрэ предполагал лететь со скоростью 30-40 км в час и покрыть расстояние за шесть суток.

Спутниками дерзновенного исследователя были: физик Ниньс Стриндберг и инженер Кнут Френкель,— втроем они учли все мелочи снаряжения.

Приделанные к корзине аэростата паруса и гайдропы (толстые металлические канаты) позволяли до известной степени управлять полетом воздушного шара.

Порывистые весенние ветры захватили и первый месяц лета.

Соломон Август Андрэ за две недели до подъема отправил в Европу следующую телеграмму:

...Остров Шпицберген. 28/VI. Ветер все еще продолжает быть неблагоприятным. Я решил ожидать еще три недели, остающиеся до начала осенних бурь, если же судьбе не будет угодно изменить погоду, то, что бы ни случилось, 16/VII я поднимусь на шаре и попытаюсь проложить себе путь на север, хотя бы и при неблагоприятном ветре...

ФРЕНКЕЛЬ *АНДРЭ* *СТРИНДБЕРГ*

Первые полярные аэронавты

11 июля 1897 года на „Орел" (так назывался аэростат) были погружены полярные принадлежности, лодки, сани, оружие и съестные припасы.

Трое закутанных в меховые одежды поднялись в корзину.

Провожающие замахали руками...

В 2 часа 30 минут пополудни „Орел" взял старт на норд.

При отправлении случилась авария: еще на глазах у родных и знакомых оторвался гайдроп. Аэростат скакнул вверх и скрылся навсегда в северном направлении.

Где опустился шар?

Живы ли члены экспедиции?

Сотни догадок и ложных сведений стали проникать в печать. Мир встревожился за судьбу экспедиции.

Прошел месяц. О судьбе экспедиции Андрэ не было никаких вестей. И только 17 августа 1897 года в Полярном море капитан шведского корабля случайно подстрелил одного голубя, у которого к ноге оказалась прикрепленной тонкая гильза с вложенной запиской:

...13 июля 1897 г. 12 ч. 30 м. дня, 82°02′ северной широты — 15°05′ восточной долготы. Благополучно следуем на восток, уклоняясь от прямого пути на 10°. Все здоровы. Это третий голубь. Андрэ...

В мае 1899 года к северному берегу Исландии морские волны прибили буй, брошенный с аэростата. В буе обнаружили записку:

...Поплавок № 7. Брошен с аэростата Андрэ 11 июля 1897 г. (т.-е. в день подъема аэростата) в 22 ч. 55 м. по гринвичскому времени. 82° 25′ северной широты—25° западной долготы. Летим на высоте 600 метров. Все благополучно. Андрэ, Стриндберг, Френкель...

31 августа 1900 года у берегов северной Норвегии рыбаки нашли еще один буй, но он, как и последующие буи, найденные в разное время, оказался пустым.

Экспедиция погибла. Но где, при каких обстоятельствах, никто не знал втечение тридцати трех лет.

В августе 1930 года Норвежским институтом для исследования Свальбарда (Шпицбергена) и Ледовитого моря была отправлена научно-промысловая экспедиция на Землю Франца-Иосифа во главе с геологом Г. Горном.

На пути к советской территории норвежский корабль „Братваг" сделал высадку на острове Белом.

Полярное солнце растопило ледяную поверхность острова. Сотрудники экспедиции при обследовании острова нашли скелет белого медведя, а рядом—Андрэ и его спутника Стриндберга.

Возле трупов в беспорядке лежали записные книжки, фотопластинки (часть которых удалось проявить), сани, парусиновая лодка, одежда, ружья, примус и много другой утвари. Взяв останки погибших первых арктических воздухоплавателей, а также другие находки на борт „Братвага", экспедиция покинула Белый остров и через день отправилась к Земле Франца-Иосифа.

На Белый остров норвежская пресса вскоре командировала журналиста К. Стубендорфа, которому удалось после тщательных розысков найти также труп третьего участника экспедиции — К. Френкеля.

В лагере Андрэ на Белом острове были обнаружены следующие документы: два дневника Андрэ, записная книжка Стриндберга, два путевых журнала Стриндберга, его же стенограммы и, наконец, метеорологический журнал инженера Френкеля.

Аэростат перед последним испытанием

По материалам, опубликованным Шведским обществом антропологии и этнографии, можно проследить судьбу первой воздушной экспедиции к северному полюсу. В общих чертах положение дела рисуется так:

Вылетев 11 июля 1897 года с Датского острова, воздушный шар 14 июля был вынужден опуститься на лед к северо-востоку от Шпицбергена, к широте 80°56′ норд и долготе 29°52′ ост. 22 июля путешественники покинули место аварии и отправились пешком по пловучим льдам с санями и парусиновой лодкой к Земле Франца-Иосифа, где Андрэ рассчитывал на оставленные для него на мысе Флора продовольственные запасы. Однако, вследствие сильного дрейфа и льдов на зюйд-вест, достичь Земли Франца-Иосифа оказалось невозможным.

После крайне изнурительного похода путешественники оказались 3 августа в широте 82°27′ норд и 28°30′ ост, т.-е со дня аварии воздушного шара они продвинулись только на 55 километров и то не в желательном направлении на зюйд-вест, а на зюйд-зюйд-вест.

Ввиду того, что зюйд-вестовой дрейф льдов являлся непреодолимым препятствием для достижения Земли Франца-Иосифа, Андрэ изменил свой маршрут и решил итти к Семи островам (к северу от Шпицбергена), но уже вскоре путники попали в область морского течения, которым льды увлекались на ост и зюйд-ост. В результате, при нечеловеческих усилиях, они прошли с 4 августа по 9 сентября 135 километров на зюйд-зюйд-ост, а не на зюйд-вест, как они хотели.

12 сентября истощенные путники, отчаявшись в целесообразности продолжать свое движение по морскому льду, решили зазимовать на нем и приступили к постройке снежной хижины. Чрезвычайно быстрым дрейфом их принесло 18 сентября к северо-восточной оконечности Белого острова.

28 сентября хижина на льду была почти готова, и путешественники, жившие до этого в палатке, переселились в нее.

Но уже 2 октября, недалеко от южной оконечности Белого острова, льдина, на которой стояла хижина, раскололась на отдельные мелкие части. Дальнейшая судьба экспедиции остается не вполне ясной. Повидимому, в первой половине октября была сделана неудачная попытка перебраться с Белого острова на Нордостланд.

Последняя разборчивая запись в дневнике Андрэ относится к 7 октября; из нее следует, что в этот день был совершен „переезд" (очевидно путешественники окончательно перебрались с морского льда на Белый остров).

Следующую запись мы находим 17 октября в дневнике Стриндберга. Она гласит: „Домой. В 7 час. 05 мин. утра" (возможно, имеется в виду возвращение после неудачной попытки на Шпицберген). Больше никаких записей в дневниках трех участников экспедиции не оказалось; так как продовольственные запасы в то время еще имелись (по мнению Андрэ, их хватило бы до апреля), можно предположить, что несчастные погибли от переутомления и холода. Найденная в лагере на Белом острове одежда, а также запись в дневниках свидетельствует о том, что одежда была самым слабым местом снаряжения этой первой воздушной экспедиции в Арктику, закончившейся так трагически...

Загадка исчезновения смелых аэронавтов, рискнувших первыми с воздуха покорить стихию Арктики, завоевать северный полюс, была раскрыта спустя 33 года.

11 июля 1897 года „Орел" скрылся навсегда

. . . . .

Западные берега Северной Земли, к которым держит курс ледокол „Георгий Седов", веками манили полярных исследователей своей таинственностью и недоступностью.

Мы где-то близко от этих берегов. Скоро тайна завесы этой земли будет сброшена.

Целые сутки члены экспедиции не покидали палубы. Московский пристает к штурманам:

— Скоро Северная?

— К ночи причалим,— отшучиваются помощники капитана.

. . . . .

От острова Самойловича „Седов" шел к Северной Земле все время крупным битым и многолетним льдом, достигающим 10 баллов.

С Е В Е Р Н А Я З Е М Л Я

Сотни лет полярные мореплаватели были заняты разрешением вопроса об открытии сообщения между Атлантическим и Великим океанами наикратчайшим путем—через Северное ледовитое море.

Баснословные богатства Японии, Китая, Индии (о которых рассказал в XIII веке первый европеец, попавший туда,—Марко Поло) заинтересовали Западную Европу.

Известные в то время два морских пути в сказочную Индию и Китай проходили: восточный — мимо мыса Доброй Надежды, а западный — через Магелланов пролив. Эти пути были слишком длинны и практически трудно проходимы.

Народы Северной Европы—голландцы, англичане, датчане и норвежцы устремили свой взор на норд, к Северному ледовитому океану.

В XVI веке на поиски северо-восточного прохода англичане отправляют ряд экспедиций вдоль берегов Сибири.

В 1553 году англичанин Ричард Ченслер, обогнув Мурманское побережье, спустился в Белое море и дошел до устья Северной Двины. Англия вместо открытия пути в Индию неожиданно обрела не только путь в Россию, но и новый рынок сбыта своих товаров.

В начале XVII века на отыскание пути к странам Дальнего Востока отправляются голландцы. Не достигнув практических результатов, они привезли первые точные сведения о полярных странах, о Новой Земле и о Карском море.

Голландцы, встретив на островах Новой Земли промышленников, узнали от них, что русские мореплаватели давно пользуются северным морским путем и ежегодно ходят через Югорский Шар к устьям больших сибирских рек.

В 1875 году шведскому исследователю Норденшельду удалось, пройдя Югорским Шаром через Карское море, добраться до реки Енисея. Норденшельд не удовлетворился своими первыми успехами и спустя три года снова отправился на паровой яхте „Вега" в Карское море с задачей пройти Великим северным путем в Тихий океан.

Прозимовав во льду, Норденшельд благополучно летом обогнул мыс Дежнева и вошел в Берингов пролив.

Путь в Ледовитое море и Тихий океан был открыт.

В июле 1913 года из Владивостока в Архангельск под начальством Вилькицкого на двух ледоколах „Вайгач" и „Таймыр" отправилась русская гидрографическая экспедиция с целью исследовать северное побережье Азии и пройти Великим северным морским путем не с запада на восток, как его прошел Норденшельд, а с востока на запад.

Седьмого августа ледокольные корабли при благоприятной погоде прошли Берингов пролив. Руководитель экспедиции Вилькицкий решил итти к Таймырскому полуострову двумя направлениями: ледокол „Вайгач"— вдоль берега материка, а „Таймыр"— к островам Новой Сибири и Беннетта, а оттуда на запад к острову Преображения (восточный берег Таймырского полуострова), где была назначена встреча.

От Преображения корабли, получив новое распоряжение, разошлись.

„Таймыр", производя измерение глубин, пошел на значительном расстоянии от суши, а „Вайгач" тихим ходом направился вдоль северного побережья.

У мыса Челюскина невзломанный лед заставил отступить. „Вайгач" пошел вдоль кромки льда на норд. Ледяная запруда увлекала все дальше и дальше на север. На следующий день подул сильный шквалистый ветер, туман, прикрывающий серой пеленою льды, сполз на море.

С капитанского мостика заметили черную полосу вдали земли, обвернутую в ледяные одеяния. Открытая суша отделялась от мыса Челюскина небольшим проливом шириной приблизительно в двадцать-тридцать миль.

На следующее утро русская гидрографическая экспедиция заметила на горизонте скалистую цепь горных хребтов. Корабль подошел вплотную к неизвестному побережью. Перед глазами моряков открылась мрачная земля с высокими горными хребтами, уходящими вглубь материка.

Ледяные поля, оторванные ветром от ледяного припая, ушли на восток.

Ледокол „Вайгач" остановился у западного берега новой суши для определения астрономического пункта.

„Таймыр", пользуясь образовавшимися полыньями и разводьями, устремился вдоль восточного берега на север, производя с далекого расстояния съемку и морскую запись земли.

Извилистая береговая линия тянулась на несколько сот миль. Состояние льда дало возможность кораблям пробиться до 81° северной широты, пройдя 250 миль вдоль берега.

Кончалась навигация. Итти дальше корабли не рисковали. На Северной Земле, первоначально названной Землей Николая II, Вилькицкий произвел высадку членов экспедиции для водружения национального флага. Через несколько дней корабли повернули курс на юг.

Северная Земля, по описанию участника экспедиции — доктора Старокадомского, имеет в северо-восточной и юго-восточной частях возвышенности, достигающие 450-500 метров. Плоские горы кое-где поднимаются над поверхностью моря, а иногда тянутся прибрежной полосой.

В 1915 году экспедиция Вилькицкого прибыла в Архангельск. С тех пор Северная Земля не видала ни одного человека. Западный берег ее оставался неизвестным. Земля была нанесена на карту ввиде береговой черты. А за ней было белое пятно. Это пятно у сибирского побережья стало проблемой для полярных исследователей.

Экспедиция Вилькицкого сделала лишь робкие наметки очертания восточного берега. Описания геологического строения и природы этой таинственной для геофизиков страны экспедиции не удалось произвести. До обследования Северной Земли группой Г. А. Ушакова не было даже известно, что эта земля собой представляет: несколько островов или один, разрезанный на несколько частей? До сего времени мы не можем найти точных границ Северной Земли ни на одной карте. Не знаем и глубин омывающих ее морей. Нечего говорить о том, что и гидрологический режим Сибирского моря в этом районе не изучен: неизвестны и условия плавания у ее берегов. Фауна, флора — все это было загадкой. Промысловая ценность Северной Земли не была выяснена. Советское правительство обязало Арктический институт построить на западных берегах Северной Земли радио-метеорологическую станцию и начать, опираясь на станцию, планомерное изучение этой земли.

Начальником колонии был рекомендован коммунист-краснознаменец Г. А. Ушаков.

Замечательный жизненный путь этого смелого и энергичного человека заставляет меня дать небольшую выдержку из его биографии:

Г. А. Ушаков родился в семье амурского казака, станицы Семеновской, находящейся возле отрогов Яблонового хребта недалеко от китайской границы.

В станице Семеновской не было школы.

Отец Георгия Ушакова для обучения сына грамоте изобрел свой доморощенный способ.

Отец спрашивал:

— Егорка, покажи букву О.

Мальчику нужно было согнуться колесом.

— Хорошо, а теперь изобрази букву Г.

Для этого нужно было встать в струнку, подобрать голову, вытянуть вперед правую руку, согнуть ладонь.

— Настоящий казак: и азбуку будет знать, и крепок телом будет,— так говорил старый отец, довольный успехами сына.

Г. А. осилил домашнюю грамоту. Его потянуло в город учиться.

Отец встал на дыбы.

— Рабочая сила не должна покидать дом.

Книг, кроме житий святых да священного писания, не было, и Егорка задумал учинить побег из родной станицы.

Ночью, когда все спали, он сбежал с приятелем в город. До 1916 года учился в городе, затем пришло известие, что заболел отец, мать хворает, да и хозяйство, того гляди, погибнет.

Г. А. Ушаков днем посещал школу, а вечером бегал с газетами по городу; весь заработок отсылал в деревню. Берег каждую копейку.

Жил впроголодь.

Спал на скамейках в саду, а зимой в ночлежках.

В годы гражданской войны Ушаков понял политику закабаления царского правительства. Бой под Благовещенском был для него боевым крещением.

Позднее мы видим Ушакова в партизанском отряде Тетеркина-Петрова, оперировавшего в Сучанском районе

— Били Колчака и в хвост и в гриву,— часто говорил матросам на ледоколе Ушаков, вспоминая борьбу со ставленником Антанты.

— Здорово дрались. Нам попадало, а все же ему — амба.

В затишье, будучи партизаном, Ушаков не бросал ученья в Хабаровске.

Интервенты напали на город.

Г. А. Ушаков снова бросает школьную скамью и бежит в лес к Тетеркину-Петрову партизанить.

Отряд Тетеркина вскоре переходит на левый берег Амура и целиком входит в состав Народно-революционной армии, где Ушаков находится до конца 1920 года.

Весна 1920 года застает Ушакова в Дальневосточном государственном университете.

Белогвардейский переворот во Владивостоке заставил его перейти на полулегальное положение. В университете под руководством партийной организации, работавшей в подполье, была организована комгруппа, занимавшаяся в то время печатанием воззваний к партизанским отрядам приморья.

— Были и такие методы работы,— рассказывает Ушаков.— Социал-соглашатель, проф. Кохановский преподавал политэкономию. Он еженедельно обращался к студентам с просьбой отпечатать ему лекции. Мы охотно шли на это дело и, под ширмой соглашательской работы Кохановского, ночью, под носом начальства, отпечатывали заодно и по несколько тысяч прокламаций компартии.

В 1922 году Ушаков был принят кандидатом ВКП(б).

— Деньги на учобу,— рассказывает Ушаков,— приходилось добывать уроками, но больше всего копанием могил на городском кладбище.

Летом в 1922 году после переворота генерала Дидерихса Ушакову пришлось снова бежать в партизанский отряд Анучинского района. Осенью того же года Ушаков вместе с Красной армией входит в г. Владивосток. Из губревкома, где он работал инструктором, Ушаков ушел на действительную службу в ряды Красной армии; на службе он находился до 1924 года. Свободное время посвящал работе в средних школах и рабочих кружках.

В 1925 году Ушаков добровольно поехал в деревню культпросветчиком и избачом.

С рудника в Дерюхинском районе, где он руководил партийной организацией, он был приглашен работать в Госторг.

В 1926 году крайком ВКП(б) командирует Ушакова начальником-организатором первой экспедиции на остров Врангеля.

На этом острове, всецело оторванный от всякой связи с культурным миром, Ушаков, проводя большую просветительную работу среди поселенных на острове эскимосов, завоевал их любовь и уважение.

Три года прожил Ушаков на острове Врангеля.

Через три года, когда приезжает новая смена, эскимосы просят:

— Не уезжай, большой начальник,— скучно будет, очень скучно.

Северные зверобои провожали Ушакова на Большую Землю почти со слезами.

Север покорил амурского казака. Через год Ушаков обратился к председателю Арктической комиссии при Совнаркоме С. С. Каменеву с докладной запиской:

Экспедиция Вилькицкого дала возможность ученым узнать положение южной и отчасти северной оконечности восточного берега Северной Земли. Западные берега остаются до сих пор неизвестными.

Северная Земля должна быть Советской.

Мы высадимся на западной стороне Северной Земли, построим там небольшой домик с радиостанцией, склад, баню и скотный двор.

В марте месяце 1931 года отправимся в круговой обход на собаках. За первую зимовку мною намечен маршрут протяжением 1200-1500 км, примерно такой же — и на второй год.

Продовольствие оставим на три года. В случае неприхода по каким-либо причинам смены на третий год мы покинем Северную Землю и уйдем на собаках через пролив Вилькицкого на Таймырский полуостров.

Для сорока самоедских и колымских собак мы завозим корм — пеммикан с расчетом на один год; расходовать его придется только во время санных экспедиций и на случай возвращения отряда на материк. Остальной корм собакам будет добываться промыслом. Состав малочисленного отряда: охотник-промышленник Сергей Журавлев, зимовавший около четверти века на Новой Земле. Охотник Журавлев, помимо боя морского зверя и ухода за собаками, будет проводить вспомогательную работу по сопровождению основной разведывательной партии на первые 250 км пути; затем, по встрече партии при ее возвращении, остальное время он будет находиться на базе или вблизи нее.

Тов. Журавлев не берется в состав экспедиции потому, что втроем гораздо труднее итти и запас продовольствия надо брать гораздо больше. Мы расстанемся с Журавлевым во время похода там, где будут на исходе запасы провианта, взятые на его нарты.

С двумя полными санями продовольствия мы двинемся дальше, а он вернется на базу с тем, чтобы к определенному намеченому сроку по первому известию нашего походного радиопередатчика выехать навстречу с новым запасом провианта.

Весь маршрут думаем пройти за четыре месяца, делая в сутки по 10-15 км.

В основном маршруте будут участвовать двое — я и инженер-геолог Урванцев. Наша очередная задача — выяснить: представляет ли собой Северная Земля один большой остров, или большой архипелаг. Это имеет колоссальное значение, ибо поможет сразу узнать, в какой зависимости находится распределение льда в Карском море от положения Северной Земли.

На пути мы будем производить точную съемку суши, наносить ее на карту, определять астрономические и магнитные пункты и производить геологические и геоморфологические наблюдения.

На второй год предположено точно так же обследовать южную половину Северной Земли, проделать несколько пересечений, пройдя поперек землю с барометрической нивеллировкой.

На станции будут организованы метеорологические, гидрологические, аэрологические наблюдения. Передача их через имеющуюся в отряде коротковолновую радиостанцию даст возможность следить за научноисследовательской работой нашей партии.

На долю четвертого моего спутника — ленинградского комсомольца Василия Ходова выпадает исключительная героическая работа. Он один втечение долгих, неприветливых, однообразных северных месяцев, когда уйдут вглубь острова его товарищи, будет обслуживать метеорологическую станцию, поддерживать по радио связь с материком.

Шквалистый ветер, пурга, метель, вьюга, буран, ураган, шторм, буря, постоянное непрошенное нашествие медведя будут побеждены исключительным вниманием, которое проявляется к членам Арктической правительственной экспедиции и советским правительством, и широкими слоями трудящихся, и научными учреждениями. ▫

ОСТРОВА С. С. КАМЕНЕВА

Мертвая ледяная страна, одичалая в многолетнем одиночестве, встретила в своих владениях „Седова“ грохотом и скрежетом льдин.

Корабль, скрипя бортами о ледяные плиты, словно несмазанная арба, медленно пахал нетронутую целину Карского моря.

Синее „водяное небо“ указывало путь к чистой воде. Ледяной шквалистый ветер подгонял корабль все ближе и ближе к западным берегам Северной Земли.

13 августа. Полдень. 79° 19′ с. ш. и 91° 40′ в. д. мы наконец увидели в 10 милях берег Северной Земли. Итак, цель наших упорных стремлений достигнута! Берег, покрытый ледяной шапкой, по мере приближения стал окутываться облаками. Везде навесы снежных сугробов. Над морем бирюзовая стена льда. Сахарные горы с каждой минутой возвышались все больше и больше. Когда нападал туман, казалось, что горы уходят за горизонт. Но они снова появлялись на старом месте. Да, это земля. На севере, где круто оседал черный выступ скалы, неожиданно вырос ледяной сад. С корабля ясно были видны белые силуэты деревьев, засыпанных снегом, с опущенными мохнатыми ветвями.

Сомнений не было: перед нами была рефракция, полярный мираж, обман зрения, вызванный преломлением лучей над ледяной поверхностью.

Ушаков, как только заметил землю, совсем перестал спускаться в кают-компанию.

Один, забравшись на бак, он долго и пристально всматривался в искаженную рефракцией поверхность суши.

— Георгий Алексеич, обед стынет...— заботливо приглашает откушать свежих щец наш потомственный буфетчик Иван Васильевич.

Обед и ужин и еще раз обед пропустил Ушаков.

— Земля! Белое пятно. Стереть! Донести правительству об исполнении.

Льды, не тронутые ни набегами морских волн, ни ветрами. каменной стеной встали перед тараном „Седова“.

— Владимир Иванович,— обратился Ушаков к капитану,— почему стоим?

— Машина не берет, лед точно сталь,— как всегда хладнокровно ответил Воронин, крутя правой рукой белокурый ус.— Постоим, товарищ Ушаков, посмотрим, а там видно будет.

— Стоять не время...

— Не ерепенься, парень, сказано: доставим на берег,— и баста. Да, да! Доставим.

Но Ушаков, боясь срыва задания, поспешил к начальнику экспедиции.

— Отто Юльевич, стоим?

— Стоим.

— Как же?

— Обождем.

— Капитан сказал: „Смотреть будем". Ждать будем. Как же это?..

— Придется обождать.

— На лед мое имущество, на лед,— на собаках перевезу на берег, сам построю дом! Вы зазимуете, если будете мешкать, ждать нечего!

На лед! На собаках все сам...

Отто Юльевич смехом встретил предложение северного партизана.

— Георгий Алексеевич,— добродушно заметил Шмидт,— на лед всегда поспеем. Надо не спешить, место поудобнее требуется выбрать для станции. Капитан предложил произвести ледовую разведку.

Засияло лицо Ушакова:

— Тьфу, а я думал...

— Ну, ну, давай в разведку, через час выходим.

На палубе кочегар Московский настойчиво упрашивает своего друга:

— Отработай вахту, в любой шторм заменю, хочется первому с учеными людьми побывать на берегу.

Московский вместе с нами отправился в разведку.

24 августа, в 7 часов утра под начальством Шмидта пошли выяснить, можно ли пристать и высадить на этом месте наших зимовщиков.

Путь к острову был сплошным мученьем.

Высокие розовые ропаки представляли собой ряд хребтов. Каждый из них приходилось брать приступом.

Идем гуськом.

Впереди с палкой в руках опытным глазом окидывает ледяные пространства проф. В. Ю. Визе. Чутьем и давно выработанной сноровкой полярника ведет он нас по ледяному припаю вперед, но стоило только ему остановиться для обсуждения со Шмидтом трудности перехода, как вперед вынырнули Горбунов, Громов, я и другие.

Извилистый берег, когда мы забирались на торосы, казался совсем близким.

Расстояние обманывало, черные предметы на белом всегда кажутся ближе, чем на самом деле. Нажимаем. Каждому из нас хочется первому вступить на землю.

Обгоняем друг друга.

Но на пути встречаем большую трещину, пришлось далеко обходить ее с востока; гуськом итти неудобно, разбились на две партии. В одной вожаком оказался Громов, а в другой руководство пришлось принять мне.

Мой путь был более удачным.

Высоких ропаков было значительно меньше, что облегчало наше желание добраться первыми во что бы то ни стало. Десятки раз проваливался я по пояс в сугроб, вяз по шею в рыхлом снегу, не сбавляя скорости ни на одну секунду. Вскоре все от меня отстали.

Я вышел на ровное поле и вразвалку, не спеша, подошел к острову.

На обрыве, где было порядочно нанесено свежего снегу, я вытоптал четыре огромных буквы

СССР

и только после этого ступил на землю.

Остров, занесенный рыхлым снегом, производил потрясающее впечатление. Он был окружен со всех сторон абсолютно непроходимым льдом,— он был недосягаемой крепостью для ледокола.

— Георгий Алексеевич, ну, и владения ваши — ледяной саркофаг какой-то,— заметил кочегар Московский, вышибая ногой из мерзлоты белый панцырь ракушки.

Георгий Алексеевич удивленно посмотрел на кочегара.

— Слушай, Московский, откуда ты знаешь такие вещи, как саркофаг?

— Саркофаг? А я читал, как египетских фараонов хоронят.

Усталые, вернулись на ледокол. Первая попытка высадиться не увенчалась успехом.

Наступили решающие дни. Или зимовать всем вместе, или немедленно найти остров, где можно было бы выгрузить продовольствие, сколотить дом, построить станцию.

Капитан не унывал. Он давно заприметил на горизонте все растущую темную полосу водяного неба.

Ветры играют, разводятся льды.

Неугомонный „Седов" замутил воду и снова пошел на север к темной полосе неба,— к открытой воде.

В судовом журнале этот день отметили записью:

▫ Обходя тяжелый труднопроходимый лед, повернули на зюйд-вест, чтобы выйти на чистую воду — исследовать берега Северной Земли в поисках наиболее удобного места для стоянки судна и высадки зимовщиков.

Встретив береговой припай, повернули на норд-ост, отшвартовались у припая, стали в расстоянии одной мили от берега. Припай сильно торосистый, с большими заломами у берегов. Гладкие поверхности припая протаяли, покрылись свежим льдом и снегом. Берег занесен снегом, сильно извилист, высок и полог к воде. За береговой чертой видны все время сильно искаженные рефракции высоты, покрытые голубыми ледниками. К острову пристать не было возможности. Капитан заметил защищенную бухту с открытой водой и направил ледокол по курсу на темноголубое небо. ▫

Летний снег белой сиренью падает на землю. Светлосерые известняки заметаются поземкой, ветер крутит на обрывах кудреватые заструги сугробов.

Конец августа.

Где-то далеко на юге зреют плоды, наливаются антоновские яблоки.

Спелая, сочная рожь ссыпается в уемистые, элеваторы.

А здесь — картина начала зимы: холод, стужа, метель, поземка.

Заскрежетала тяжелая ржавая якорная цепь, на палубе затопали, забегали матросы.

— Трави!..

В последний раз пловцом нырнул якорь на яйцеобразные морские валуны.

Мы остановились в 500 метрах от намывной косы, отделяющейся от моря валом известнякового щебня, образовавшегося отчасти прибоем, а главное от выпирания льда с моря.

— Здесь будет строиться станция...

Трудность похода, риск застрять во льдах, опасность быть раздавленными — все осталось позади. Ледокол „Георгий Седов" донес-таки свое красное знамя к далеким неизведанным берегам Северной Земли!

— Здесь открывается новая радио-метеорологическая станция!

Начальник экспедиции в телеграмме рапортовал правительству:

▫ ...Седов встал на якорь у берегов Северной Земли. Этот успех достигнут после трех неудачных попыток, стоивших нам много сил и драгоценного времени. Задачей было достичь северо-западной части Северной Земли у широты 79° и там построить станцию. Сначала мы попытались итти северным путем от Новой Земли к северу, а затем по 79 параллели на восток. По пути мы открыли остров Визе, но дальше продвинуться не могли из-за чрезвычайно тяжелого льда. Отошли, ломая лед, далеко к югу и, обогнув остров Уединения, направились к южной части Северной Земли. Здесь были остановлены мелями, усаженными неподвижным льдом, и вновь пошли севернее.

23 августа увидели наконец твердую землю, но подойти вплотную не могли,— от берега отделяла трехкилометровая полоса ледяных торосов в два человеческих роста, через которые перевозить грузы было невозможно.

Между тем началась зима. Выпал снег, проходили все сроки к обратному пути, вплотную надвигалась опасность зазимовать. Тем не менее подались еще севернее и сегодня были вознаграждены: нашли подходящее для выгрузки место.

Находимся на широте 79° 24′ норд, 91° 03′ ост.

Судя по западным берегам, впервые достигнутым нами, Северная Земля — архипелаг больших и малых островов.

На одном из них будем строить нашу научную базу и радиостанцию. Этот остров нами назван „островом Сергея Каменева“ в честь нашего зам. наркомвоенмора и бывшего главнокомандующего в гражданскую войну, оказавшего исследованиям Арктики незаменимые услуги в качестве председателя Арктической комиссии Совнаркома...

И началось:

— Майна!..

— Вира!..

— По-лун-дра!

Корабль ожил. Запели лебедки. Кудри белого пара, расчесанные ветром, молочными струйками слетали с бортов к воде и били по волнам белыми крыльями.

Маленькая разведывательная шлюпка остановилась у круто срезанного ледяного припая.

Люди вбежали на берег.

Здесь будет станция.

Люди в меховых одеждах с рулеткой в руках на пологом берегу очертили место.

— Строить...

Глаза Ушакова радостны.

— Можно...

На клочке земли инженер-строитель резко провел четыре линии и замкнул их в квадрат.

— Здесь будет поставлен дом, рядом — сарай, а выше мы вдавим в плато острова радиомачту.

На чистом ледяном паркете земли, застланном пуховыми коврами снега, прошли первые люди.

Кривой стежкой пробежала человеческая тропа от берега на вершину острова.

Пустынная мертвая земля услышала голоса:

...Звезды и земля подвластны нам...

Следы. Снег. Следы. Голоса Крики.

...Земли подвластны нам...

Северная Земля перестала молчать.

К О Н Е Ц М О Л Ч А Н И Ю

— Трави!..

— Майна!..

— Вира!..

В пузатую шлюпку и в широкий баркас осторожно спускались консервные ящики, патроны, мешки с мукой, крупой, сахаром. Моторный катерок, зарываясь в идущую от берега зыбь, бежит, держа на канате тяжелые груженные шлюпки.

Руководящий состав: Шмидт, Самойлович, Визе и Воронин, боясь зимовки, мобилизовали все имеющиеся силы на выгрузку трехгодичного запаса продовольствия, снаряжения, научных приборов, а также материалов для постройки жилого дома с сараем и для сооружения радиомачты.

На стене кают-компании и в красном уголке в первый же день прихода висел приказ:

1. Для успешного проведения работ на Северной Земле все члены экспедиции мобилизуются для работ по указанию начальника зимовки тов. Ушакова и его заместителя тов. Урванцева.

2. Все разбиваются на две вахты, каждая вахта работает по 8 часов в день. Вахтенными назначаются проф. Савич и доктор Лимчер.

3. Научные работы членов экспедиции должны производиться в свободное от работы время.

Нач. экспедиции О. Ю. Шмидт.

Начались субботники в Арктике.

Звенел топор, жужжали пилы, стучали ломы, пешни. Подхваченное эхо раскатами грома текло по пустыне вечной мерзлоты.

Социалистическое соревнование проникло в Арктику.

Первая вахта вызвала вторую.

На высоком рыжем холме, откуда открывался вид на море, члены экспедиции вгрызались лопатами в застывшую девственную массу камня и льда.

Мертвый камень тяжел и неповоротлив.

Бьют люди в мерзлоту, мелкими брызгами вылетает земля, играя на солнце кристаллами льдинок.

...Еще разик, еще раз
Эй ухнем, эй ухнем!
Еще разик, еще раз...

доносится с берега песнь матросов; они катят под напевы по снегу железные бочки с бензином.

Внизу, на морских наносах, рос, как копна, свежий, пахнувший смолой, бревенчатый домик.

Архангельский печник, старик Аркадий Коковин, в солдатской телогрейке, привезенной им еще с времен японской войны, ловкими движениями раскатывает глину. Присмотритесь, как быстры и точны его движения. Стужа и холод. Чуть, замешкаешься,— и глина превращается в камень. Аркадий Коковин как ребенка подбрасывает глину кверху, то колотит, то согревает ее руками, то мнет ее заскорузлой ладонью.

— Глина — самое важное, кирпич без глины не держится, а без печки жить немыслимо: земля-то — что твоя мачеха; печеньку надо хорошо и обмозговать и обмазать. Правильно я говорю, ядреный корень?

Сорок с лишком лет кладет Коковин русские печи. Сорок с лишком лет не был столь радостен в работе старик, как сегодня.

— Вот дожил! Правительственный комиссар и профессора кирпичи подают. Диво! Деревню бы сюда, поглядели бы хоть краем глаза. Приедешь — не поверят: „заливаешь“,— скажут мужики да сплетни пускать будут... А мальчишки вовсе ходу не дадут:

— „Профессорский учитель“ идет, дорогу дайте...

— Аркадий Петрович (кстати, его назвали так первый раз в жизни), приедешь из Арктики, в нашем клубе доклад расскажешь; ты же ученый будешь, ледяные страны увидишь там,— вспомнился старику разговор с комсомольцами.

Загорелись багрянцем щеки у старика.

— Ну вас с докладом. Кирпичей давайте, печку строить надо.

Бегут ребята, принесенные кирпичи складывают в высокую поленницу у ног Аркадия Коковина.

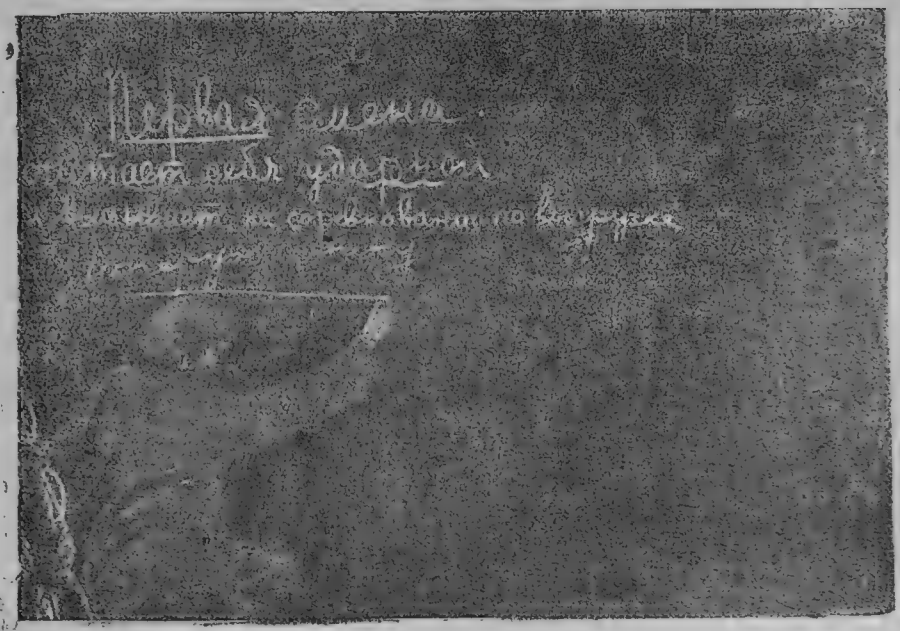
— В колхозе хорошо. Жить звали...

— Про что это ты, старик? — заметил плотник, застилающий потолок широкими ребрами досок.

— Да это я так, деревню вспомнил.

Аркадий Коковин только тут заметил, что нет кирпичей: профессора всегда опаздывали с подноской.

— Эй, кто там, кто там? Кирпичей нет!



Соцсоревнование проникло в Арктику

Обслуживающий постройку дома и помогающий печнику проф. Р. Л. Самойлович поднес десяток огнеупорных красных брусков.

— Не поверят, а ведь профессор, начальник экспедиции на „Красине“ вроде подручного мне. Здорово!

На рыжем холме уже приступили к рытью ям. Асфальтированная земля гнет края у стальных лопат, тупит острие у крепкого лома. Без отдыха целые сутки стучим пешнями, выкидываем лопатами каменисто-ледяной студень. Вечером, когда поднялся морской ветер, когда на воде заходили стада моржей и нерп, мы, забыв обо всем, ставили пятнадцатиметровые бревна в глубокую круглую яму.

Несколько раз, грозя размозжить наши головы, бревно соскальзывало с багров и летело вниз к удовольствию кинооператора, вращавшего ручку аппарата.

Помогли матросы. Мачта шпилем вытянулась вверх. Спущенные с корабля собаки пушинками разлетелись по мертвому пустынному острову и закружились хороводом у поставленной мачты.

Сильный ветер и снег задерживают выгрузку с корабля. Матросы, кочегары и члены экспедиции перебрасываются на постройку дома и фанерного склада.

Две холмогорские коровы, привязанные к поленнице дров, озябшие и голодные, стоят на ледяном полу. Искусственная пальма, зачем-то привезенная сюда кинооператором, густыми ветвями спустилась над холмогорками. Коровы вздрагивают и мычат, когда на поверхности воды показывается безобразная голова сопящего моржа.

Большая Земля по телеграммам узнала о достижении „Седовым" западных берегов Северной Земли.

В Ленинграде во время заседания Международной арктической комиссии председатель неожиданно для всех приостановил докладчика.

— Товарищи, только что получено извещение:

▫ ...Заканчивается постройка дома — первого в истории поселения на островах Северной Земли. Работа происходит под непрерывным снегом при бурном ветре и при ежечасной опасности, что ветер переменит направление на ледяные поля, выжмет ледокол на берег, либо заставит уйти, не кончив дела. Поэтому взяты крайние темпы. Пока команда ледокола день и ночь выгружает, члены экспедиции работают на берегу вместе с плотниками по строительству радиостанции. Острова Сергея Каменева только на 90 км южнее станции Земли Франца-Иосифа (самая северная в мире). Научное значение станции острова С. С. Каменева огромное ввиду величины района, который будет исследован, базируясь на ней.

Велико непосредственное, практическое значение наблюдения погоды в северо-восточной части Карского моря... ▫

Слушают седые академики, голос председателя кремнем высекает слова из телеграфного бланка.

▫ ...Климат на Северной Земле суровый.

Условия гораздо тяжелее, чем на Земле Франца-Иосифа, связь очень трудная. На зимовку остаются только четыре человека, но люди эти исключительные, за работой их будет следить весь мир. Их имена: Ушаков, Урванцев, Ходов и Журавлев. ▫

Рытье ям в вечномерзлой почве для установки радиомачты

Эти четверо собираются за два-три года объехать все побережье, полностью нанести на карту Северную Землю, выяснить ее охотничьи богатства и полезные ископаемые.

Все трудящиеся СССР поддержат их своим любовным вниманием.

Нач. экспедиции О. Ю. Шмидт... ▫

Голос председателя смолк.

Молчит конференция академиков.

Мертвая пустынная земля стала советской.

Встал президент Академии наук Карпинский. Белые волосы снегом упали на плечи.

Карпинский имеет слово:

— ...Советские исследователи взяли неприступную ледяную крепость. Взяли Арктический перекоп. Многим иностранным экспедициям не удавалось пробиться в этот район, честь открытия западных берегов принадлежит советской экспедиции, всем нам, всему пролетариату мира...

Теперь мы имеем возможность определить размеры Северной Земли и приступить к систематическому изучению этого крупного форпоста Советского Союза в его азиатском секторе...

Москва — Ростов-Дон — Сталинград — Свердловск — Киев — Архангельск поздравляли „седовцев" с выполнением задания правительства.

Радисту Гершевичу приходилось по несколько вахт кряду принимать идущие без конца приветственные телеграммы.

Известный полярный исследователь, сподвижник Амундсена, шведский проф. Свердруп прислал восторженное письмо по радио:

▫ ...Сообщение профессора Шмидта очень обрадовало всех, интересующихся исследованиями полярной области. Наконец-то возможно будет совершить вполне научное обследование и изучение этой малоизвестной арктической земли.

Достижение Северной Земли — новый этап научной работы. Лично я не сомневаюсь в том, что метеорологическая станция на Северной Земле сыграет большую роль в практической работе по научным предсказаниям погоды и вообще значительно поможет исследовательской работе по изучению приполярных областей.

То, чего давно добивались, то, о чем давно мечтали полярные путешественники всех стран, теперь достигнуто.

Крупный шаг к победе человека над полярными далями и льдами сделан еще раз, и сделали этот шаг ученые и моряки СССР.

Я поздравляю советских полярников с этой новой блестящей победой, столь важной для разрешения загадок „Страны молчания"... ▫

Телеграммы с материка воодушевляли к работе. Североземельские зимовщики, сменяя друг друга, сидели у моторной лодки.

— Московский, потабань!

— Есть табань.

— Захлестни узел!

— Езжай, готово!

Зарываясь в воде, моторка без устали тащила к берегу все новые и новые запасы снаряжения. Берег исхожен, груды ящиков, бочек, мешков, корзин, чемоданов загромоздили весь ледяной припай.

Поземка подскочила к штабелям досок, закрутила метелицу, нанесла сугробы. Ветры срывают брезент, прикрывающий продовольствие, стучат по листам кровельного железа.

Вася Ходов закончил вахту на моторке, сошел на берег. Жмутся матросы, озябшие ноги выстукивают дробь.

— А, ну-ка, помогите соорудить клуб,— хозяйским тоном сказал Ходов.

Быстро были поставлены и скреплены пять фанерных листов. В маленький „арктический клуб" едва вместились три венских стула.

Кривыми буквами намалевали надпись:

КОМНАТА ОТДЫХА КУРИТЬ ОПАСНО

Рядом с клубом, как только переступишь порог, важно развалились пузатая оцинкованная ванна и круглые медные тазы.

— Купаться будете в роде буржуазов,— сболтнул кто-то.

Шелестит ветер, шелестят нелепые здесь, словно намазанные зеленой краской, листья искусственной пальмы. Коровы уже привыкли к появлению моржей, не пугаются. Они пережевывают безразлично свою бесконечную жвачку. Днем, когда янтарное солнце поднялось высоко над низкими темными облаками, я нацепил на серые валенки широкие охотничьи лыжи и побежал по ледяному проливу вдоль острова.

Черное зловещее море, обрамленное белым мрамором льдов, бьется каскадами брызг о серебристые айсберги и пенится желтой пеной у известковых берегов.

Я иду вдоль изогнутой косы смерзшихся камней, снега и льда. Иногда лыжи скребутся о бурые выступающие валуны. Десяток самоедских собак, сопутствующих мне, остановился на краю острова. Вдалеке соломенножелтым пятном показался белый медведь. Он шел необычайно медленно к кромке льда. Я перевел глаза с ледяных далей на море, на красивую панораму синих, как купорос, гор и на преспокойно кувыркавшихся в снегу самоедских собак-лаек. Кремовое пятно с каждой минутой росло на глазах. Медведь покачиваясь на льдинах, как аравийский верблюд на песчаных дюнах, подходил ближе.

Сзади меня раздался хруст. Екнуло сердце. Пропал. Слышу голос:

— Муханов, смотри: налево медведь прется.

Подошедший писатель Соколов-Микитов указал мне на второго медведя, идущего к нам с противоположной стороны.

— Ты без винтовки? Ай-ай...

— Я открываю спортивный сезон,— оправдываюсь перед писателем.

— Тебя могли закрыть на этом сезоне. Смотри, какие!

Белые медведи бежали к месту нашей стоянки.

Надо сообщить кинооператору. Без него стрелять нельзя. Мы двинулись обратно.

Море, лед, снег.

Медведи, обнюхивая наши следы, шли за нами. С корабля их заметили тоже. К берегу подошла шлюпка. Охотники вместе с кинооператором попрятались под навесами сугробов. Зверобой Серега Журавлев, как только медведь поравнялся с ним, выскочил, весь осыпанный снежной мукой, быстро присел на колени, вскинул винтовку, прицелился.

Животный страх охватил зверя. Мгновенно разрывная пуля размозжила вдребезги череп полярного владыки.

К концу шестого дня дом был готов.

Аркадий Коковин острым топором нащепал лучинок и осторожно положил в печку.

— Вася, зажги, я посмотрю на дым.

— Какой дым?

— Обыкновенный. Примета такая: если дым столбом, жилье вверх дном.

— Чудишь ты, старина...

Коковина не уговоришь; зажженная лучина затрещала, синий огонек побежал по щепкам, вспыхнули дрова.

— Труба дымится ровно. Печка — во!

Аркадий Коковин заломил большой палец, накрыл его ладонью, а сверху посыпал воображаемым песком.

— Образцовая печечка!

— Именно!

Плотники, закончив застил крыши, вставляли рамы. В стекла бил мягкий снег.

Северная Земля все больше куталась в зимнее платье. Сказочно росли сугробы, под голубым плащом снега скрывались рыжие выступы острова. Как странно! Там, где несколько дней привольно гуляли лишь одни медведи и отдыхали моржи, выросло новое советское поселение.

Группа советских Амундсенов
Слева направо: инженер-геолог Н. Н. Урванцев, начальник зимовщиков Северной земли Г. А. Ушаков, зверобой-промышленник С. Журавлев и радист Вася Ходов

Выстроенный уютный домик, состоящий из жилой комнаты, кухни и каморки, предназначенной для радиостанции, шестью окнами весело смотрел на море.

— Здесь прямо из окон тюленей можно бить! — заявил Журавлев.

Я дивлюсь: Серега мало озабочен тем, что в этой избушке так мало места.

— Э! В тесноте, да не в обиде. Мы работать приехали, а не отдыхать.

В ней в самом деле не плохо. В комнате устроены подвесные кровати, поставлены столы, стулья, у стен сложены приборы для точных измерений. Все приходит в порядок.

Североземельцы не думают об удобствах. У них нет кока (повара), нет и врача, нет служителя.

Повар, врач и служитель — коллектив. Это — Ушаков, Урванцев, Ходов и Журавлев.

— У нас будет тепло, все сделано крепко и уютно. Чего больше надо? — окидывая взглядом новостройку, говорит Ушаков.

ОТЪЕЗД

„Навигация кончалась". Льды белыми червями ползли в бухту. Надо уходить. Ледокол нужен на зверобойных промыслах.

Полученные с материка телеграммы намекали:

„...Скорей возвращайтесь, ждем результата работ..."

— Назад! — решил начальник экспедиции.

31 августа на берег переправили вещи зимовщиков. Перед отходом правительственный комиссар вручил Г. А. Ушакову полномочия.

> ...Георгий Алексеевич Ушаков назначается начальником Северной Земли и всех прилегающих к ней островов, со всеми правами, присвоенными местным административным органам советской власти.
>
> Г. А. Ушакову предоставляется, в соответствии с законами СССР и с местными особенностями, регулировать охоту и промысла на вверенной ему территории, ввозить и вывозить всякие товары, а также устанавливать правила въезда и выезда и пребывания на Северной Земле иностранных граждан...

В моторную шлюпку первым вошел Ушаков.

— Пожалуйте на новоселье!

Ушаков устал за шесть бессонных дней напряженной работы. К рулю сел заместитель — Николай Николаевич Урванцев, подавший, прежде чем сойти на землю, заявление в ячейку партии.

Н. Н. Урванцев — крупный ученый-общественник. Он известен как человек, исследовавший Таймырский полуостров втечение 12 лет. Он неустанно работал в изыскательских партиях, изучая неизвестный науке район. Врезультате исследований Урванцевым были на севере Сибири обнаружены богатейшие угольные массивы, а также цветные металлы, к разработке которых советское правительство уже приступило.

Перегруженная людьми шлюпка тащится тихо, мотор тарахтит и чавкает, как беззубая старуха.

Мы в последний раз у маленького бревенчатого домика, так похожего на старую русскую избушку. Как одинок он среди арктической пустыни! Проводов не было, было дружеское расставание с членами нашего коллектива.

— Товарищи! — обратился Шмидт к зимовщикам: — за Нансеном не было никого, за вами — страна строящегося социализма...

По мачте флагштока побежал красный лоскут материи, ветер развернул его. Советский красный флаг затрепетал и забился.

На Северной Земле открылась правительственная радио-метеорологическая станция.

— Северная имеет слово!

Глубокое волнение охватило собравшихся. На краткое напутствие ответил Ушаков:

— Слушайте, говорит Северная.

— Флаг, рдеющий над Кремлем, взвился на таинственной Северной Земле, до тех пор остававшейся белым пятном на географических картах. Горжусь доверием советского правительства и трудящихся СССР, обещаю быть вместе с товарищами достойным этого доверия. Сквозь льды, снега, туманы и полярные метели будем продвигать наш флаг все дальше и дальше к северу.

Николай Николаевич Урванцев не дал докончить,— добавил:

— Мы наметили два года пребывания на Северной Земле как минимальный срок. Если будут результаты, если потребует от нас Республика, с великой радостью останемся дольше.

Близкая разлука болью сжимает сердце.

Мой товарищ, радист-комсомолец Вася Ходов, насупив брови, стоит в стороне, готовясь что-то сказать.

— ...Завтра Международный юношеский день. Из дебрей Арктики „Комсомольской Правде“ и всему Ленинскому комсомолу, празднующему очередной смотр юношеских сил, передайте привет.

Губы Ходова вздрагивают, на щеках ходуном ходят два крепких желвака.

— Скажите там: Васька не подкачает. Он комсомолец, так и скажите: он не подкача...

— Качать Ходова!..

Взлетел Ходов на сильных руках, распахнулась шуба, распахнулась грудь.

— Довольно, хватит!

Вася подошел, сжал мою руку сильно; тепло и тихо сказал:

— До свидания, товарищ Муханов, увидимся к концу пятилетки.

Я отвинтил кимовский значок и пришпилил его к кожаной куртке Ходова:

— Первому комсомольцу, принесшему комсомольский билет в сердце Арктики...

Заблестели глаза у Ходова:

— Спасибо...

В полдень „Седов" поднял якоря.

Последнее пожатие рук происходит на спардеке.

Собаки смотрят с берега на корабль глазами, полными скорби и одиночества. У парадного трапа колышется северо-земельская шлюпка.

Гудок. Эхо. Холодная тишина. — — —

Матросы заторопились, они мяли руки зимовщиков, подолгу задерживали их, ничего не говорили, а только кивали головой.

Перед вторым гудком ко мне подошел Ходов и передал исписанный лист бумаги.

...В день Мюда, когда ледокол „Георгий Седов" покидает западные берега Северной Земли и место станции, расположенной на одном из островов архипелага Сергея Каменева, остающиеся четыре зимовщика этой еще совершенно не изученной земли шлют свой привет „Комсомольской Правде". Зимовщики, среди которых два партийца и один комсомолец, заверяют, что здесь, далеко в глубине Арктики они приложат все усилия, чтобы втечение своей двухлетней зимовки с честью выполнить возложенное правительством СССР задание по обследованию и изучению далекой части Советского Союза, лежащей в недрах Полярного бассейна.

Слышим второй гудок парохода. Скоро мы останемся одни, но мы уверены, что комсомол не забудет нас и будет держать постоянную связь по радио.

Ура комсомолу! Да здравствует Страна Советов!

Ушаков, Урванцев, Ходов, Журавлев...

Третий гудок...

Журавлев окинул всех веселым взглядом и уселся в шлюпку.

— Здесь жить можно!

Он привык бросать семью, товарищей, ва его спиной более десятка зимовок на островах Арктики.

Вася Ходов в первый раз принимает полярное крещение. Он держит себя смело, стараясь смехом прогнать приближающееся одиночество.

Ушаков и Урванцев не трогаются с места.

— Осторожней сходите, трап мокрый,— бросил капитан и почему-то отвернулся.

Снег. Густой туман. Море серо, облака черны и низки, как карниз придавленного старостью сарая.

Мы уже движемся.

Шлюпка провожает корабль, постепенно сливаясь с мутью тумана. Ушаков выхватил ракетный револьвер и несколько раз выстрелил в воздух. В ответ прогремели дружные залпы седовцев.

Выстрелы. Эхо. Тишина. Туман. Выстрелы. Эхо. Серое море и снова туман. Лодка скрылась во мгле. Но доносится еще:

— До свидания...

Когда увидимся?

Молчит земля, не отвечает море, только откуда-то издалека рвутся беспорядочные глухие выстрелы.

„Седов" дал „средний ход". Скрылись очертания берегов архипелага С. Каменева. Острый шпиль потонувшей в тумане радиостанции одиноко плавал в его разливах.

Скрылся и шпиль.

Пройдя береговую полосу тумана, мы вышли в море. Открытая вода простиралась к северу. У подножья островов крутила пурга, дымил и курился голубой снег.

„Летучка". Руководящий состав экспедиции предложил:

— У нас есть время, трюмы полны топливом, попытаемся пробиться на норд, чтобы выяснить протяжение Северной Земли; произведем промеры глубин.

Все знали, что, забираясь в это время в высокие широты, мы рискуем стать изолированной пловучей крепостью в дрейфующих льдах. Но зимовка не страшила. Капитан Воронин направил курс корабля вдоль берегов Северной Земли. Море пенилось гребнями волн. К вечеру на 81 параллели мы натолкнулись на льды. Таких упругих ледяных полян еще ни разу не встречал „Седов". Стальной форштевень с невероятнейшим трудом раскалывал сиреневатые перевалы ледяных плит.

Далеко, поднявшись над ледяной страной, высился огромный остров, укутанный бирюзовым покрывалом льда. Ледяной барьер преградил ледоколу путь.

Это было на 80° 58′ норд и 90° 33′ ост.

— Застрянем во льдах!

Капитан забеспокоился и бросил в машинное отделение:

— Стоп!..

— Полный назад!

Приказание исполнено. Корабль покинул льды и вековые торосы, направился на юг, в Архангельск, закончив за два месяца задание, данное Арктическому институту на два года.

▫ ...„Седов“ вышел из льдов в обратный путь. Продолжаем вести научные работы, останавливаемся для них через каждые 30 миль (50 км). Свежий ветер. Освобожденный от груза ледокол сильно качает, тем не менее работа идет. Производим химический анализ морской воды с разных глубин и течений, определяем планктон (мельчайшие организмы воды). Тралом вытягиваем со дна целые горы причудливых морских звезд, разнообразнейших раковин, медуз, мелких рыб,— целый своеобразный мир раскрывается перед взором ученых. Идем к новой земле.

Нач. эксп. Шмидт. ▫

Бои со льдами ушли в прошлое. Свирепое Карское море встретило нас штормом. Мы летим в бунтующем океане.

Водяные горы обрушиваются на корабль, катятся по палубе, бьют по бортам и рассыпаются миллиардами холодных брызг. В темном трюме железные бочки с бензином перекатываются бильярдными шарами.

— Крепите!..

— Спасательные!..

— Шлюпки!..

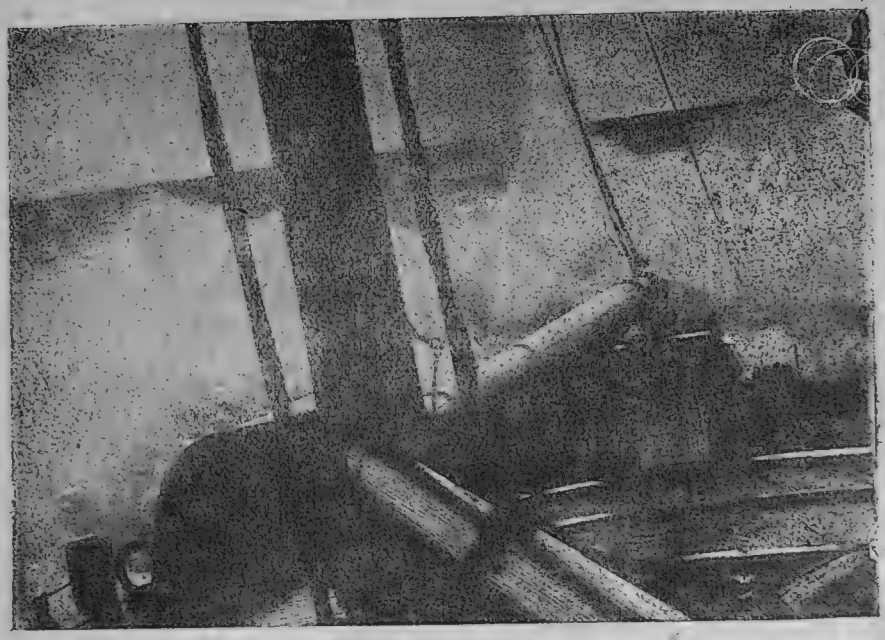
Голос боцмана заглушается штормом. Волна бьет по круглым иллюминаторам кают-компании. Разбитая фаянсовая посуда звенит.

По палубе кто-то идет, пошатываясь и напевая:

...В последний рейс,
Моряк, плыви.
Пой песню, пой...

Обогнув мыс Желания, „Седов“ вошел в Баренцово море.

Уже поздняя осень стояла в Арктике. На небе вечерами появлялась лучезарная арка вроде огромной сверкающей радуги. Сполохи зажигали темную синь небосклона отблесками пожара. Они сначала вспыхивали тонкими изумрудными лентами, потом распадались на огневые змейки, вившиеся вокруг пылающего столба полярного (северного) сияния. Белое море прошли в солнечную погоду. Радостным румяным утром капитан Воронин ввел корабль в широкую Двину. Он ходит в Арктике без лоцманов, не нужен лоцман и в родной реке.



Мы летим в бушующий океан

Навстречу, заломив трубы, шли иностранные пароходы, груженые советским лесом. Чижовка. Контрольный пункт.

— Стой, кто идет?..

— Ледокол „Георгий Седов".

— Откуда?

— От ворот полюса!..

— Откуда??

— С края земли!

— Откуда???

— С Земли Северной.

— Проходите...

Зеленые луга, заводские биржи тянутся по обе стороны серебряной реки. На берегу люди. Как их много! Машут руками.

— Лево на борт!

— Есть на борт!

Юркий катерок сделал крутой вираж, как говорят, „срезав нос", и пошел рядом с ледоколом. Его гудок, тоненький и звонкий, потом — второй и третий как будто говорят:

— Добро пожаловать...

Простуженный бас „Седова“ отвечает с шипением, с придушенным кашлем и хрипом:

— Спа-си-бо...

Виднеется знакомая Красная пристань, запруженная народом.

Моторная лодка „Молния“ оторвалась от берега и пошла навстречу ледоколу. Стоящий посреди шлюпки человек в форменной фуражке весело кричит в рупор своих широких ладоней:

— К хо-ло-диль-ни-ку!...

— Ну, вот, из Арктики и снова на мороз!— не удержался и сострил чисто выбритый, при галстухе и в шляпе, наш веселый кочегар Московский.

Вечером, когда город потонул в разливе электрических фонарей, Архангельский клуб водников был набит до отказа. Седовская экспедиция рапортовала о завершении задания правительства.

Зал молчит, внимательно слушает. Говорит Шмидт.

— Экспедиция закончена. Собранный научный материал, представляющий всемирный интерес, рассортирован по исследовательским учреждениям. Далеко, на островах Сергея Каменева, в ледовом окружении, под красным флагом Страны Советов началась подлинная героическая борьба советских зимовщиков за освоение Северной Земли....

Прибоем бьются аплодисменты.

▫ ...Перемены мирового значения происходят на русском континенте,— пишет буржуазная газета „Тагебух“ (Берлин, 1 февраля 1932 года).—Первая пятилетка, выполняемая к концу 1932 года, дала громадные результаты. Контуры второй пятилетки подавляют. Они являются чем-то беспримерным в истории. В Арктике в тундрах вторая пятилетка предполагает разработать источники сырья, о наличии которых вряд ли знали когда-либо геологи... ▫

Газета „Тагебух“ права.

Легендарная Арктика гибнет. Полезные ископаемые, скрытые в грунте „вечной мерзлоты“, приобщаются на службу социалистическому хозяйству. Геологами осваивается Земля Советская...

Стране „ледяного молчания“ наступает

КОНЕЦ

ПЕРВЫЕ ВЕСТИ
С ОСТРОВОВ С. С. КАМЕНЕВА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ

Радиограммы начальника Североземельского экспедиционного отряда коммуниста-краснознаменца Г. А. Ушакова

ЖИВЕМ ОДНОЙ ЖИЗНЬЮ С ТРУДЯЩИМИСЯ СОЮЗА

Остров Сергея Каменева. 26 сентября. Скоро уже месяц, как на островах Сергея Каменева, в виду Северной Земли, сойдя с ледокола „Седов", остались четыре человека. Мои спутники — смелые люди, испытанные полярники, дружные товарищи. Имеем сорок две собаки, трехлетний запас продовольствия и снабжения. Наша задача — исследовать западный берег Северной Земли. На него не ступала нога человека. В ясные дни видим таинственные гигантские скалы, покрытые глетчерами и снегом. Зная обиженную природой „Чукотку", „метельный" Врангель, блестящую красавицу — Землю Франца-Иосифа, плачущую туманами Новую Землю, поражаемся суровости Северной Земли. Редко на несколько часов покажется солнце, небо всегда серосвинцовое, только ночью, обычно на севере, видим узкую, словно ножом прорезанную щель, окрашенную багровой зарей.

Дни убывают, скоро солнце скроется на четыре месяца, и наступит полярная, по-эскимоски — „большая ночь". Луна и полярные сияния будут единственными источниками света, поэтому торопимся использовать светлое время и пройти по льду северней, чтобы обследовать ближайший район и устроить депо продовольствия для будущих работ.

Для работы требовалось много рабочих рук. Имелось их четыре пары. Было трудно, но справились. Тренируем собак и заготовляем мясо. Бьем тюленей. Медведи долго избегали соседства с нами. Наконец, в один день на триста метров от дома прошли пять штук. Они сильно увеличили запас мяса в кладовой. Охоте мешают беспрерывные ветры. Все здоровы, бодры, ловим радио, живем одной жизнью с трудящимися Союза. Ушаков.

Москва. Госплан Союза, тов. Шмидту.

Горячий привет всех североземельцев. Здоровы. Привели в порядок базу. Установили станцию, ветряный двигатель. Проводим электричество, готовимся к санной экспедиции. Выходим первого на Северную. Привет Муханову, часто вспоминаем. Связь с Ленинградской станцией ОДР. Ушаков.

Остров Каменева, 15 октября.

1 октября вместе с двумя товарищами, Урванцевым и Журавлевым, на трех санях с 37 собаками мы вышли на Северную Землю. В наши задачи входили достижение земли, устройство продовольственного депо и топографическая съемка. В тот же день, обогнув северо-запад островов Каменева, экспедиция вышла в покрытый льдом пролив, отделяющий Северную Землю. Тяжело нагруженные сани, плохое состояние снежного покрова затрудняли движение. В 14 часов начался встречный северо-восточный ветер со снегом, скоро забушевала метель, и все потонуло в снежном вихре. Экспедиция вступила в ревущую белую пустыню, движение продолжалось с большим трудом. На 17-м километре на льду разбили бивуак. К утру занесло снегом собак, сани, половину палаток.

На следующий день с утра продолжали путь во встречной метели, продвигаясь по одному километру в час. К 19 часам метель кончилась, на горизонте появились берега земли. После часового отдыха собак экспедиция продолжала путь. В поздних сумерках в 16 часов различили неизвестный берег, идущий параллельно пути с северо-востока, потом оказавшийся большим островом. К вечеру на пути оставался кровавый след изрезанных фирном собачьих лап. Люди работали наравне с животными.

На третий день пути дорога улучшилась. С каждым часом, с каждым пройденным километром мы приближались к берегам земли, к которой когда-то с юга на собаках стремились победитель полюсов Амундсен, а с запада — дирижабль Нобиле. Вечером на 15-м километре пути экспедиция вступила на берег Северной Земли, занесенной снегом, из которого, словно обуглившиеся пни, показывались отдельные глыбы ржавокрасных песчаников. Берег быстро повышался и переходил в горную гряду. Полярным сиянием и метелью приветствовала Северная Земля первых людей. 5 октября экспедиция продвинулась к северу на высокий мыс, получивший название мыса „Серпа и Молота“ в честь поднятого на нем в этот день советского флага. Обследовав мыс, а также произведя съемку лежавшей к востоку от последнего бухты, названной „Советской“, экспедиция через два дня двинулась к северу. Убедившись в нахождении большой земли, уходящей на север, экспедиция повернула на юг. Миновав депо, построенное у мыса „Серпа и Молота“, экспедиция продвинулась по берегу на сорок километров южнее места первого выхода, пройдя таким образом больше ста километров по берегу. Погода ухудшалась с каждым днем. Наша одежда и спальные мешки оледенели. Продукты подходили к концу. На десятый день экспедиция двинулась обратно. Поздно ночью, пройдя за день 65 километров в густом тумане, сокращавшем горизонт до 200 метров, экспедиция вернулась в залитую электрическим светом главную базу на островах Каменева, где оставался один радист Ходов.

Всего за 10 дней пройдено 300 километров, по всему пути произведена съемка. На Северной собраны материалы по геологии, флоре (найдено 15 цветковых, мхи, лишайники), фауне (усмотрены луночки и следы медведей, песцов, леммингов, летних посещений гусей).

Сейчас погода ухудшается, дни быстро идут на убыль, и солнце видим исключительно редко и низко над горизонтом.

Работы экспедиции сосредоточиваются на главной базе, исследование Северной Земли возобновится с первыми признаками света после полярной ночи.

Георгий Ушаков.

НАСТУПИЛА ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Северная Земля. 21 октября последний раз видели солнце, снова оно покажется через четыре месяца. Наступила „большая ночь". Круглые сутки горит электричество. Только хронометры сообщают о наступлении утра, зовут на работу, приглашают к обеду, сообщают наступление ночи.

Сильнее всего чувствовалась оторванность от всего мира в годовщину Октябрьской революции. Хотелось по привычке быть в колоннах трудящихся, слышать шелест знамен, музыку и песни. Регулярно ведутся научные работы. В настоящее время проводятся метеорологические, астрономические и магнитные наблюдения. В последние дни построен специальный домик-обсерватория. Температура с конца октября до первых чисел ноября упала до 30 градусов ниже нуля. Однако с 5 ноября до последних дней упорные ветры южных румбов принесли сильные потепление. Температура, подымаясь до нуля, колебалась между 5 и 15 градусами, море сплошь покрыто льдом и вздыбилось хаосом непроходимых торосов. Арктика кажется мертвой, только вой ветра нарушает тишину. Все живое скрылось еще в конце сентября.— улетели розовые и белые полярные чайки, исчезли тюлени.

25 октября убит последний медведь. Запасов мяса хватит на январь, в феврале собак переведем на пеммикан, в марте надеемся снова начать охоту. Одной из основных задач полярной ночи ставим сохранение здоровья и работоспособности членов экспедиции к будущим санным экскурсиям на Северную Землю. Твердое расписание дня и хорошее питание дают право надеяться на хороший исход полярной ночи. На ясном небе часами горит полярное сияние. Это наше зрелище. Из других развлечений надо отметить „голоса из-за полярного круга"— радиоконцерты и радиогазеты. К сожалению, условия слышимости в октябре и ноябре исключительно плохие. 5 ноября ночью во время метели сорвало антенну и электропроводку. В результате при разрядке аккумуляторов станция 10 дней бездействовала. В настоящее время повреждения исправлены. Мощность станции увеличена вдвое.

Северная Земля
12 ноября.

Георгий Ушаков.

Экспедиция на Северную Землю шла проливом между островами Каменева, лежащим к северу от этих островов. Расстояние главной базы от места выхода на Северную Землю—около 50 километров на норд-ост. Все благополучно, здоровы, развертываем научную работу. Построен магнитный домик, начаты систематические магнитные и астрономические наблюдения, также ежедневные наблюдения полярных сияний. Условия работы радио исключительно плохи благодаря ежедневным сияниям. Сердечный привет всем. Северная. 3 ноября 1930 г. Ушаков.

С Северной Земли. 6/XI 1930 г.

Ленинград, Институт Севера, Самойловичу.

Благодарим, привет. Просим сообщить координаты открытого после ухода „Седова" острова. Также — возможно подробнее — о других местах высадки, открытиях, проведенных работах, оставленных знаках, предположительные координаты северо-западной оконечности земли. Первого выходим на Северную. Вернемся при благоприятных условиях десятого. На базе Ходов полагает держать связь с Ленинградской коротковолновой станцией ОДР. Просьба договориться о регулярной передаче. Метеорологические бюллетени предполагаем начать по возвращении из поездки. Телеграфировал об этом Вагенгейму. Снеситесь, договоритесь, телеграфьте. Погода неустойчивая. Ушаков.

21/II 1931. Москва. Шмидту.

Дом и радиорубку в отношении тепла для первого года можно признать хорошими. Печь топим раз в четыре дня.

Ленинградский институт Севера, Самойловичу.

Все здоровы, все благополучно. Связь отсутствовала вследствие обрыва антенны (пропуск). Повреждения исправлены. Мощность станции усилена. Работы идут нормально. Ушаков.

ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПРИСТУПАЕТ К ИЗУЧЕНИЮ БЕРЕГОВ

Северная Земля, 9 марта. С наступающей весной намечен обход с маршрутной съемкой, с геологическими и другими работами северной части Северной Земли, лежащей предположительно между 79 и 81 градусами северной широты. Общее протяжение намеченного маршрута ориентировочно определено в одну тысячу километров. Прохождение его потребует 60 суток. Но ограниченность людей и собак, вес походного и научного снаряжения дают возможность поднять запас продовольствия только на 30 суток. Поэтому сейчас проводится подготовительная работа по заброске продуктов и устройству вспомогательных депо. Нахождение главной базы экспедиции в 60 км от Северной Земли сильно осложняет работу.

Для переброски грузов на Северную Землю необходимо будет сделать 7-8 рейсов с общим протяжением свыше тысячи километров. На Северной Земле грузы сосредоточиваются на мысе „Серпа

и Молота", откуда будут продвинуты дальше на север и на восточную сторону земли, для чего потребуется пройти еще 70 километров. От результатов этих вспомогательных работ зависит успех главного задания экспедиции — нанесения на карту и обследования неизвестных берегов.

Первая поездка на трех упряжках, о которой подробно сообщалось, носившая больше разведочный характер, была наиболее легкой. Дальнейшие рейсы на Северную Землю делаем на двух усиленных упряжках при средней нагрузке на каждую собаку в 30 килограммов. О какой-либо регулярности таких рейсов можно только мечтать. Полярной ночью часто мешали темнота и ветры. С появлением света в феврале не выпускали в поездку метели, сменявшиеся сильным потеплением и снегопадом, делавшим невозможным продвижение на собаках с грузом.

Во вторую поездку вышел 4 декабря при 25 градусах мороза с надеждой использовать свет луны. Первый перегон в 30 километров продвигался по сверкающим снежным полям. Затем луна скрылась за облаками, и большая часть пути проделана в полной темноте, буквально ощупью. Темнота иногда сгущалась настолько, что нельзя было в упряжке отличить одну собаку от другой. На третий день мороз усилился до 36 градусов с резким ветром. На обратном пути недалеко от главной базы захватила метель. Несколько собак, отказавшихся работать, были погружены в сани, чем увеличили груз, уменьшили силу упряжек и замедлили движение. Поездка все же окончилась благополучно.

Третий рейс на Северную Землю сделан 28 — 30 января при морозах ниже 40 градусов. Хорошее состояние снежного покрова позволило в этот рейс проделать весь путь 165 километров в 48 часов, несмотря на то, что в темноте одна упряжка часто теряла другую, и тратилось время на поиски.

Четвертый рейс при очень неблагоприятном состоянии снежного покрова проделан в трое суток — 22 — 26 февраля. На этот раз сильный мороз сопровождал партию в продолжение всего пути. При выходе из базы термометр показывал 37 градусов. Ночью температура поднялась до 40 градусов, а на второй день мороз достиг 47 градусов. На третий день пути наметилось некоторое потепление, — термометр в этот день не падал ниже 42 градусов, однако пронизывающий северный ветер делал этот мороз более жестоким, чем в предыдущий день. Вследствие продвижения на льду и ввиду полного отсутствия топлива на Северной Земле походные печи изъяты из обихода, поэтому в палатке на несколько градусов теплее только в момент приготовления пищи на примусе. Остальное время температура сравнивается с температурой наружного воздуха: тогда стеариновая свеча выгорает только в середине, образуя пустотелый цилиндр, масло приобретает плотность льда и хрустит на зубах, спальные мешки из теплого оленьего меха перестают греть, к утру пропитываемся инеем, меховые одежды замерзают и делают мучительным надевание их. Мороз

часто делает невозможным ночной отдых людей и собак. Боязнь потерять собак часто заставляет продолжать путь сразу же после небольшой передышки. Большая потеря времени в феврале лишила возможности своевременно перебросить грузы на Северную Землю и создала исключительно острое положение в плане устройства вспомогательных депо, угрожая срывом большой санной экспедиции. Это лишило возможности в дальнейшем выжидать благоприятную погоду, поэтому в пятый рейс на Северную Землю вышли 2 марта при начавшейся метели, усилившейся в пути. Затихнув на несколько часов, метель на следующий день ударила с новой силой и сопровождала нас вплоть до возвращения на базу. Сколько-либо значительных улучшений работы в ближайший месяц ожидать нельзя. Этот месяц предполагаю закончить устройством продовольственных депо. На Северную Землю выхожу 7 марта. В этот рейс надеюсь продвинуть часть грузов на 200 километров к северу от главной базы экспедиции. Ушаков.

Ленинградский институт Севера — Визе.

18 апреля. От имени товарищей, а также своего, благодарю Институт за приветствие и пожелание успеха. Вслучае захода „Ломоносова" на Северную прошу послать 20 хороших собак с Новой Земли. Заброска продовольствия на Северную Землю, устройство депо закончены. Вчера вернулся с поездки на мыс Берга. Разыскан астрономический пункт Гидрографической экспедиции. Здесь же устроено продовольственное депо. Через несколько дней выходим на съемку Земли на основании материалов, полученных при устройстве депо. План работ в окончательном виде следующий: экспедиция с главного депо на мысе „Серп и Молот" двинется на север, вдоль берега Земли, обогнет северную оконечность Земли к мысу и бухте Евы для съемки (гидрографической экспедиции), после чего повернем к северо-западу, обогнем острова, примыкающие к западному берегу; возвратимся на „Серп и Молот" с западной стороны островов. По благополучном завершении этого маршрута, экспедиция с мыса „Серп и Молот" повернет на восток, пересечет на 80° Землю, пройдет восточной стороной Земли Шокальского, после съемки которой снова на его широте сделает пересечение Земли, вернется западным берегом Земли на главную базу островов. Последние представляют многочисленную группу, потребуют много времени, но как наиболее доступные районы оставляются до осени. Для намеченных работ на Северной Земле экспедиция имеет трехмесячный запас продовольствия.

Имеем сведения о получении в Ленинграде сигналов бедствия с нашими позывными. Прошу Институт сделать объявление советской общественности, что эти сигналы являются злостной провокацией, имеющей целью посеять панику, беспокойство за судьбу экспедиции. Аналогичную просьбу адресовал председателю Правительственной арктической комиссии Каменеву. Ушаков.

Молния. Москва. Реввоенсовет. Каменеву.

Все благополучно. Никаких опасностей в весенней работе нет. В случае непосылки корабля желательна смена в августе, сентябре. Урванцева самолетом Карской экспедиции из-за состояния здоровья. Вторая полярная ночь для него будет чрезвычайно тяжелой. Наше действительное местонахождение, многочисленным проверенным астрономическим определением Урванцева, 79°29′58″ широты, 91°07′51″ долготы при склон. ком. Большим недостатком, нервирующим участников экспедиции, является отсутствие связи с материком. Для дальнейшего обеспечения связи, а также регулярной передачи метеорологических наблюдений, теряющих теперь практическую ценность, требуется мощная станция КВС. Почти не слышим телефонную передачу. Других станций нет. Просьба содействовать передаче имеющихся в Ленинграде на наш адрес телеграмм станцией при возможности ее работы телеграфом. Просьба, вслучае возможности передачи в первую очередь телеграммы Журавлеву, Урванцеву, служебные; вторую — Ходову, мои. Слушаем 15 часов по московскому времени.

Ушаков.

ПОЛЯРНИКИ СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ ПРИСТУПИЛИ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ РАБОТАМ

Северная Земля. 21 апреля. Замедлена доставкой.

Подготовительные работы к большой санной экспедиции закончены. За истекший месяц для заброски продовольствия сделано две поездки общим протяжением свыше 800 км.

В первую поездку вышел 6 марта, поставив себе задачу выдвинуть продовольственное депо на 200 километров вдоль берега Земли, к северу от главной базы. 9 марта миновал главное продовольственное депо на мысе „Серпа и Молота“ и на следующий день — крайнюю точку, достигнутую в октябре минувшего года. 11 марта к западу от Земли открыто три новых острова. В ночь на 12 марта началась сильная метель, державшая нас в палатке втечение трех суток. С окончанием метели Землю накрыл густой туман.

Продвигаясь по проливу в тумане, с трудом удалось подойти к одному из вновь открытых островов. На этом участке пути 90% всей площади занимают айсберги, достигающие высоты 25 м. Продвижение между ними было возможно лишь узкими коридорами, заполненными в последние дни рыхлым снегом или открытой водой.

Остров, к которому мы приблизились, оказался покрытым глетчерами, движущимися в сторону пролива и заполнившими последний ледяными горами. До позднего вечера, несмотря на вновь начавшуюся метель, продолжали путь по опасному льду. На следующий день в густом тумане пробились сквозь узкую полосу сравнительно раннего льда к берегу.

Последнюю гряду айсбергов, шириной всего лишь в 200 метров, перевалили за 3 часа.

17 марта на 81 градусе северной широты нами был открыт высокий скалистый мыс, получивший имя Клима Ворошилова. Отсюда берег в пределах видимости заворачивает к юго-востоку, что дает повод предполагать, что мыс Ворошилова является крайней северной точкой Северной Земли.

Мыс окружен мелкими островами. Дальше к северо-западу виден ряд островов, которые тянутся сплошной грядой до 81 градуса.

Устроив на небольшом островке в 7 км севернее мыса Ворошилова депо с полумесячным запасом собачьего корма, 18 марта мы вышли в обратный путь. Несмотря на то, что топливо и продовольствие экономили, их оставалось у нас всего лишь на двое суток. Между тем от главной базы нас отделяло расстояние в 200 км. Термометр показывал ниже 30 градусов. Однако установившаяся хорошая ясная погода позволила миновать ледяные горы, срезать мысы и бухты и в двое суток покрыть все расстояние, для прохождения которого вперед с грузом нам потребовалось 12 суток.

Затем нам предстояло устройство продовольственного депо на восточной стороне Земли. Измученные тяжелой дорогой к мысу Ворошилова, собаки требовали продолжительного отдыха. Пеммикан, которым их кормили, оказался недостаточно питательным. К счастью, на западе от островов Каменева вскрылись льды, открылись большие полыньи,которые привлекали белых медведей. Мы убили трех зверей и свежим мясом быстро восстановили силы собак.

2 апреля мы вышли в новый поход. Задачей похода было пересечение Земли при выходе на восточный берег или у мыса Арнольда, или у залива Матусевича, в зависимости от условий рельефа Земли. Ночью 4-го снова был достигнут западный берег Земли в 30 км южные мыса „Серпа и Молота". В тот же день приступили к пересечению Земли. На 20-м километре при подъеме поднялась сильная встречная метель, продолжавшаяся около полутора суток. Втечение трех суток двигаться пришлось в сплошном тумане. На месте пересечения оказалось плоскогорье с наивысшей точкой в 400 м.

Перевал был совершен на высоте 350 м.

В 20 км восточнее вершины перевала было обнаружено верховье реки, текущей в направлении северо-востока. Мы решили исследовать русло. Спуск в русло, вследствие необычайной крутизны и высоты берегов, был произведен на цепях. В ночь на 8 апреля река привела нас к узкому ущелью глубиной около 100 м. Пробив ущелье, река, получив новый проток, образовала пресноводное озеро, шириной около 3 км и длиной 8 км. Миновав озеро, мы вышли на глетчер, запрудивший русло реки и послуживший причиной образования озера. Ось глетчера лежит в глубоком фиорде, на котором заметно действие приливов. Глетчер, заполняя весь фиорд, тянется далее чем на 30 км, выходя в залив Матусевича. Последний вместе с фиордом врезается вглубь Земли при-

близительно на 60 км. Перед выходом в залив Матусевича фиорд прорезает горную складку, образуя скалы высотой более 300 м. Здесь 8 апреля нами были встречены первые в этом году птицы — люрики, чистики и чайки и найдены все признаки птичьего базара. Через несколько дней на обратном пути в этом районе люрики встречались уже целыми стайками.

Вечером 11 апреля, пройдя залив Матусевича и мыс Ниллен Бера, мы достигли мыса Берга, где нашли астрономический пункт — остаток флагштока Гидрографической экспедиции 1913 года, открывшей Землю. Бамбуковая мачта флагштока оказалась сломанной медведями, а знак астрономического пункта изгрызан. В районе встречено много леммингов и песцовых следов. Вдоль берега стоит однолетний, слаботоросистый лед. Здесь мы устроили последнее депо для запаса собачьего корма, топлива и продовольствия.

12 апреля при встречной метели вышли в обратный путь, однако смогли продвинуться лишь до начала фиорда. Движение по гладкому, усеянному трещинами льду глетчера при ветре, сбивающем собак, оказалось невозможным. Только через сутки метель стихла, и мы получили возможность продолжать путь; не продвинувшись и 50 км, в начале подъема через перевал попали в новую, более сильную метель. Только пройдя перевал, нашли место, где можно было укрыться от метели. На главную базу вернулись 17 апреля, убив накануне медведицу и поймав живьем медвежонка.

Остававшиеся на главной базе тт. Урванцев и Ходов проделали работу по развеске и упаковке продовольственных рационов для предстоящей большой экспедиции.

22 апреля выходим в санную экспедицию по съемке и исследованию Северной Земли. Стоит солнечная погода, термометр показывает около 30°. Светит незаходящее солнце. На основании материалов, полученных в период устройства вспомогательных депо, путь экспедиции рассчитан на охват максимально большего района. Экспедиция выходит от главной базы на мыс Серпа и Молота и, пополнив запасы, пройдет вдоль берегов Земли на северо-восток, оставляя к западу от пути все острова, примыкающие к Земле. Обогнув северную оконечность Земли, экспедиция предполагает замкнуть свою съемку на мысе и бухте „Ева", после чего, оставляя уже известный восточный берег, экспедиция пойдет на северо-запад для описания неизвестных островов, которые очевидно тянутся грядой до 81 градуса северной широты. Обогнув их, экспедиция пройдет западной стороной на остров и замкнет маршрут на мысе Серпа и Молота.

Исходя из этого маршрута и возможности продолжать работу на собаках, экспедиция, не заходя на главную базу, выйдет на второй маршрут, задачей которого будет проникнуть в неисследованный залив Шокальского для съемки западного берега Земли, к северу от 79 градуса.

Для этого предполагается пересечь под 80 градусом Землю, выйти на мыс Берга, пройти восточным берегом Землю и залив

Шокальского, после съемки которых снова пересечь Землю и вернуться на исходный пункт маршрута, а затем на главную базу острова Сергея Каменева. Многочисленная группа мелких островов, протянувшихся вплотную к Северной земле, как наиболее доступный и близкий район, останется для последующих работ экспедиции. Для выполнения заданий экспедиция имеет на Северной Земле трехмесячный запас собачьего корма, топливо, продовольствие, а также необходимое снаряжение.

На главной базе останется радист Ходов, который будет поддерживать связь с материком, вести метеорологические наблюдения и передавать сводки в бюро погоды. Ушаков.

НА ЗЕМЛЕ СЕВЕРНОЙ

Советским полярникам удалось достигнуть северной точки земли Земля Северная 31 мая.

Пройдя втечение 36 суток 800 километров, 29 мая экспедиция успешно закончила первый намечавшийся планом маршрут. Открыт новый пролив, отделяющий северную часть от средней части Земли Северной. Последняя представляет собой большой остров, покрытый большей частью глетчерным льдом. Оконечность Земли, получившая название мыса Молотова, достигнута 16 мая на широте 81°16′ и долготе 95°37′.

Вплотную у мыса Молотова экспедиция встретила открытую воду с редкими плавающими льдинами. К северу открытая вода уходила до пределов видимости. Последующими наблюдениями установлено, что вскрытые льды в момент прохождения экспедиции окружили всю северную часть Земли. На оставшемся широком неподвижном береговом припае, который доходил то почти вплотную к мысам, то к восточной стороне земли до половины 81°, найдены птичьи базары, что заставляет исключить предположение о случайности вскрытия льдов в этом районе в текущем году.

На всем пройденном пути произведена маршрутная съемка до сего времени неизвестных берегов. Съемка закреплена семью астрономическими пунктами. Выявлена чрезвычайно сложная геология Земли, собраны ценные материалы. Единственной помехой во время похода была погода. Сильная облачность, часто налетавшие продолжительные густые туманы иногда останавливали работы на несколько суток. Спускаясь к юго-западным берегам Земли, экспедиция приблизилась на 50 километров к главной базе на островах Каменева. Решено было посетить оставшегося здесь товарища — комсомольца Ходова.

После двудневного отдыха собак и некоторого ремонта снаряжения, 1 июня экспедиция снова выходит в путь для выполнения второго по плану маршрута, который должен от главной базы пересечь Землю, выйти на мыс Берга и залив Шокальского и снова перейти на западный берег Земли. Таяние снега еще не началось, и экспедиция надеется до наступления этого периода закончить пересечение Земли. Ушаков.

ОБСЛЕДОВАНО 70 ПРОЦЕНТОВ СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ, ОТКРЫТ НОВЫЙ ЗАЛИВ

Председателем Арктической комиссии С. С. Каменевым получена радиограмма от начальника Северной земли тов. Ушакова об обследовании Северной Земли.

„Южный маршрут,— говорится в этой радиограмме,— закончен благополучно. Начавшаяся 20 июня распутица сделала его чрезвычайно трудным. Втечение целого месяца тонули в снегу, плавали вместе с собаками и санями в воде, шли по размытому льду, переправлялись через трещины и реки. Последние пять суток питались одним рисом и шоколадом. Трудные переходы изнурили собак. Из-за такого состояния собак переходы сделались мучительными. Беспрерывные туманы, сильные ветры, проливные дожди, увеличивающие число трещин на льду, ставили под вопрос достижение главной базы. По пути убили 5 медведей. Это позволило съэкономить продовольствие, взятое в расчете закончить обследование в месячный срок.

Всего обследование продолжалось 50 дней. Экспедиция прошла 700 км и определила 5 астрономических магнитных пунктов.

Внесен ряд исправлений в съемку гидрографической экспедиции: на восточном берегу вместо залива Шокальского открыт пролив, имеющий в самом узком месте ширину 20 км. По ряду признаков глубина его безусловно допускает проход судов. Весь пройденный берег обследован также геологически. Пробы взяты.

Всего на Северной Земле сделано 1500 км маршрутной съемки, охватывающей площадь в 25 000 кв. км. Осмотрено около 200 обнажений, собрано 400 образцов пород. Собраны материалы по оледенению земли, режиму льдов, гербарий и т. п. Всего экспедицией обследовано 70% территории Северной Земли.

Такая работа могла быть выполнена благодаря дружному сотрудничеству всех членов экспедиции. Особенную ценность приобретают работы экспедиции благодаря участию тов. Урванцева, с которым мною был совершен последний поход. Здоровье его поправилось, и необходимость его отъезда отпадает. В ближайшее время приступаем к подготовке следующей зимовки. Все бодры и здоровы

Георгий Ушаков.

РАБОТА ЭКСПЕДИЦИИ НА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

(Радиограмма т. Ушакова „Известиям", принятая на „Малыгине" 3 августа 1931)

План полевых работ экспедиции в текущем году выполнен полностью. Неблагоприятная погода в феврале, задержавшая работы по устройству вспомогательных продовольственных депо на целые полмесяца задержала выход по новому маршруту вокруг северной части Земли и поставила нас перед необходимостью провести второй маршрут в период распутицы, начала вскрытия льдов с сопутствующими им трудностями.

Во второй маршрут экспедиция вышла 1 июня, в 12 дней пересекла Землю и достигла продовольственного депо на мысе Берга. В предвидении распутицы, желая увеличить ресурсы экспедиции, мною откомандирован на главную базу один спутник с 8 собаками.

После окончания астрономических наблюдений 14 июня, в сопровождении Урванцева, руководящего научной работой экспедиции, вышел к восточному берегу Земли по направлению к заливу Шокальского. На имевшихся двух санях с 20 собаками мы могли поднять, кроме экспедиционного научного снаряжения, только месячный запас продовольствия и 20-дневный запас собачьего корма.

После двух переходов 15 июня был достигнут мыс Анучина, где экспедиция задержалась на сутки для астрономических наблюдений. Результаты съемки между мысом Берга и мысом Анучина, за исключением мелких деталей, совпали с имеющейся съемкой гидрографической экспедиции. Дальше пошли крупные расхождения. С южной стороны мыса Анучина найден неглубокий залив, начиная с которого берег идет почти в прямом направлении на юг.

17 июня мы убедились, что мыса Аргольда в действительности не существует: за таковой, очевидно, был принят один из группы мелких островов, лежащих вдоль берега к югу от мыса Анучина. Хорошо видимый южный берег залива Шокальского с выступающим мысом Визе шел почти параллельно нашему пути. Совершенно ровный лед и легкий мороз, остановивший начавшееся таяние снега, создали исключительно благоприятные условия путешествия. 17 июня пройдено, заснято и обследовано 54 км, в следующий день — 35 км.

В конце второго перехода на горизонте были замечены морские торосистые льды. Таким образом, вместо залива экспедицией открыт широкий пролив. После определения нового астрономического пункта мы убедились в отсутствии нанесенной на карту горы Толмачева В этом месте мы нашли ледниковый щит, занимающий всю южную часть центрального острова Земли без всяких признаков отдельных вершин или гор.

19 июня убили трех медведей, пополнивших запасы экспедиции. 20 началась распутица. Температура поднялась до 5 градусов тепла. С этого дня путь стал одинаково мучительным для людей и собак. Переходы в 5 километров, требовавшие затем продолжительного отдыха собак, стали считаться достижением. Маленький караван буквально тонул в снегу, в котором с каждым днем скоплялось все больше воды. Снег отказывался держать сани, собак и даже лыжи. Часто приходилось один участок проходить несколько раз, сбрасывая груз, пробивая дорогу и возвращаясь обратно. 25 июня вскрылись все реки. Движение по берегу стало невозможным. В море лежали непроходимые торосы с глубокими озерами или еще более глубоким снегом. Единственно возможной дорогой оказалась узкая полоса прибрежных ровных льдов, залитых водой

День за днем экспедиция шла в ледяной воде, часто на протяжении десятка километров не встречая льдины, на которой можно

было бы дать отдохнуть и согреться замерзающим собакам. 30 июня экспедиция была близка к катастрофе. Пересекая один из многочисленных мелких заливов, караван проходил вблизи кромки торосистых льдов, оставляя ближе к берегу льды, где скоплялось слишком много воды. Неожиданно подувший с берега резкий ветер, погнал воду, прижал ее к стене торосистых льдов. Втечение пятнадцати минут уровень воды поднялся до половины человеческого роста. Всплывшие сани погнало ветром, плавающие собаки начали захлебываться. С трудом удалось повернуть упряжки против ветра, оттянуть на более мелкое место, затем выйти на прибрежный лед, с которого вода совершенно исчезла. Продолжавшийся ветер на следующий день прижал воду к одному из мысов, лежащих на пути экспедиции. Дорогу к берегу отрезал большой поток, попытка перейти его выше по течению не дала результатов. Экспедиция попала в целую сеть непрерывающихся глубоких потоков и принуждена была вернуться на побережье и ожидать перемены ветра.

Втечение пяти суток туман, снег и дождь, сменяя друг друга, держали нас на одном месте, лишая возможности определить намеченный астрономический пункт. Расходовались продовольствие и топливо, собачьего корма оставалось на пять суток, от главной базы отделяло растояние в 150 км. Состояние дороги позволяло проходить максимум 10 км в сутки. Перспектива была или, прекратив работу, гнать форсированным маршем ослабевших собак на главную базу, или, продолжая работу, начинать кормить собак собаками, или, наконец итти и тащить сани самим.

Выход подсказала сама Арктика: 6 июля на льду был замечен медведь. После продолжительной погони по озерам накопившейся воды, между торосами, зверь был убит и вывезен на берег. Через несколько часов по следам крови пришел к лагерю и был убит второй медведь. На следующий день к лагерю подошли три новых медведя, в которых нужды уже не было. Располагая мясом, экспедиция могла ожидать необходимых условий для работы и провела в лагере четверо суток. 10-го астрономические наблюдения были закончены. На следующий день с восьмидневным запасом корма пошли дальше.

Путь шел вдоль берега ледникового щита. В прибреженых льдах появились широкие трещины. В конце дневного перехода размытый лед стал напоминать кружево, узкие перемычки между сквозными пробоинами часто пробивались шестом. Каждую минуту ждали обвала льда. С трудом вышли на берег, вдоль которого образовалась большая прибрежная полынья.

На следующем переходе дорога еще более ухудшилась. Вновь трещины, полынья, сплошная вода, снова ледяной барьер. Собаки начали отказываться работать; к концу перехода несколько из них лежало в санях. У многих на разбитых лапах стали обнажаться кости. На протяжении многих километров не было ни клочка обнаженного льда для бивуака. Сильный ветер пронизывал совершенно мокрые одежды. Наконец был достигнут залив Сталина, лежащий к югу от мыса Серпа и Молота; на северо-западе узкой лентой пока-

зались острова Каменева. Выход на берег отрезала полынья, поэтому лагерь разбили на льдине, отколовшейся от глетчера и окруженной трещинами. Путь к заливу тоже оказался отрезанным скопившейся здесь благодаря ветру сплошной водой.

14 июля перенесли груз, сани и собак через трещину и поднялись на ледниковый щит, по которому прошли на совершенно обнаженный от снега берег. Здесь в каждые сани поочереди впрягали всех способных работать собак, впрягались сами и тащили по голой земле, переправлялись через реки, затем возвращались за вторыми санями. Проходя таким образом по 20 километров, продвигались в действительности на 5 километров. После перемены ветра вода очистила льды залива Сталина. Построив ледяной мост через трещину, снова вышли на лед и пересекли залив.

Втечение двух суток непрерывно шел сильный дождь. 18 июня на полуострове Парижской коммуны сомкнули маршрут последней точкой,нанесенной на карту осенью прошлого года. На льду появились трещины и полыньи, через которые, за отсутствием лодки, уже нельзя было переправиться. Две собаки издохли от истощения, пять вместе с передовиком лежали в санях, остальные, отдавая последние силы, начали падать в воде. Корм кончился, отдали остатки сливочного масла и шоколада, сами питались одним рисом, который приходил к концу.

На пятидесятый день пути, 20 июля, главная база была достигнута. Маршрут, протянувшийся на 700 км, окончен. Несмотря на неблагоприятные условия, работы проведены полностью.

В конце августа истекает год пребывания экспедиции на Северной Земле. Результаты работ экспедиции следующие. Пройдено на собаках, включая подготовительные работы, свыше 3 тыс. км, проведено 1500 км маршрутной съемки, охватывающей площадь около 25 тыс. кв. км и опирающейся на 13 астрономических магнитных пунктов. При астрономических наблюдениях долготы определялись по радио. Принимались ритмические сигналы ст. Науэн, Рэгби, Бордо. Походный радиоприемник с питающими батареями и всеми принадлежностями весом 28 кг составлял нагрузку одной собаки. Метод, впервые примененный в условиях экспедиции в высоких широтах, блестяще выдержал испытание. Экспедицией выяснены: простирание Земли к северу, ее общая конфигурация, площадь, рельеф, геоморфология.

Главную массу Земли составляют три больших острова, получившие наименования: центральный — остров Октябрьской Революции; южный, отделенный от центрального проливом Шакальского,— остров Большевик; северный, отделенный проливом Красной Армии,— остров Комсомолец.

К ним примыкает ряд мелких островов, собранных большей частью в небольшие группы. Самую значительную из последних представляют острова Сергея Каменева. Пролив Красной Армии забит многолетним льдом, айсбергами, выходы его закрыты мелкими островами. Второй открытый экспедицией пролив — Шокальского

в самом узком месте имеет ширину в 20 км. По всем данным, он часто вскрывается от льдов и проходим для судов. В момент прохождения экспедиции пролив на всем протяжении был заполнен однолетним льдом, а на южном выходе — льдом, образовавшимся во вторую половину зимы.

Выяснено в основном геологическое строение Земли, представляющей древнюю, складчатую страну весьма сложного строения, с опрокинутыми, местами разорванными и надвинутыми друг на друга свитами. Собраны материалы, доказывающие опускание страны в четвертичную эпоху, затем новое поднятие по целому ряду разломов, определяющих в основном современное очертание Земли. Признаки продолжающегося поднятия в настоящее время обнаружены во многих местах.

Экспедицией обследован геологически весь пройденный берег, на протяжении которого осмотрено около 200 обнажений, собрано несколько сот образцов горных пород, открыты признаки ряда рудных месторождений. При пересечении Земли получены данные для полного геологического разреза. Собран ряд материалов по оледенению Земли, режиму окружающих ее льдов, а также материалы о флоре Земли, фауне, в частности по промысловому зверю (белый медведь, песец, морской заяц, нерпа); метеорологические наблюдения и передачи сводок ведутся непрерывно. Общий результат работы: обследовано и заснято 70 процентов всей Земли.

Высаживаясь у острова Каменева, экспедиция имела 41 ездовую собаку, к началу полевых работ количество собак сократилось до 31, в период полевых работ потеряно 6. Оставшиеся собаки требуют продолжительного отдыха. Работы экспедиции сосредоточиваются на главной базе, начинается подготовка к следующей зимовке, для которой экспедиция располагает достаточными запасами продовольствия и топлива. Корм собакам будет добываться охотой. Основной зверь, дающий мясо,— белый медведь, много нерпы, имеется морской заяц.

Ушаков.

Северная Земля — Москва, Волхонка, 14. Шмидту, Муханову

Шлем привет с далекой Северной Земли. Наступила вторая полярная ночь. Морозы, пурга. Недавно около окон убили медведя. Как живете? Сообщите, какие снаряжаются экспедиции. Куда? Все шлют привет. Отвечайте.

Ушаков, Урванцев.

Остров С. Каменева. Ушакову, Урванцеву, Ходову, Журавлеву.

С большой радостью прочли первые далекие вести товарищей, оставленных нами на Северной Земле. Несказанно рады бодрости, уверенности в завершении возложенной задачи. Ждем ваших устных сообщений о первых работах. Привет всем.

Шмидт, Муханов.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Р. Л. Самойлович, проф. Предисловие . . . 3

Часть I: В АРКТИКУ

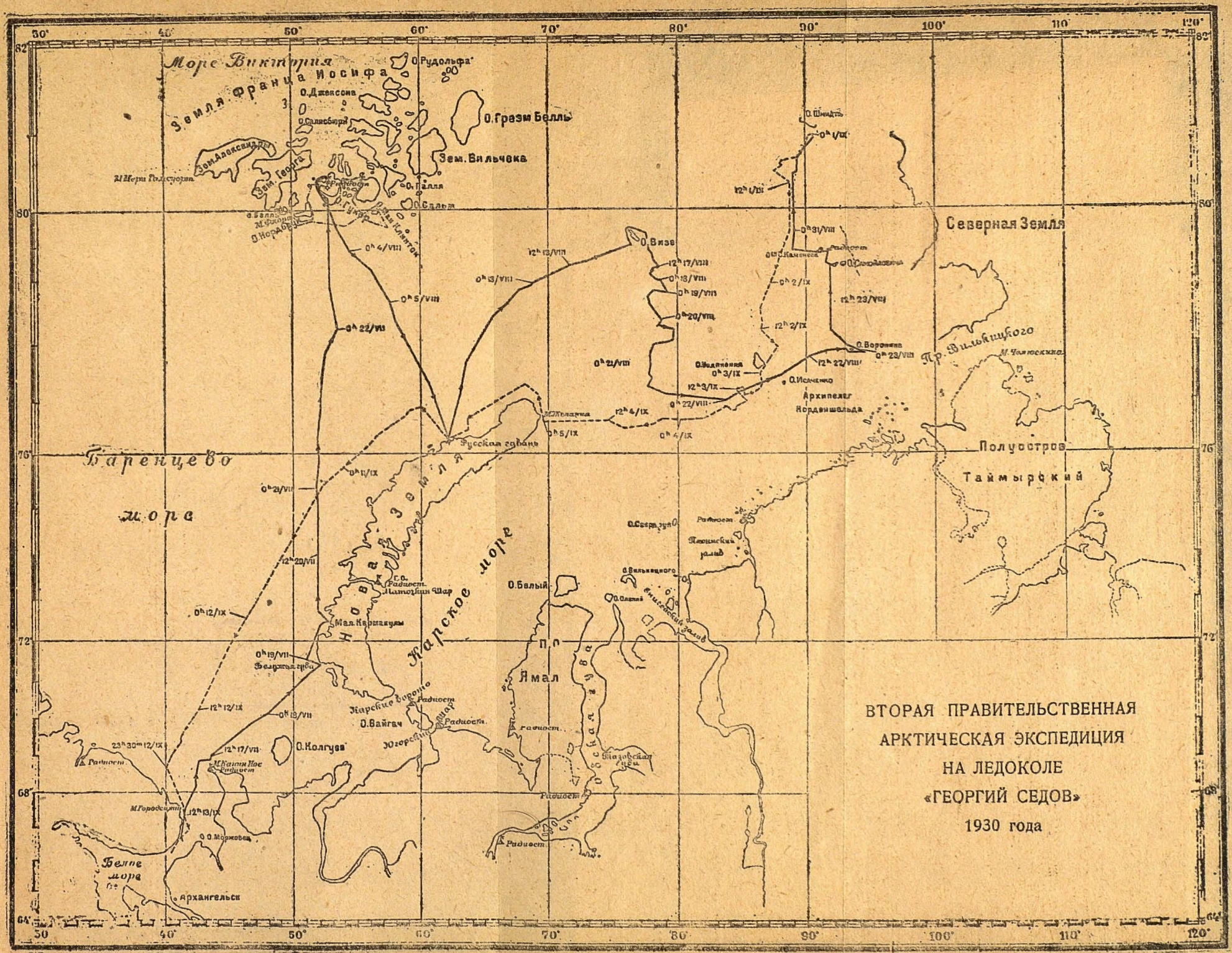
Погрузка 9
Покидаем Архангельск 15
Белое море. В гостях у новоземельцев 19
Курс на Землю Франца-Иосифа 23
Сквозь ледяной барьер 29
Земля Франца-Иосифа 40
В музеях Арктики 61
Остров Мак-Клинток 63
Прощай, «Маркеловка» 74
К мысу Желания 77
Среди льдов и айсбергов 78
Тайна полярного моря 90
Русская гавань 92
Неожиданная находка 94
Охота на белых медведей 96
В глубь Новой Земли 108
Приход «Сибирякова» 119

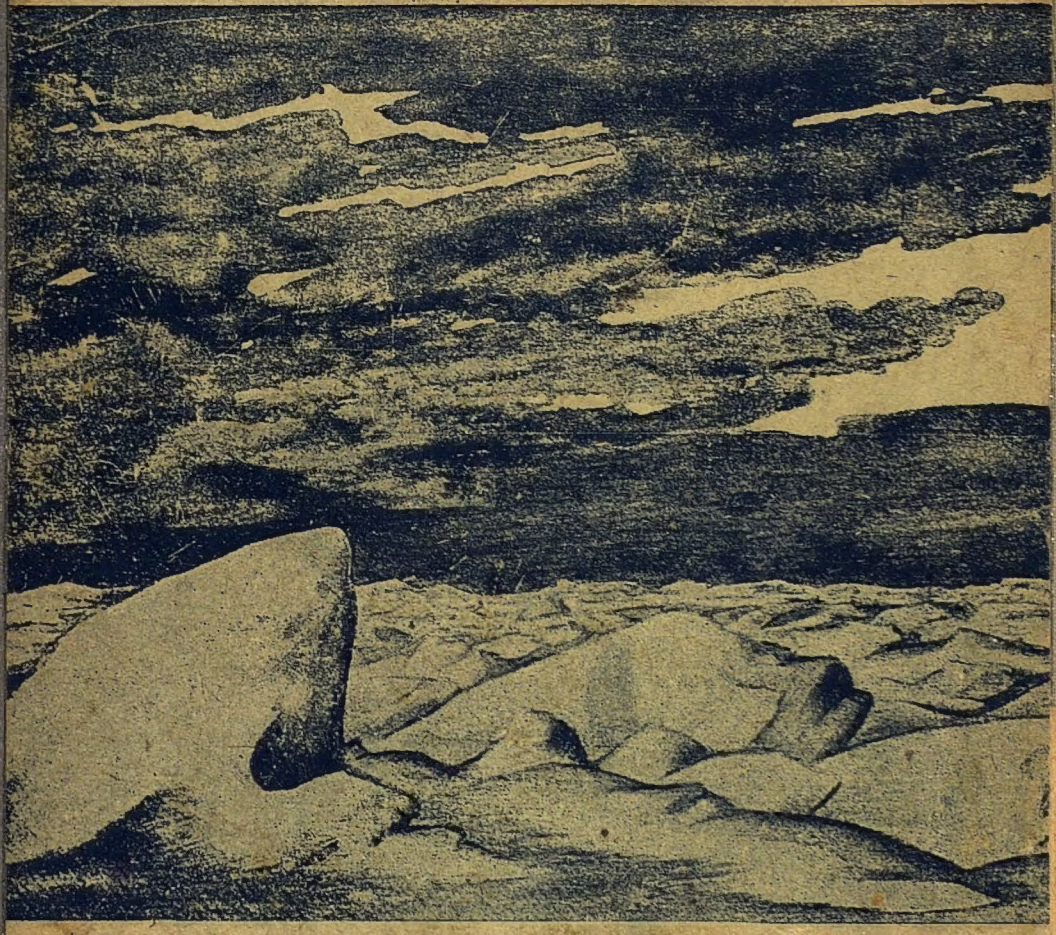
Часть II: В СТРАНУ ЛЕДЯНОГО МОЛЧАНИЯ

Открытие острова 127
На острове Визе 133
Разведка в глубь острова 136
Из дневника 143
Тридцать три года подо льдом 149
Северная Земля 156
Острова С. С. Каменева 163
Конец молчанию 169
Отъезд 178

Приложение 185

Кабинет Севера
Обл. Библиотека
им. А. М. Добролюбова


Море Виктория
Земля Франца Иосифа
О. Рудольфа
О. Джексона
О. Солсбюри
О. Грези Беллъ
Зем. Вильчека
Зем. Александры
Зем. Георга
М. Жюри Голдсборо
О. Галля
О. Салли
О. Белл
М. Флора
О. Нора
О. Виже
О. Шмидта
Северная Земля
О. Каменева
О. Самойловича
О. Воронина
О. Исаченко
Архипелаг Норденшельда
Пр. Вилькицкого
М. Челюскина
Полуостров Таймырский
Баренцево море
Русская гавань
Новая Земля
Карское море
О. Белый
О. Сергуля
Расчет
Пловучий маяк
О. Вилькицкого
О. Олений
Енисейский залив
Мал. Кармакулы
Маточкин Шар
Полуостров Ямал
Обская губа
Карские ворота
О. Вайгач
Югорский Шар
О. Колгуев
Белое море
Архангельск
О. Моржовец
М. Городецкий
М. Канин Нос
ВТОРАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
АРКТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
НА ЛЕДОКОЛЕ
«ГЕОРГИЙ СЕДОВ»
1930 года

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

2 р. 90 к.